

Отдельное СПАСИБО АФФТАРА друзьям и знакомым, безо всякой корысти принявшим «родовспомогательное участие» в появлении на свет этой книжки:

Дочуре (Юлии Пискулиной) — первому корректору,

Григорию (Грише Гималайскому, «бойфренду» вышеозначенной Дочуры) — первому читателю, Вале (жене, другу и любимой женщине)!!! — главному вдохновителю, вопреки и благодаря стараниям которой эта книга таки материализовалась,

Хорьку (сыну Илье) — за то, что не всегда мешал,

Жене Блинову — художнику, оформившему книгу,

Ичиену (художнику, ученику Мастера Зена Куку) — автору картины на обложке,

Дядьке Цхо (Юре Цховребову) — ИСКРЕННЕЕ спасибо за участие в судьбе, четвертьвековую дружбу и помощь «по жизни»,

Доктору Тане Браславской — бизнесВумен (большая буква именно в этом месте), «монстру российского пиара»... и...!!! ...,

Юлии Блейх — любимой соседке, за то, что она есть...

...и многим другим, чьи фамилии пока не подлежат разглашению в интересах дела...

Типа предисловие

Автор писал эту книгу, совершенно не ориентируясь ни на какую группу читателей — ни возрастную, ни социальную, ни какую прочую. Автор вообще плохо ориентируется. Сия нетленка родилась сама собой из наблюдений, впечатлений, историй, происходивших, да и происходящих сейчас, как с ним самим, так и с людьми, живущими вокруг. Поэтому продукт его творчества — а любое действие, производимое от души и с любовью, является творчеством, будь то заваривание чая или занятие любовью — есть продукт коллективный. Как бы кто ни говорил, какой он молодец и сукин сын, в одиночку он — ничто. Что бы он делал, не встретясь ему на жизненном пути такие интересные люди и прочие занимательные персонажи. Не говоря уже о редакторах, корректорах, наборщиках в типографиях, перестройке, открывшей границы, правительстве, ослабившем цензуру, партии... пардон, теперь или пока, это не актуально... да всех и не перечислишь. А так как автора никто и никогда не учил писательству и он все свои «велосипеды» и «телеги» изобретал сам, то и пошел по пути наименьшего сопротивления, придумав-таки стиль, совершенно не обязывающий к наличию какого-либо сюжета. Тем более что один умник подсчитал — я, конечно, могу ошибаться в цифрах, будто вся литература мира за всю её историю ограничивается двадцатью четырьмя сюжетами. Вся остальная куча исписанной бумаги есть перепевы этих двадцати четырех сюжетов. Так что свой стиль я бы назвал — литературные пазлы или лего, части которых можно «местать менями», читать почти с любого конца или выборочно на интересующие вас темы.

По задумке, это располагает к продолжению, если будут «заявки читателей». Такая мысль пришла в голову, когда я публиковал отрывки в Интернете, и мне приходили письма типа «аффттар, издчо». Прототипам персонажей было зачитано и испрошено разрешение об упоминании того или иного эпизода

или черты характера. Что-то впоследствии пошло в дело, а что-то пришлось зарыть в недра винчестера в ожидании подходящего случая для использования в других историях, возможно, того самого продолжения. Некоторые узнают здесь себя, а кто-то углядит в этих рассказиках детали биографий своих знакомых, причем, возможно, нескольких в лице одного героя. Это нормально, и имена могут совпадать, и фамилии быть похожими — автор очень пыжился в потугах на художественность.

Ведь речь идет о Гоа, а это очень серьезная тема, так как Гоа — это отдельный, очень странный, не похожий ни на что мир, и люди, здесь живущие, также очень странные и с традиционной точки зрения абсолютно не от мира сего, вернее, «не от мира того», что существует за пределами Гоа. Поверьте, грань между вменяемостью и сумасшествием проходит лишь в вашем сознании, а обращать или нет внимание на те или иные постулки и поведение — определяется вашим воспитанием и этикой. Я наблюдал, как внешне абсолютно не приспособленный к самостоятельной жизни мальчишка, больше напоминающий ботаника в очках, полгода скитавшийся по ашрамам, искал работу, чтобы добыть средства на билет в Москву, так как виза уже кончалась, а деньги и не начинались вовсе. Разве это не сумасшествие? Или как делегация правительства одной из волжских областей во главе со спикером областной думы во время экскурсии в заповеднике около водопада, куда даже пластиковые бутылки проносить запрещено, накрыла «поляну» и три часа бухала, пытаясь налить водкой и накормить салом всех окружающих, в том числе и обезьян. С последними они, кстати, неплохо поладили, видно, генная память, дремавшая у думцев несколько десятков тысяч лет, под действием водки проснулась, и они признали друг в друге родственников, братьев и единомышленников. Или бывший олигарх-нефтяник, променявший домик в Барвихе с конюшней на пасеку, расположенную на окраине индийской

деревни. И что более вменяемо? Наверное, поэтому на вопрос, «как дела?» здесь чаще отвечают, «нормально». Ни хорошо, ни плохо, потому как эти понятия сугубо индивидуальны, вспомните хотя бы, «что русскому — хорошо, то немцу — смерть». Вот мы и говорим — «нормально», нормально сейчас, здесь и для меня, а что будет потом?..

Люди, оседающие тут, составляют определенную общность, интернациональную, жутко разношерстную, некоторые с весьма сомнительным прошлым, находящиеся в розыске по линии Интерпола, но здесь это ни плюс, ни минус, здесь это — нормально. Это человекоборище — гротесковая, сюрреалистическая модель какого-то утопического мира. Я бы назвал её неким ПАРАЗИТАРИЕМ, ведь люди, живущие здесь, с точки зрения людей вменяемых, бездельники и полные паразиты на шее цивилизации. Здесь почти нет криминала, ну, воруют, конечно, как на любом курорте, в основном заезжие гастарбайтеры из соседних штатов и сами туристы. Поэтому задачи полиции сводятся к «бомблению полтешков» с ездящих без прав иностранцев, которые после уплаты пары штрафов резонно считают себя выполнившими свой долг перед семьями этих достойных полисменов и, игнорируя выбегающих из кустов сборщиков податей, проезжают мимо. Для российского менталитета тут полное раздолье. Если менты приезжают на громкие вечеринки — «пати» и выдергивают провода после десяти часов вечера, организатор удаляется с ними «потрендеть» и, передав гостинцы их детям, продолжает веселье. Как все это близко, не правда ли? Но подробнее об этом в самой книге, нелогичной и сумбурной на первый взгляд. Но если даже по прочтении книги до конца вы не увидите в ней логики, значит, автор добился своего, он смог передать свои впечатления и ощущения и нарисовать пеструю, может, немного самодеятельную иллюстрацию к этой отдельной, отчасти мультяшной, планете под названием Гоа. Мы все

живём в действительностях, которые сами себе создаём. Какая она, именно ваша действительность? И как кому воздастся по действительности его?

Конечно, все гораздо сложнее, но мне кажется, что мир поделился на четыре основные категории людей: первая — кто побывал в Гоа, вторая — кто только собирается, третья — кто побывал и думает приехать сюда жить, хотя бы сезонно, и четвертая — кто уже это делает всеми правдами и неправдами. Впрочем, есть и пятая, кому не нравится Гоа, побывал он там или нет, и всех жителей его он считает идиотами, придурками и отбросами общества. За моё восьмилетнее, в общей сложности, пребывание в Индии я столкнулся с тремя такими случаями. Первый раз это был прапорщик из Воронежа, что уже является исчерпывающей характеристикой, который грозился «всех их построить и заставить красить траву зелёной краской» (где он её там вообще нашел в сухой сезон?). Второй — родственница, это случай особый, в их семье принято все белье после стирки гладить утюгом, вплоть до трусов, носков и полотенец. Здесь с таким сервисом тяжеловато. Третий — семейная пара лет тридцати, рассуждавшая во время обратного полета в Москву, что Турция значительно интересней. И гостиницы у «индусов» — говно, и ром несвежий: «литр выпили — ничего, второй — уже подташнивало, а на третьем — совсем вырвало, да так, что до утра пить не могли ничего, кроме пива». Выяснилось, что название гостиницы они не помнят. Помнят, что это было в Индии, а «местность называлась как-то то ли Аго, то ли Ога, короче, остров. Бассейн был, но мужик в фуражке что-то от них хотел, когда они мыли арбуз в этом бассейне, потом они распилили арбуз об веревку с буйками, которую те дебилы зачем-то натянули возле «лягушатника». Ну, бандерлога с кокардой они накормили, и тот отстал, а вот аниматоры у них вообще отстой». В плюралистическом порыве автор готов согласиться с любым

видом и способом отдыха. Он и сам ездил по миру, ориентируясь по сервису на «Hotels» не менее четырех звезд. И тоже жил в Южном Гоа, правда, более недели не смог выдержать, переехал на Север. Ездить на экскурсии в кондиционированном автобусе с тонированными стеклами гораздо комфортней, к тому же — проще. Тонировка спасает от яркого солнца, но и приглушает краски, делая мир не столь естественным, а кондиционер создает прохладу, зато отфильтровывает запахи и выдает искусственный стандартизированный продукт вместо воздуха. А иногда нам, привыкшим к пакетированному соку, не выжато-му, а именно произведенному по строго разработанной для нас или за нас рецептуре, с четко подсчитанным количеством витаминов и минералов, хочется ... да мало ли чего нам хочется, в чем мы сами себе боимся признаться... но у кого-то вдруг получается сделать по своему, вопреки здравому смыслу и навязанным представлениям о правильности жизни «как полагается и как у всех».

Эта книжица как раз и есть попытка описания взгляда оттуда, изнутри и из-под логики. «Глаза в глаза — лица не увидеть», как утверждает русская наблюдательность. Возможно, отсюда, с берега Индийского океана, частью которого является Аравийское море, можно более отчётливо увидеть наши родные российские минусы и плюсы, говорить о которых без юмора просто невозможно. И не обязательно для этого мыть в океане свою обувь, а уж приезжать в эту часть Индии в сапогах — просто безумие. Надеюсь, что интересна она будет и людям, узнавшим себя и знакомых, и людям, просто любящим Индию. И тем, кому эта планета не понравилась, потому что автору тоже не все тут нравится. И тем, кто только собирается посетить наши края, ибо в ней полно достоверной, даже документальной информации и советов чисто житейского плана. Скажу еще, что аниматоры здесь практически все, по духу или «по жизни», и с нами, живу-

щими тут, не соскучишься, хотя... всё зависит от той реальности, которую ещё называют «иллюзия», той, что вы создали в СЕБЕ.

Гоа: официальное вступление, некогда вывешенное в Интернете

Когда после шести с половиной часов полета самолет начинает снижаться, заходя на посадку в аэропорт Даболим, многие, игнорируя требование инструкций, прилипают к иллюминаторам, вглядываясь в очертания береговой линии. «Под крылом самолета о чем-то поет...» древняя и загадочная Индия. Воображение рисует картины, основанные на впечатлениях из предыдущих поездок на Восток. Расслабьтесь, впечатления все впереди. И они, поверьте, не сравнятся ни с чем, каким бы заядлым путешественником и любителем Азии вы ни были. Потому что Индия не похожа на прочий Восток, а Гоа не похож на всю остальную Индию, да, впрочем, это и не Индия в привычном понимании. Хотя он и находится на западе полуострова Индостан и является самым маленьким, самым богатым, самым малонаселенным, самым... штатом Республики Индия со всеми политическими и экономическими атрибутами, однако он уникален.

Наряду с двумя государственными языками — хинди и английским — в Гоа (правильно говорить «в», хотя многие и говорят «на», возможно, по аналогии с Ибицей, но Гоа — это не остров) есть свой региональный язык конкани, сложившийся за пятивековую колониальную историю пребывания здесь португальцев (остальная территория Индии была под англичанами).

Их присутствие отразилось на всех сферах жизни населения. Конкани — по сути, смесь хинди и португальского, одобренная словами из английского и африканских языков. И смесь эта присутствует во всем — от смешения кровей и искусства до кухни и религии: 80% гоанцев католики, а фамилии — сплошные Родригесы да Монтьеро.

В отличие от остальной Индии, где существует полусухой закон, здесь производятся (ну и употребляются, конечно) прекрасные алкогольные напитки по старинным португальским рецептам, не испорченным современными технологиями, а знаменитое пиво «Кингфишер» даже экспортируется в Европу. Индию вообще трудно испортить, ее можно завоевать на какое-то время, но нельзя подчинить и подстроить под себя. В этом убедились все, кто приходил сюда с оружием или без. Пока они прибирали к рукам материальные богатства, Индия забирала их душу, подстраивая их мозги под себя. Александр Македонский, почувствовав это, развернул свои войска практически от стен Дели; ислам воинственно ворвался сюда и, ассимилировав, растворился, став одним из самых мирных на земле, как, впрочем, и буддизм. А зайдя в дом к католику, вы обязательно увидите рядом с Иисусом и Девой Марией Ганеша или Кришну. Великие Моголы оставили здесь свои первые обсерватории, англичане — левостороннее движение и государственный язык, впрочем, многие сами остались, не мысля себе жизни без Индии. Кстати, сокровища графа Монте-Кристо родом тоже отсюда. В доказательство этому в Старом Гоа стоит старинный памятник аббату Фариа, служившему тут. И бизнес, видать, у него шел неплохо...

У Индии есть одна удивительная особенность, пока не понятая бизнесменами от туризма, — ее нельзя утуречить и обегиптить. Хотя попытки с переменным успехом на юге штата предпринимаются. Там уже построены пятизвездочные отели «оллинклюзив». По закону, фундаментальные постройки бли-

же пятисот метров от моря запрещены, пляжи муниципальные, в основном дикие, инфраструктура туризма развита слабо. И заплатившие немалые деньги отдыхающие сидят в райской резервации у гостиничного бассейна, прогуливаются до пляжа и посещают стандартные экскурсии: водопад, плантацию специй, по дороге — Старый Гоа, пару костелов, пару храмов. А по вечерам оттягиваются в прибрежных ресторанчиках, вокруг которых и сосредоточена послезакатная жизнь, изредка выбираясь в северную часть, где и происходит все «движение», тратя на это по два часа в один конец.

Север — это другой мир. Поверьте мне, объехавшему всю Азию и прожившему в Индии в общей сложности около восьми лет, я не видел более странного места на Земле. Это кипящий котел из «блошинных» рынков Анжуны, знаменитых дискотек, еврейских и итальянских поселков в Вагаторе, культовой русской тусовки в Моржиме (ресторан «ЧайКоффСкий» и «Главфиш»), непальских базаров, слонов и коров, законно считающих себя неотъемлемой частью дорожного движения, и конечно же транспати, длящихся по несколько суток, и многое-многое другое...

■

:

Пролоз

Анекдот из жизни (почти правда)

Сидит в чапорском Джус центре группа жителей Анжуны. Один из них говорит товарищу:

— Расскажи-ка, Хаем, как твоё здоровье, память не подводит? Уж больно ты много куришь.

— Нет, здоровье отличное, вот раньше всё забывал, а теперь память ясная, чёткая, лучше, чем у ребёнка. Я к доктору хорошему сходил, курс лечения прошёл.

— Слушай, мне тоже надо, прям ничего не помню. Как доктора-то зовут?

— Э-э, дай соображу... как же его зовут... сейчас вспомню... подскажи мне, есть ещё такой цветок красный...

— Мак?

— Нет, какой мак... такой ещё, с шипами...

— Роза?

— Во-во-во. Роза, Розочка, скажи, пожалуйста, дорогая, как зовут того доктора, который меня от склероза вылечил?

Адвокат Удой

«Удвой удой, утрой удой, иначе ты пойдешь в убой», — вспомнился лозунг, виденный мною в совхозе отгадайте с трех раз имени кого, когда мы отбывали почетную барщину всех работников НИИ в милые советские годы. Для тех, кому не повезло с рождением застать то благословенное время, поясняю. Раз в год, а то и чаще, студенты, работники НИИ, короче, все бездельники, чье присутствие или отсутствие на рабочем месте никак не сказывалось на макро- и микроэкономическом состоянии Родины, выньположь должны были две недели отработать, как тогда называлось, «в колхозе». За это у них шла зарплата, что-то платили за их сельхоз труд, давали отгулы. Молодежь относилась к этому как к приключению, возможности оттянуться, попьанствовать и провести эти денечки «сексуально распущено», в необычной обстановке и с новыми людьми. Примерно тем же занимаемся мы сейчас, вырываясь «в заграницы», санатории и т.д. Даже термин такой существовал по аналогии с «курортным» — «колхозный роман». Старшее же поколение разживалось справками о состоянии здоровья или отработывало «колхоз» на овощной базе, перебирая стухшую капусту с морковью, не выезжая из города и без отрыва от семьи.

Игорь отогнал нахлынувшие приятные воспоминания и толкнул дверь с надписью «Адвокат Удой Найк». Луис, местный тусовщик, бывший жиголо и наркодилер, хотя это и не характеристика — тут многие по совместительству в свободное от основной работы время наркодилеры — отрекомендовал его как «очень хороший адвокат, мы с ним столько рома вместе выпили, он и кокаин любит нюхнуть, и хеш курит, но не в рабочее время». Возможно, в глазах Игоря Ганди, прозванного местными жителями так за круглые очки и проживание в деревне среди рыбаков, а не в среде соотечественников, подобная характеристика должна была добавить авторитета.

Адвокат нужен ему был для составления «агримента», то есть договора о том, что байк, то есть мотоцикл, куплен на его деньги, но на имя того самого Луиса, ибо купить форенеру, то есть иностранцу, недвижимость или средства передвижения на свое имя возможно, лишь став резидентом, а он пока резидентом был только в душе. Таков закон штата Гоа. Но законы меняются и сейчас стали мягче. Короче, вопрос, который надо было решить с помощью адвоката с такой спортивной фамилией, был из серии «говно-вопрос», по-русски эта бумажка называется доверенностью.

В Индии практически любой юрист называется адвокатом, кроме нотариуса, — у того особый статус. Ганди позвонил ему ещё утром, чтобы договориться о встрече, трубку взяла девушка, по всей видимости, секретарь.

— Да, сэр, Луис предупреждал нас, — произнесла она на индийском английском, который, впрочем, для Игоря был более понятен, чем англичанский, потому что он вырос в Дели, прожив здесь с родителями почти четыре года. — Мистер Удой ждет вас в пять часов, не опаздывайте, мы работаем до шести, у вас будет час на составление договора, этого вполне хватит, до встречи.

Лаконичность и деловой тон помощницы вселили в него надежду, граничащую с уверенностью, что юриспруденция в Индии отличается от остальных отраслей хозяйствования большей точностью и пунктуальностью.

Дорога в Панаджи, или Панджим, что одно и то же, столицу штата, где располагался офис мистера Найка, шла по мосту через довольно широкую полноводную реку. Несколько лет назад, когда моста ещё не было, переправляться приходилось на пароме или, по-местному, фариботе. Потом построили мост, но переправу оставили — она сокращает путь на четыре километра, если едешь со стороны Калангута или Кандолима. Для не самого богатого на земле крестьянства это большое

подспорье в экономии бензина, учитывая его стоимость более доллара за литр, с потерей времени, конечно, но на такие пустяки здесь внимания никто не обращает, этого добра хватает — спешить гоанцы не умеют. ещё один плюс фарибота, кроме экзотичности, — Игорь часто катался на нем со своим сыном Ильёй — то, что приходит он непосредственно в центр города, где можно ездить без хелмета, то есть шлема. А мост считается хайвеем, там без хелмета ну никак нельзя, за этим следит бдительная и не всегда бескорыстная, как и всё ГАИ стран второго, третьего и четвертого мира, полиция в белых рубашках. Корысть их за вашу езду без шлема исчисляется в пятьдесят рупий с человека тёмной наружности и сто с форенера. Ганди вполне искренне считал себя почти местным, ну уж, по крайней мере, по прозвищу. Больше полтинника, а это доллар с небольшим, не отдавал, говорил по-русски: «Хрен вам, суки» и прочие матерные слова серьезным деловым тоном. Показывал взятое в Москве в посольстве Индии письмо, начинающееся словами: «Всем, кого это интересует...», и разъясняющее, что он приехал сюда проводить международный фестиваль мультипликации «Гоанима». Это действовало безотказно, учитывая преклонение местных официальных лиц перед официальными бумагами. А многозначительное: «Я работаю вместе с вашим гаверментом...», то есть правительством, чаще всего давало возможность вообще быть отпущенным бесплатно. Конечно, для русского человека разойтись с гаёвцем за тридцать рублей не просто смешно, а истерически смешно. Но здесь и гаишник другой, и жирует он не столь варварски, и совершенно другая система ценностей. Подтверждением тому является стоимость переправы — она составляет десять рупий с автомобиля, а байки, люди, гаишники и животные вообще бесплатно. И это не единственное бесплатное, что делает правительство для своего народа. Можете представить себе, например, ситуацию, если поменять на время в качестве

обмена опытом мэра Панаджи и Москвы? У Юрия Михайловича от такого безобразия кепка дыбом встанет, он скажет своим пацанам, и на подъезде к парому поставят шлагбаумы, сделают платную стоянку и т.д. Да, господину Лужкову с семьёй есть чему поучить бестолковых туземцев...

...Игорь отогнал нахлынувшие мысли и толкнул дверь. Традиционно разувшись и оставив обувь перед входом, он прошел в офис. Контора адвоката состояла из двух комнат без дверей между ними: кабинета босса, в котором сидела и помощница, а также довольно большой, захлавленной — для прочих работников. Посередине, заботливо накрытая вышитой салфеткой, стояла древняя швейная машинка с ножным приводом, напоминающая прабабушкин «Зингер», виденный Игорем во время редких приездов в Саратов к родственникам. Около неё сидел, уткнувшись в бумаги, работник, который сразу же отвлекся и встал, приветствуя вошедшего.

— Намастэ ту эври боди, — поздоровался Ганди, сложив вместе ладони.

— Намастэ, — ответили хором работники Фемиды. — А вы мистер Игор Ганди, — произнесла, так же сложив в приветствии ладони, девушка вполне приятной индийской наружности.

— Посидите пять минут, господин Удой звонил, что едет, он был на встрече, текст готов, осталось только распечатать и проверить данные. Если бы мистер Луис Кордозо прибыл с вами, мы бы успели все сделать сегодня...

«Так, начинается», — подумалось Игорю, неплохо разбирающемуся в восточном восприятии времени и его течении. Если арабские пять минут могут уложиться в полчаса, то индийские, бывало, доходили и до суток. Успокаивало то, что до конца рабочего дня оставалось полчаса, ибо он сам опоздал на полчаса, но в Индии это допустимо. И каким бы трудоголиком ни был этот замечательный Удой, вряд ли он промаринует его здесь долго,

небось, друзья и кокаин ждут. Главное, чтобы он вообще появился, но вроде бы звонил...

Ганди сел на предложенный стул и начал оглядывать комнату. Кроме целеустремлённого работника в некогда белой рубашке, чёрных брюках и, естественно, босиком, упомянутой прежде столь необходимой юридической конторе исторической бытовой техники, в комнате находились шкафы с папками, покрытыми сантиметровым слоем пыли. Впрочем, папки лежали и на полу, и на стульях со сломанными спинками, и даже под столами. А пыль в Гоа — столь неотъемлемая часть быта, что вытирать её, с точки зрения индийца, занятие бестолковое, а может, даже кощунственное, будь то адвокатская контора или пятизвездочный отель.

Сегодня у господина Найка восприятие времени оказалось почти европейским — буквально через пятнадцать минут, то есть за пятнадцать минут до закрытия конторы, в дверях появился по индийским меркам высокий, улыбающийся, уже за пятьдесят, человек в строгом чёрном костюме, белой рубашке и галстуке. Естественно... босиком, а его правая штанина была закатана.

— Намастэ. — Он протянул после индийского приветствия руку. — Сейчас включу компьютер, и мы распечатаем агримент. — Он проследил за взглядом Ганди, тот случайно скосил глаза на штанину. — Сори, сэр. — Он потряс ногой. — Я на работу езжу на велосипеде, здоровье, знаете ли, не молод я на байках ездить...

«Ну да, особенно гашиша покурив, а снюхав добрую «дорожку», так «газу» дает, что байки «в заднице» остаются», — подумал тот.

Включение компа было мгновенным и заняло минуты три.

— Ну вот, — приговаривал адвокат, косясь в ксерокопию гандивского гербастоорластого, из чего Игорь сделал вывод,

что готовностью договора даже не пахнет и эта смуглая клуша-помощница просто его обманула, сказав, что агримент готов, — мистер Найк его только сейчас набивает самолично. Может, у неё допуска к компу шефа нет, ведь сидела, дура, полдня, «вола мучила» или не в курсе была, что не готов?..

Ровно в шесть, надев на ноги свои стоявшие у двери чапалы, взяв под мышку портфель, так как руки были заняты прощальным «намастэ», и по-гоголевски согнувшись, контору покинул невзрачный служащий. Ленивая секретарша, испросив разрешения на местном языке конкани, также удалилась. Они остались с боссом вдвоём. ещё через пятнадцать минут господин Удой откинулся на стуле, оглядывая результат своей кропотливой работы.

— Готово, — удовлетворенно произнес он. — Вы купили титульный лист с водяным знаком?

— Если бы я знал, что это такое.

— Не расстраивайтесь, сегодня все равно не успели бы, ведь мистер Кордозо не смог приехать, а его подпись необходима. Завтра в это же время я жду вас обоих на подписание, и не забудьте привезти бумагу, о которой я говорил, она продается в любом книжном... Луис знает.

«Вот гад, — подумал Игорь, — а на хрена надо было мне сюда переться, или без стояния над душой они...»

После шести вечера возвращаться можно было и через мост, чтобы не толкаться на переполненном в связи с окончанием рабочего дня фариботе. Выполнившие план гаишники уже не бди-ли на хайвее, и распоясавшиеся мотоциклисты носились, нагло сняв шлемы, что, впрочем, мало сказывалось на аварийности, скорее, на благосостоянии семей полицейских. Вечереющий Панаджи радовал глаз зажигающимися огнями, плавучее казино, напоминающее помесь крейсера «Аврора» с новогодней елкой из-за выступающего вперёд у воды носа и весёленьких гирлянд,

выдвигалось «в ночное», проплывая под мостом и выходя в открытое море. По закону на земле штата игровые заведения располагать запрещено, но «бавло всегда побеждает зло», да и про воду нигде ничего не сказано, поэтому казино устроили на корабле, и с вечера до утра оно прекрасно себя чувствовало, курсируя вдоль берегов благочестивого Гоа.

Переехав реку, он заглянул на рыбный рынок, расположенный почти у моста, — последние лотки закрывались, распродав вечерний улов. Он купил за пять долларов полтора килограмма королевских креветок — Валя просила что-нибудь на ужин. Тигровых он не любил, они были очень большие, и их надо разделявать, вынимая чёрную кишку, проходящую вдоль спины, иначе песок скрипит на зубах, да и ощущение поедания чужих какашек не добавляло аппетита. Хотя есть ценители, утверждающие, что это придает некую вкусовую пикантность. Скорее всего, они просто ленятся их чистить и находят себе оправдание. А по сложившейся в их семье традиции, приготовление мяса и рыбы было на нём, и, чтобы облегчить задачу, он выбрал королевские, которые не нуждались в подобной обработке да и стоили дешевле.

В пятнадцать минут шестого следующего дня теперь уже вдвоем с господином Луисом, предварительно купив в ларьке местной «союзпечати» требуемый листочек с водяными знаками, они подъехали к знакомому офису. Интерьер его все так же напоминал бытовку кладовщиц где-нибудь в промзоне на улице Ивана Франко, швейная машинка стояла на том же месте, местный Акакий Акакиевич так же, согнувшись, приютился за ней, только рубашка его стала чуть серее. Что делать, все мы вышли из гоголевской «Шинели», а если вы думаете по-другому, — внимательнее перечитайте классика. Адвоката также не было. Сегодняшнее расположение звёзд уменьшило продолжительность «файф минут» ещё на пятнадцать минут,

затем последовала трогательная церемония встречи адвоката с господином Кардозо. Они три раза обнялись на «братковский» манер, после чего минут десять живо рассказывали на конкани друг другу семейные новости, а может, о чем-то договаривались на непонятном форенеру языке. Одет господин Удой сегодня был в элегантный строгий серый костюм с галстуком. Он был, естественно, босиком, правая штанина была... закатана...

— Ну всё, — хлопнул он себя по лбу, сострив при этом: — Время — деньги, как говорят у вас. Ха-ха.

Он сел за компьютер и стал с умным видом поглаживать клавиатуру.

— Дело в том, что документ не сохранился, вы же знаете, как часто у нас происходят отключения электричества, да и компьютер — вещь настолько неизученная... он же практически живой и живет по своим законам, не всегда подвластным человеку...

«Ну, вот оно и началось, — подумал Ганди. — «... А в это время проводница девятого вагона...» — словно прозвучал в голове голос Михаила Задорнова.

— Да вы не волнуйтесь! — посмотрев на Игоря с испугом, воскликнул адвокат. — Файф минут — и все сделаем, тем более, и мистер Луис тут, все подпишем в лучшем виде...

Перспектива стать счастливым обладателем замечательного японского байка, да ещё купленного за его же собственные деньги, опять откладывалась на магические восточные пять минут.

Мистер Удой уперся в экран старинного монитора, занимающего половину стола, быстро одним пальцем правой руки застучал по клавиатуре, крепко придерживая её левой, чтобы она не скакала по гладкой поверхности.

Не прошло и получаса, как агримент, состоящий из шести листов формата А4, прошитый нитками, металлическими скрепками, в красивой обложке из купленной государственной бумаги с водяными знаками, почему-то значительно превосходящей по размеру, с наставленными на неё шестью адвокатскими штампами и печатями, лежал на столе. Мистер Найк довольно покачал головой из стороны в сторону — этот знак у индийцев обозначает согласие, или слово «да», или все, что угодно, кроме отрицания.

— Ну все, поздравляю вас, документ готов. — Он глянул на часы. — Осталось только к нотариусу, чтобы он его заверил, и ездите спокойно на легальных условиях... но к нему вы сегодня не успели... Ничего, я дам вам свою визитку, завтра пораньше, пока у него никого не будет, часам к десяти подъезжайте, он здесь напротив, покажите мою карточку, и он все вам сделает без проволочек...

Они пожали друг другу руки — все-таки приятно иметь дело с деловым человеком, и вышли в знакомый португальский дворик вечерующего Панаджи. Посмотрели на темные окна нотариальной конторы, в которую завтра Игорю придется ехать уже в одиночку. Луис пошел проведать приятеля, раз уж он попал в столицу. Ганди сел на свой ещё не легализованный байк, на котором уже месяц ездил незаконно, и помчался в сторону парома.

Влажная жаркая духота сменилась прохладной, вечерние «кормильцы», готовые пожарить вам на примусе омлет или другую яичницу, выкатывали тележки делать свой маленький бизнес. Жизнь была прекрасна, ведь это Индия, это Гоа, здесь адвокаты ездят на работу на велике и курят гашиш, а пять минут — понятие, скорее, философское, здесь люди не знают, что такое «Макдональдс», а маленькие дети просят бакшиш, добавляя слово «сэр», здесь на улице может возникнуть пробка, когда стадо мотоциклов объезжает задумчивую корову, устало прилегшую отдохнуть на перекрестке у мэрии. Так было и так будет... ведь это — жизнь...

Сиеста. Моржим. Час сурка

Сиеста в Гоа — понятие строгое и бескомпромиссное. По крайней мере, таким оно выглядит сейчас. В других штатах в жаркое время после полудня люди просто ложатся передохнуть в тенёк, на газетку и спят себе. Здесь подход более цивилизованный, с европейским оттенком и доставшимся в наследство от португальских оккупантов названием. Примерно в половине второго рынки пустеют, магазины закрываются, дороги становятся совсем свободными. Народ откушивает и дрыхнет, готовясь к самому активному, во всех смыслах этого слова, времени суток, наступающему с четырёх часов вечера и до десяти, после чего по законам штата шум должен быть прекращён, ибо надо отдыхать, так как завтра снова трудиться, зарабатывая на чапати насущную. К двум часам пополудни столбик термометра упирается в цифру сорок и тоже засыпает, перегревшись. Асфальт подплавляется, размягчая полотно дороги и искажая визуальное восприятие пространства звенящим маревом медленно восходящих при полном штиле потоков горячего воздуха. Мир впадает в контролируемый анабиоз, наблюдая бессознательным взглядом сквозь полуприкрытые веки за сумасшедшими белыми туристами, готовыми пожертвовать собственным здоровьем, чтобы как следует отдохнуть и не упустить не единого часа выстраданного отлука. Они вяло бороздят околоасфальтовое пространство, рассекая густой воздух покрасневшими телами, усаженными на прокатные скутера. Шумно паркуются возле Баньяна, чтобы сделать фото на память. Или дружно окружают меланхоличную поджарую корову с той же целью, внося дисгармонию в привычный распорядок хода событий.

У местных рыбаков и прочего мужского населения деревни Моржим Бич этот бар назывался просто Бар. То ли на большее

фантазии не хватило, то ли не было смысла изгаляться, придумывая название, ведь кроме Бара в деревне было второе заведение общепита под названием Ресторан, которое, впрочем, ни размером, ни сервисом, ни ассортиментом от Бара не отличалось. Туристы сюда заглядывали редко, из форенеров лишь местные русские заходили купить воды или бухла на вынос. Завсегдатаями являлись местные «синяки» и хозяин рюмочной, у которых не было выбора и деваться им было некуда. Вся компания полусидела, полулежала на относительно свежем воздухе, внутри здания находиться было невозможно, там стояла прединфарктная духота. Мистер Дэ, хозяин русского клуба «Гоа Фемели», в миру предыдущей жизни — морской офицер российского военного флота Дмитрий, захал в Бар случайно, по пути в свою гостиничку под названием «Наша Раша». Это была последняя точка, где можно было купить бутылку минералки. Хозяин стряхнул дремоту, чтобы дотянуться до холодильника с водой и ящичка с мелочью, потом снова скосил осоловевший взгляд в бесконечность. Дэ сел на завалинку из пальмовых стволов и стал пить прямо из горлышка. Хозяина Бара звали Ишвар, что может переводиться как Иисус, одно из имен которого Христос, которое у гоанских индуистов идентифицируется как Кришна, хотя они и сами ещё до конца не разобрались. Возможно, ответственность такого имени и положение собственника Бара обязывали тѣзку великого(ких) пророка вести себя соответствующе солидно. Что, в свою очередь, сказывалось на его авторитете в деревне. В свои двадцать четыре он являлся старостой и был весьма уважаемым. Нарушивший послеобеденную медитацию старый знакомый форенер раздвоил его личность. Одна её часть продавала минералку, а вторая продолжала постигать законы вечности, глядя в неё через положенную на бок цифру восемь, образованную сплетѣнными ветками дерева манго у входа в Бар. Потом личности совместились, вернувшись из раз-

личных миров в окружающую реальность. Ишвар глянул на часы и сказал сонным голосом:

— Вовремя приехал, Мистер Дэ, сейчас интересное явление будет происходить. — И указал на дерево, на котором кемарил, покачиваясь на ветке, молодой обезьян. Под деревом, также сложив осоловелые глазки в кучку, лежал в пыли пёс породы гоагардендог, весьма гордый своей родословной. Судя по экстерьеру, в роду его встречались предки благородных заморских кровей, возможно, даже немецкой овчарки. Пёс, как будто подчиняясь приказу свыше, нехотя поднялся, расправил на лице морды складки, понюхал воздух вокруг и потрусил метров на десять в сторону. Там, в пыли, он нашёл засохшую куриную косточку и наклонился с мыслью употребить её в пищу. В это время клюющий носом примат, как ниндзя из засады, свалился с дерева, подлетел сзади к четвероногому другу человека и со всей дури, ухватив их обеими лапами, дёрнул яички бедного животного вниз. От боли собака подпрыгнула на полтора метра, перевернулась в воздухе, шлёпнулась на землю, подняв облако рыжей пыли. Сонную тишину деревни разорвал дикий вой боли и рычание звериной злобы. Пёс метнулся за обезьяной, брызжа слюной и выкатив красные глаза. Не догнав вернувшегося на исходную позицию садиста, он ещё минут десять заливался лаем и подпрыгивал, стараясь достать свисающий хвост маньяка. Примат сидел на ветке, свесив расслабленную пятую конечность, которая висела так, чтобы униженный потомок волков не мог её достать, но совсем немного. Пес в бешеном энтузиазме продолжал попытки, пока силы совсем не покинули его. Обезьян нагло хохотал человеческим смехом и хлопал, как ребёнок, в обезьяньи ладошки. Потом обессиленная собака затихла и свалилась в пыль. Тишина вновь окутала звенящим зноём расплавленное сонное царство. Дэ обернулся к Ишвару:

— Чего это они не поделили? Ты про это явление говорил? Во, блин, бандерлог чуть собаку не кастрировал, в принципе, смешно.

— Смешно, наверное, не каждый день обезьяны собакам яйца отрывают... да и не везде в мире такое происходит.

— А ты откуда знал, что это произойдёт?

— Посиди полчаса, посмотри, что дальше будет.

Дэ попил ещё водички, восстанавливая водно-солевой баланс организма, голова стала соображать яснее. Они ещё поболтали с хозяином Бара о русских туристах, не заметивших новый полицейский блокпост возле Арпоры и снёсших его в три часа ночи мотоциклами. Порадовались, что обошлось без жертв с обеих сторон. Оценили перспективы русского нашествия в следующем сезоне и последствия этого процесса, как положительные, так и отрицательные. Прошло минут сорок...

Пёс, как будто подчиняясь приказу свыше, нехотя поднялся, расправил на лице морды складки, понюхал воздух вокруг и вспомнил про забытую заначку. Он отыскал косточку и уже наклонился с мыслью употребить её в пищу. В это время клюющий носом примат, как ниндзя из засады, свалился с дерева, подлетел сзади к четвероногому другу человека и со всей дури, ухватив их обеими лапами, дёрнул яички бедного животного вниз. От боли собака подпрыгнула на полтора метра, перевернулась в воздухе, шлёпнулась на землю, подняв облако рыжей пыли...

— Что это было? — повернулся к подсчитывающему выручку в кассе хозяину питейного заведения Дэ.

— Я уже три дня думаю, что это такое. Может, ты поймёшь? Начинается обычно около двенадцати и так каждые сорок пять минут или час повторяется, потом в шесть часов прекращается. Собака уходит куда-то, обезьяна в стаю возвращается, что в роще на берегу поселилась, а на следующий день, к полудню, как на работу...

— День сурка какой-то получается, фильм такой был. Там человек каждое утро просыпается в одно и то же число, и всё повторяется сначала, только там — день, а здесь час. И там человек пытается что-то изменить, попробовать разные варианты продолжения

событий, а здесь, кажется, всех всё устраивает. А вы точно их ничем таким не накормили? Может, туристы наркоты подсыпали?

— Ну да, и так три дня: приезжают к одиннадцати, ловят собаку, потом обезьяну, вдувают им в нос кокаин какой-нибудь и так далее...

— Странное всё-таки это место... — после некоторой паузы произнёс Дэ.— Ну, люди приезжие здесь с ума сходят, это понятно, энергетика другая, наркотики опять же. Но у собак по определению ума нет, им сходить не с чего, а ведь сходят. Что за симбиоз такой, может, они от этого обоюдное удовольствие получают?

— Я твоих слов не понимаю, мы здесь все рыбаки, науки нам не нужны. Мы по-другому понимаем. Мы не понимаем — мы чувствуем, видим и знаем. В них духи вселились, и не просто так, это знак кому-то. Может, и тебе, раз ты сейчас заехал, но это моё мнение, ты можешь не верить.

— Что-то я не могу расшифровать такие знамения, нет у меня никаких ассоциаций, когда вижу, как обезьяна собаку за яйца дёргает.

— Ты подумай, может, вспомнишь чего-нибудь. Я слышал, есть у русских выражение: «наступить на ту же кирку», а может, всё это ерунда, ты плюнь. Как твоя жена, рожать будете здесь или в Москву поедете? — сменил тему Ишвар.

— Здесь, конечно... Как ты сказал, «те же грабли»? И здесь по кругу... и по яйцам... интересно, интересно, надо подумать. Ну ладно, давай, удачи. Я поехал.

— Ты посмотри, посмотри, какие у пса яйца, этот гадёныш ему их за три дня знаешь как оттянул...

Пёс дремал, вытянувшись, на боку, мошонка его действительно была неестественно увеличена и лежала рядом с собакой в рыжей пыли. Обезьян сидел на ветке, клевал носом, тыкаясь в собственные коленки. До завершения часового цикла оставалось несколько минут.

Вася, который Самрастит

Вхождение Васи в Гоа было каким-то незаметным, не сильно выдающимся. Зато потом он расцвел, раскрылся и стал довольно знаковой фигурой в этом странном полумистическом уголке Земли. Он привез сюда жену с дочкой, жену от предыдущего брака, кучу друзей и ещё большую кучу баулов, свертков и мешков с одеждой марки «Хэмп», сделанной из конопли, — остатки былой роскоши, а также бывшего российского бизнеса, которым он занимался в славном городе Самаре, имея там одноименные магазины. Там, на Волге, он вел вполне нормальный размеренный образ жизни постсоветского бизнесмена средней руки с непременными пятничными загулами в клубах, рыбалками на выходных, летними выездами в Анапу или Крым, а с образованием дырок в железном занавесе — в Турцию и Египет.

И так бы ему и жилось, и можилось, не встретить он на пути своем друга по имени Олег, и, что ещё удивительней, по фамилии будущий друг был — Кураваркин. Удивительно потому, что фамилия Васи звучала как Кураваров. По такому замечательному поводу они направились в клуб «Звезда», где и нажрались водки «Триумфальная». Как говорится — денежка к денежке, подружка к другу, или наоборот, но скучающая за соседним столиком весьма самостоятельная молодая дама приятной наружности, с сексуальным блеском в глазах, через тридцать минут корректных переговоров также была включена в список отмечающих историческую встречу и даже посажена между мужчинами под тем предлогом, что по фамилии и духу они вполне могли считаться тезками, а может, и братьями, а может, даже близнецами, — в тот момент они ещё не разобрались.

Пинок под зад, нанесенный судьбой, от которого эта троица оказалась в данном месте и в данный момент, имел более серьез-

ные последствия. Новоиспеченные приятели отнеслись к обмыванию с настоящей русской ответственностью, и через два часа пребывания в развлекательно-культурном центре Лена решила, от греха, увезти новых друзей оттуда, ибо поведение их соответствовало только первому слову в названии центра, а слово «культура» из него можно было убирать. Она сложила их на заднее сиденье своей «Нивы» и попыталась развезти по домам. С Олегом у неё это получилось — он жил неподалеку и смог членораздельно выговорить свой адрес. С Васей дело обстояло сложнее — он спал и мило улыбался во сне похотливой улыбкой джинна, предвкушающего бурную ночь после тысячелетнего воздержания в тесном кувшине. То, что браки заключаются на небесах, вам подтвердит любой батюшка в церкви, но он не станет рассказывать о состоянии брачующихся, у христиан оно чаще отдает ароматом ранее употребленных спиртных напитков...

Развод и новая свадьба произошли как-то сами собой, без лишних условностей и разборок. Более того, отправленная было в отставку первая жена Ольга и Лена стали не просто подругами, а практически полноправными женами и воспитателями родившейся через год дочери, которую, не мудрствуя лукаво, назвали Василеной, просто сложив имена родителей.

Однажды, отдыхая на Волге с семьёй и Олегом, они забрались на небольшой островок, разбили палаточный лагерь и две недели жаркого августа посвятили рыбалке, пьянству, купанию и нанесению загара на различные места тела, в том числе и скрытые в обычное время нижним бельём. Как-то вечером, когда на «стрелку» вышли комарики, Вася надел длинные штаны, взятые из своего магазина, с большим лейбаком на кармане, изображающим конопляный лист — эмблему фирмы «Хэмп». Реакция Олега на подобное изображение, подогретая все той же водкой «Триумфальная», не вызвала у обладателя штанов удивления, потому что он тоже приняп «на грудь», чем вскрыл в себе дух

экспериментаторства, и без того ему присущий, но задавленный бытовыми и трудовыми заботами по будням.

— А ты хоть врубаешься, что у тебя штаны из «дури» пошиты?— спросил Кураваркин.

Вася знал, что коноплю курят, и даже пробовал, как большинство мужского населения России, выполняя свой «почётный долг и обязанность» в рядах доблестных вооруженных сил. Но тогда ничего не почувствовал, кроме головокружения, а последующее блевание, интенсивность которого определил как «дальше, чем видишь», полностью отбило у него желание возобновлять попытки. Но всё плохое когда-то стирается из памяти, освобождая место подвигу и мыслям о том, что вот ещё раз, и точно получится, у других же получилось...

— Да, но курить их смысла нет, — ответил он. — Кто их шил, тот оттуда уже весь кайф химически вытянул, сука. Даже на этикетке написано, типа: «Но смокинг, плиз, беспонтово это эбсолютли...»

— Гонят! Если бы они так не написали, им Минздрав, хрен разрешил бы их продавать в России.

— Не, Минздрав по-русски с трудом пишет, ты видал, какие там деды наше здоровье охраняют, они уже и русский-то скоро в маразме забудут, потому, раз австралийцы написали, знать, правда, те врать не будут.

— А я говорю — гонево это всё. Мажем на литр, что вставит?

— Ну, мажем... — Кураваров пытался при этом сообразить, каким образом они будут доказывать друг другу свою правоту.

— Вот смотри. — Олег одним рывком оторвал задний накладной карман с этикеткой. — Нет, пожалуй, этот кусок не пойдет, маленький, ты говорил, они, химики, оттуда алкалоиды уже отсосали, да и лейбак капроновый, хрен отпорешь, а с ним курить — отравимся на фиг.

— Да уж. — Вася уже определился с ситуацией. — Нож давай. — Он надрезал одну штанину ниже колена и вдоль шва, и попытался оторвать.

— Вот, сука, крепкое какое растение, хотел, не снимая...

Штаны были сняты, штанины отрезаны. Жены, занятые кто ребенком, кто приготовлением ужина, не обращали на приятелей внимания. Вася, надев остатки штанов, критически их разглядывал, соображая, к какому роду одежды отнести получившуюся модель. Олег, разглаживая вырученные куски материи и предвкушая возможный в будущем кайф, обдумывал метод, которым следовало употребить их вовнутрь с наименьшими для здоровья последствиями и наибольшим наркотическим эффектом.

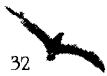
— Между прочим, нехилые бриджи вышли, вещь в гардеробе ценная по нынешнему жаркому лету, — громко, чтобы слышали женщины, продекламировал новоиспеченный модельер. — Да и модная вышла, края рваные, как сейчас носят...

— А без кармана просто «Гучи» какие-то... — дополнила Лена, соображая, чего бы такое сшить для дочери из получившихся довольно больших кусков материала. — А из этих кусочков я Васеленке... и лейбачок давай отпорю, представляешь, как такой листочек на детском комбезике смотреться будет...

— Ага, прогрессивная ты моя, бери карман с этикеткой и на кухню, а то ты нам всю чистоту эксперимента портишь.

Кураваркин тем временем набрал в котелок углей из костра, скомкал одну штанину, положил на тлеющие угли и, накрывшись брезентовой штормовкой вместе с котелком, начал усиленно вдыхать дым от занявшейся тлением материи.

— Я где-то читал, что наши предки, как их там, скифы, что ли, такой метод изобрели, — донеслось из-под куртки. — Они траву на раскаленный щит бросали, вдыхали дым и таким образом торчали, хитрецы.

— Ты там все не выдыши, скиф потомственный, ещё мне и девчонкам оставить надо, — постучал его по плечу Вася. — Вообще-то с них начинать надо было: и по этикету положено дамам в первую очередь, да и вдруг это отравка какая-нибудь, зачем же сразу на себе, им бы дали... и посмотрели потом.

Солнце завершало отработанный за миллиарды лет и каждый раз такой неповторимый ритуал с грустным названием «закат». Двое мужчин и две женщины в полной магической тишине, нарушаемой лишь редкими всплесками играющей на вечерней зорьке жирующей рыбы, замороженно вглядывались через реку в бескрайнюю, не раз топтанную скифскими конями волжскую степь. Конечно, дым от догорающих Васиных штанов фирмы «Хэмп» не дал ожидаемого воспалённым алкоголем мозгом эффекта. Но случившийся вдруг эффект превзошел все ожидания. То ли звезды так встали в этот вечерний час, то ли великое таинство природы в виде заходящего солнца, то ли все-таки в конопляных волокнах ещё содержались остатки тетрагидроканбинола, а может, все эти факторы, сложенные вместе, произвели в мозгах этих жителей планеты Земля такую химическую реакцию, но с этого вечера жизнь их радикально изменилась. Их осенило, вернее, отсинило, то есть отвратило от синьки, или, проще сказать, они перестали с этого момента синячить, а по-русски — бухать или употреблять алкоголь.

Вот так для этих жителей планеты Земля началась новая, не всем понятная жизнь. Странная до такой степени, что множество друзей покинуло их, появились новые, ещё более странные, чем они сами. Вася закрыл в городе все магазины, купил полноприводный мотоцикл «Урал» с коляской 1957 года выпуска, абсолютно новый, весь в смазке, полвека хранившийся на армейских складах. Разжился по случаю сварочными очками, в которые вставил стекла разного цвета — одно розовое, другое зеленое. Постригся на манер монаха-капуцина, а из оставшихся

по бокам волос сделал себе рожки, стянув их резинкой, которые, впрочем, больше напоминали беличьи ушки с кисточками. И в таком виде на пару с неизменным другом они стали завсегда-таями транс-психоделик-техно- и т.д. фестивалей, тусовок, пати и прочих мероприятий данной направленности от Сарочан и Казантипа до Ибицы и знаменитых гоанских опен эйров. Конечно, Ибица и Гоа не имели счастья наблюдать великое достижение советского мотоцикlostроения, — технически очень сложно и финансовоёмко пересекать государственные границы на советском мотоцикле, выпущенном полвека назад. Но «Незалежная», Белоруссия и родные психоделические просторы хорошо запомнили «боевой экипаж» самарских «братьев» с белочкой в сварочных очках, одно стекло которых было розовым.

Именно поездка в Гоа на «Фул Мун Пати», организатором которой по традиции был возмутитель московского попсового спокойствия и благоденствия Тимур Мамаев, вписавший свое имя в историю мирового трансового движения большими буквами DJ Икс Пи, и стала определяющей в Васином решении перебраться жить в Индию. Вернее, в маленький, зажатый между двумя большими штатами штатик, который Индией-то стал лишь в шестидесятые годы прошлого века. А до этого принадлежал Португалии, в отличие от остального полуострова Индостан, где хозяйничали англичане. А своё прозвище Самрастит, которое некоторые считают фамилией, Вася впоследствии получил... Но об этом немного позже...

РАЗМЫШЛЕНИЯ

«Фреш чикен»

Здесь, в отличие от остальной Индии, белый человек не является сахибом, то есть хозяином, царем или Богом. Скорее, это бледное существо можно считать странным пришельцем из другой цивилизации, где-то равным, где-то по-житейски глупым, хотя и довольно полезным. Некоторые называют его белым жирным кошельком на ножках. Особая польза от этого вида хомосапиенсов ощущается в первые два-три дня пребывания на гостеприимной гоанской земле. Пока загар или обгар, что случается значительно чаще, не покрывает выдающиеся части тела, в гоанском народе эта разновидность называется «фреш чикен», то есть «курица свежая». Благодаря её свежести она наивна и жизнерадостна, часто хватается за напузную сумку, в которой хранит столь знакомые зеленые бумажки с изображениями дебиловатого вида мужиков. Меняет их на нормальные рупии с портретом дедушки Ганди на купюре любого достоинства по курсу, который можно взять с любого обшарпанного потолка. «Чикен» платит всегда и платит хорошо, не задумываясь о сумме. Он покупает весь или частично пакет экскурсий, главное для принимающей стороны в лице улыбающихся русских и русскоговорящих гидов — сделать серьезное лицо и, заглянув в свой блокнот, с умным видом заметить, что с завтрашнего дня экскурсии дорожают, или осталось всего несколько мест, или, если вы берете все сразу и сейчас, вам будет скидка, или, или... фантазии работников туриндустрии нет предела.

Главное, не упустить ту степень «фрешности», которая присуща русскому «чемоданному» завсегдаю «Тез, Тэс или Санрайз туров», нетвердым шагом спустившемуся по старенькому трапу во влажную душную утреннюю прохладу аэропорта Дабо-

лим. Как говорит президент одного из подобных турмонстров, открывая сезон в октябре: «Чу, я слышу баксов шелест, лох в Гоа пошел на нерест».

Момент следует не упустить, ибо семичасовой перелет после посещения домодедовского «Дьюти фри» располагает к ополовиниванию приобретенных там за доллары запасов. Потому что бывалый сосед по креслу, не первый раз летящий в загадочное «туда», объяснил, что «там» бухло «ваще задаром», то есть семилетний ром «Старый монах» — два с небольшим доллара за литр, а портвешок, они же там «слегка португальцы», и того меньше.

Далее «чикена» следует выдержать, желательнее не меньше часа. Для этого хорошо иметь автобус побольше, соответственно, и народу, который надо развести по разным гостиницам. Народ разбредается по окрестностям в поисках туалета, где и на что купить воды, поблевать и так далее... Когда собранные, наконец, туристы рассядутся, им следует прочитать лекцию об использовании при чистке зубов только бутилированной воды. Вреде обращения в местные экскурсионные агентства. Мытье фруктов с мылом. Полного снятия с гида любой ответственности (как будто она имелаась до этого) в случае взятия вами напрокат байка или машины, особенно не у тех, кого укажет он. Короче, если получится расположить его к себе и внушить, что ты для него друг, учитель и брат, а так же проводник, сталкер и ведущая сила в этом ужасном, полном микробов, ядовитых электрических скатов и «алчных индусов» мире, то отдых его получится незабываемым с точки зрения комфорта, здоровья и впечатлений. Если же он не усвоит этого своими фреш куриными мозгами, то пусть пеняет на себя, потому что те ценные дефицитные денечки своего отпуска он потратит в лучшем случае бездарно, скучно и принимая горы таблеток, а незабываемыми их сделает понос, который будет мучить его всю оставшуюся жизнь.

Если у гида это получилось — он хороший гид, настоящий мастер своего дела, и люди тянутся к нему. Благосостояние его растет, статус повышается, а к концу сезона вдруг появляется мысль: а не бросить ли все это на хрен, сделать годовую бизнесвизу, снять гестхаус у моря, поставить бамбуковый ресторанчик — шек и возить себе народ по десять — пятнадцать «окочившихся президентов» за ночь. Ведь оперившийся чикен, если мозги у него не остались все на том же фрешуровне, вряд ли поедет в Гоа ещё раз через турагентство, а позвонит ему, другу и сталкеру, практически местному жителю. И тот сделает уже бройлеру визу, закажет билет, встретит на такси в аэропорту. А вечером в чилауте своего шека устроит пати по поводу вновь прибывшего старого знакомого с неизменным чаломом и рассказом, какой в этом году урожай в Непале. А так же где найти Васю Самрастита, ибо лучший гашиш, который он делает своими руками, можно купить только у него. Он поведаёт о новом только что открывшемся русском центре йоги на Мандреме. О частном русском детском садике «Солнечный круг», который организовали подмосковные ребята Лёша с Ларисой. А также где будет проходить очередная «закрытая» вечеринка с таинственным названием «пати», регулярно устраиваемая овечьим легендой Тимуром...

Жизнь постепенно налаживается, и странное спокойствие проникает в душу, утомленную гонкой за этой жизнью...

Наверное, так Индия пускает в неё свои корни...

Барабан

Как все наивные белые, я тоже считал его музыкальным инструментом, по которому следует от всей души самозабвенно барабанить. Кроме того, послунявленным большим пальцем из

него можно извлекать куда более дивные звуки, проводя по натянутой коже. Звуки эти напоминают рыгание слона, решившего завязать с вегетарианством и глумливо нажравшегося мышей. Но звук — ничто перед главным его достоинством, тем, что это гениальный по своей сущности сувенир. На любом пляже, рынке или просто на улице к тебе обязательно кинется улыбающийся, как будто он только тебя всю жизнь здесь ждал (а ты, подлый обманщик, все не ехал и не ехал), навьюченный десятками экземпляров этого народного достояния юноша. А как чарующе индийцы произносят: «Пасматры, барабан, чип прайс, гут шанс, пасматры», и начнут сосредоточенно пукать об него большим пальцем. По местам скопления бледной румянящейся туристической массы прокладывают себе маршруты сотни и тысячи коробейников, нагруженных различными товарами «повседневного спроса». От оплывшего мороженого ценой в одну рупью (шестьдесят копеек по-нашему) до магических, передающихся по наследству ноу-хау аюрведического массажа, который вам сделают прямо тут же немывыми натруженными руками, залив вонючим маслом ваше же полотенце, а налипший песок и соль от морской воды используя в качестве скраба для удаления лохмотьев шелушащейся кожи. Можно даже не упоминать о несметном количестве предложений очков от солнца, различных тряпочек с загадочным названием парео, карт Индии, Гоа и той деревни, где располагается ваш пляж, каменных слоников с зрегированными хоботами и различными приспособлениями для курения всего и вся. Шестилетняя девочка в условной одежде, на груди которой можно разглядеть весь рацион её питания за последние три недели, предложит вам рупий за десять выцветший и распухший от употребления на открытом воздухе томик Бегбедера в русском переводе. Её младший брат, одежду которого составляют лишь четки из деревянных бус на поясе и засохшие по всему лицу сопли, не отставая от сестры, притащит

половинку книги на иврите, судя по фотографии Вячеслава Тихонова в треуголке на остатке обложки задуманную издателем как роман «Война и мир». Но большее уважение, граничащее иногда с раздражением, вызывают именно разносчики ритмической основы индийской музыки. Похожие на корабли песков, они уныло бороздят бескрайние просторы пляжей, оживляясь, лишь пристав в прямом и переносном смысле к разбросанным островкам компаний отдыхающих. Если составить все эти обтянутые с двух сторон кожей пустотелые чурбачки, продаваемые на ста десяти километрах пляжей, один на другой, возможно, получится шест, похожий на бамбуковый, достоящий до Луны. Но не будем ущемлять национальное достоинство индийцев, издеваясь над любимым народным инструментом. Тем более что мы можем сколько угодно смеяться над этим, но хорошо смеётся тот, кто, устав после жаркого трудового дня, подсчитывает вечером выручку. Ведь начальная цена предложения превышает отпускную до десяти раз. И «свежий чикен», ориентируясь на привычные ему курортные цены, особенно европейские, покупает, вяло поторговавшись и скинув цену всего в два раза. Вот оно, истинное рыночное воплощение дружбы народов, мы радуемся дешевизне, они — тому, как удачно произвели коммерческую сделку и избавились от громоздкой безделушки, да ещё за такие бабки, и все рады. Так что относитесь к индийскому барабану с большим уважением, это не только инструмент, из которого можно извлекать звуки или использовать в качестве маленькой табуреточки, это кормилец и основа жизни миллионов жителей нашей маленькой планеты. И тех, кто точил болванки из древесины. И тех, кто обтягивал их кожей. И тех, кто, напоминая собой смесь ударника барабанно-торгового труда и вьючного животного, под палящим солнцем бродил по десяткам километров пляжа, заботясь, чтобы вы не забыли приобрести его, а дома, взяв его в руки и подойдя к окну, глянули на заснеженный

внизу двор и, послунявив палец, попробовали извлечь странный гудящий звук. Звук всё равно не получится таким, как у профессионалов, но воспоминания нахлынут на вас, закружат и унесут за шесть тысяч километров, в странный, удивительный мир планеты Индия.

В каком-то городе на Кубе есть памятник велосипеду. Павлов от имени всего человечества поставил памятник замученной собаке. Я бы на месте министерства туризма и культуры штата Гоа не пожалел денег, благо золото в Индии довольно дешево, отлил бы из него статую, изображающую индийский барабан пару метров высотой. И поставил бы его на площади аэропорта, чтобы он встречал и провожал нас, а из динамиков на всех языках мира по очереди раздавалось: «Пасматры...»

«Чало» — слово сакраментальное

Когда вас совсем достанут местные коробейники, торговцы и попрошайки, их желательно послать, причем степень дальности посылания должна быть прямо пропорциональна степени доставучести посылаемого объекта. Возможно, в великих и могучих индийских языках имеется немало выражений, предназначенных для этого действия, но достаточно выучить одно — ЧАЛО. И всё Гоа вас прекрасно поймет. В зависимости от выражения вашего лица оно может обозначать от ласкового «...отстал бы ты» до грубого «...да пошел ты на ...». Степень и глубину посылки можно регулировать дополнительно жестами и лёгким рукоприкладством. Но ни в коем случае нельзя фальшивить. Гоанцы тонко чувствуют фальшь, особенно дети. И если они почувствуют её у вас, то могут воспринять это

слово как ответный ход в международной игре под названием «Набебекай ближнего своего».

Когда к вам подсаживаются на пляже с предложением купить барабан, серебро или замечательную тряпочку с таинственным названием саронг, обычно можно обойтись необращением внимания на продавца и лёгким движением руки, как будто стряхиваешь со стола тыльной стороной крошки от себя. При этом «чало» произносится утомленно и как бы между делом, словно вас оторвали от важного и серьёзного занятия — загорания. Если не действует, следует несколько округлить глаза и уже более настойчиво произнести: «Чало, плиз!», сделав упор на слове «плиз». И так далее по возрастающей. Крайней стадии возмущения научиться не так легко, если вы не выпускник театрального училища имени Щепкина, не почитатель актёрской игры Любови Орловой или не любитель индийского кино. Эти три категории людей легко могут воспроизвести тот понятный индийцам энергетический посыл, необходимый для того, чтобы объект покинул вас, уступив место следующему, блуждающему вокруг и косящемуся в вашу сторону. В этом случае церемония повторяется, вы вспоминаете какого-нибудь «отъявленного мерзавца» из любимого вами бопливудского фильма, снимаете солнцезащитные очки, чтобы Коробейник пучше разглядел ваши гневные глаза, выкатываете их как можно дальше и кричите: «Чало, твою мать...» Последние слова допустимо произносить по-русски.

Если вы ходите на один и тот же пляж, то дня через три к вам вообще никто не подойдет, кроме обслуги того ресторанчика, чьим лежаком вы пользуетесь. Ну, может быть, случайно забредший на чужую территорию новичок, не знающий, что белый сахиб или сахибка очень не любит, когда ему мешают принимать солнечные ванны. По мере приобретения вашей кожей сначала красного, а потом тёмного оттенка напористость пляжных раз-

носчиков падает, как это описано в разделе «Фреш чикен». Но это касается пляжа. На рынках — «Фли маркете», «Найт маркете» и бесчисленных тибетских развалах, а также оживленных улицах — приставалы в покое вас не оставят никогда. Тут это замечательное слово будет вам верным помощником и путеводной звездой в толпе желающих приобщиться самим и приобщить вас к международным финансовым отношениям путём изъятия у вас небольшого количества денег, ведь у них каждый день «Но бизнес тудей!».

Просветлённые

В Индию принято ездить за просветлением, пониманием, ответами на глобальные, гнетущие вас вопросы. Некоторые находят то, что искали, такие несут знания в себе, чтобы обдумать, переварить и понять, а следует ли миру знать то, что они открыли в себе. Некоторые делают вид, что все поняли, а некоторые полагают, что нашли ответы и теперь в их обязанность входит объяснить это каждому встречному. Таких — большинство. Они приезжают в ашрамы, живут там энное количество времени и выходят в свет абсолютно просветленными. Не будем касаться вопроса жульничества и мистификаций со стороны тех гуру, к которым приезжает народ, и степени вменяемости желающих просветлиться. Сюда едут в основном люди с «тараканом» в голове в ОБЩЕПРИНЯТОМ смысле этого слова, и не всегда последствия пребывания насекомых в голове имеют милый и приятный характер. И многие из них до или после своих экзерсисов попадают в Гоа, кто отдохнуть после и оттянуться «марочками», «каплями», «кристаллами» и прочими психоделиками. Кто-то по аналогии с уходом в монас-

тырь или со свадьбой решает «в последний раз» «поторчать» перед приобщением к Великому. При встрече в аэропорту не узнать их трудно, они вам этого не дадут громкими голосами, белыми или рыжеватыми длинными одеждами. Если иностранные «просветленные» ведут себя тихо, широкой русской душе бывает обидно, что никто не замечает его избранности и причастности. Иногда это принимает гротесковые формы. На одном из пати в знаменитом «Вестэнде», которое устраивал диджей Икс Пи, в миру Тимур Мамаев, была, например, группа товарищей в шапочках, похожих на тибетейки, и с посохами. Они приставали к окружающим с вопросами: «А в какой реальности мы сейчас находимся?», ведь скоро им идти к Саи Бабе. Складывалось такое ощущение, что по окончании суточного пати они, так же спрашивая окружающих про реальность, пойдут «ветром гонимы...» к знаменитому Бабе получать порцию просветления. А перед этим, съев по три дозы ЛСД, решили испытать степень своей тяги к свету двадцатичетырехчасовым психоделическим зависом.

Подобный «коллектив», возглавляемый молодой девушкой со светлым именем Аэлита, в течение нескольких дней развлекал укуранный народ в Джус центре. Заказывая соки, они членораздельно обсуждали проблему физических неудобств при открытии «третьего глаза». Аэлита перемещала себя в пространстве, неестественно выпрямив спину, для чего она сделала высоченную прическу, утыкав палочками, которыми едят суши, и украсив лентами. Сопровождающие её по пояс голые молодые люди смотрели сенсейше в рот, стараясь уловить тайный смысл в обрывках фраз и чуть ли не записывая за ней высказывания.

— У вас ещё не чешется «третий глаз»? Это первый признак, что он открывается! — многозначительно возглашала она.

— Во-во, у меня что-то такое было ночью, — восклицал юноша с горящими глазами.

— А у меня по ночам одни поллюции, — печально констатировал Вася Самрастит, обращаясь к Игорю Ганди. — Жена в Рашу полетела с визой решать вопрос.

— Не страшно, — ответил тот. — У меня тоже были, когда моя улетала на две недели. Потом такое открылось с её приездом, три ночи уже не спим...

Сжизатели оранжевого бензина

Эта категория отдыхающих, приезжающих в Гоа, довольно обширна. Они могут ехать через турагентство в гостиницу, или к осевшим русским в гестхаус, или просто в неизвестность: прилетим — на месте разберёмся, или в самолёте у народа поспрашиваем, где снять, почём...

Они берут в аренду машину или байк, ещё в Раше из Интернета скачивают карту, по которой все равно ничего нельзя понять, разрабатывают маршруты на каждый день, планируют даже дни отдыха и валяния на пляже, посещения водопада, плантации специй, слонов, крокодилов. Прилетают... и всё делают абсолютно по-другому. А объясняется это очень просто. Гоа не поддается планированию и логике в том смысле, в котором это понятие присуще русским, особенно москвичам, да и вообще иностранцам, белым, европейцам, форенерам. Гоа — это другое измерение, параллельная реальность, если вообще это можно назвать реальностью. Хотя люди там ходят вполне живые и радостные. Их можно потрогать, поговорить с ними, выпить стандартного по вкусу, как все технологичное пиво в мире, пива с нестандартным названием «Кингфишер», что в переводе означает «королевский рыбак». Название стырено у природы, так называют довольно

крупную птичку, которая изображена на этикетке. Один орнитолог, больше напоминающий ботаника, сказал, что это зимородок, сваливший сюда пересидеть холода откуда-то из Сибири. Так что — наш брат. А может, тот орнитолог съел чего перед тем, как увидел птичку, здесь такое часто случается. Так вот, попавший на гоанскую землю изначально белый чел, особенно житель мегаполиса с распечатанным на А4 планом изучения и освоения прилегающей местности первые два-три дня, пока ещё носит обидное звание «фреш чикен», остается энергичным, пытливым путешественником. Далее задор его постепенно уменьшается, любознательность приобретает всестороннюю направленность, он начинает метаться между желанием сходить на пати, выполнить пункт из утвержденного ещё в Москве, на семейном совете, плана, купить уже другого «плана» и так далее. Листочки с распечаткой, если они из хорошей бумаги, уходят на мундштуки для джойнтов, самокруток. Возникает мысль, что его обманули, обещанные две недели тропического рая на самом деле — мгновение в сравнении с вечностью, пропитавшей пространство вокруг. И рыжий глаз заката, пристально глядящий в твой разум сквозь ресницы пальмовых листьев, шумящих вдоль обрыва у танцпола в «Найн баре», — не что иное, как глаз Бога, миллиарды лет с кажущимся безразличием наблюдающего за дивными творениями своими. И что же... как же... я уеду в своё слякотное, серое Чертаново или Бутово, а он... а я...

Человек в диком, выдавливающим слезу восторге прыгает в седло, пришпоривает коня, и с оргастической улыбкой идиота несется по петляющей среди высушенных зноем полей условноасфальтированной дороге. Мимо израильского ресторана с арабским названием «Фаляфель», мимо культового, знаменитого своими пати и концертами «Хиллтопа», мимо супермаркета «Оксфорд» и известного определённой категории людей «Интернет кофешопа». И не важно, что коня зовут «Актив» и

собран он на заводе «Хонда» в Японии, а бензин на нуле — в любой лавке за шестьдесят рупий вам нальют литр его, почему-то апельсинового цвета, цвета знаменитого гоанского заката.

Гомеопатия и аюрведа

За наши грехи Бог послал нам два вида лекарей: одни помогают нам умереть, другие мешают жить.

Ходжа Насреддин

Читателям впечатлительным, задумывающимся, лучше эту главу пропустить, потому что может так стать, что по прочтении вы полезете в Интернет, разыскивая материалы на эту тему, а найдя, чего доброго, начнете читать, а уж прочитав... у автора нет родственников, работающих в медбизнесе, и ему глубоко «по барабану», придет в упадок индустрия предоставления медуслуг или нет. А уж на фармацевтику, особенно ту, чью продукцию мы вкушаем из наших аптек, тем более. Ибо сам когда-то снабжал их импортными препаратами и так называемыми лекарствами. Был грех, до сих пор не замаливается. Поэтому знаю и как, и кому, и какой приходилось выплачивать гонорар, чтобы именно твоя «шняга» «прохлаяла». Сейчас, конечно, все подорожало, но в начале века, например, сертификат о том, что твоя соевая мука производится из генно не модифицированного сырья, стоил, смешно сказать, шестьсот долларов. И продавали, и продают эту сою во все мясокомбинаты и цеха, и лопают народ, и радуется жизни, до поры. Некоторые дотошные звонили, правда: «Мы отдали вашу муку в лабораторию, хроматограмма показала...». — «Да засуньте вы вашу хроматограмму вместе с хроматографом в ... — отвечали мы им. — Посмотрите, чья подпись на сертифи-

кате, академик, светило, директор института... уж у него-то хроматограф «...кого надо хроматограф», а вы нам — «там хромосомы скорпиона видны». — «Это вам видны, а им за шесть сотен мертвых американских президентов видны ваши бодрость и здоровье...» Как заедешь во двор института питания, одни «геленвагены» да «коены» сотрудников стоят, так что, каков институт, таково и питание, и, судя по автопарку, неплохое... у кого-то...

Я не просто так написал «индустрия предоставления медицинских услуг». Сейчас, когда в мире наступает эпоха КОРПОРАТИВНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА, медицина становится не просто бизнесом, а бизнесом корпоративным. И как любому бизнесу, ему нужны клиенты, те, кто будет все это покупать. А как вырастить клиента, потребителя этих услуг, если он, не дай Бог, родился здоровым? Сейчас такое уже редко, но ведь случается. Ведь это только в рекламе бывает — жизнерадостный придурок из штата киностудии имени Горького с добрым взглядом и в белом халате вещает: «Я доктор Прапорщиков, дантист высшей категории. Говорю вам как на духу — в мире стоматологии совершен переворот. Выпущена зубная паста «Хренодент» с содержанием хрена в газообразном состоянии. И уже на двенадцатый день вам не понадобятся ни врачи, ни патологоанатомы, поэтому я теперь на хрен не нужен, отправляю семью в деревню к бабушке растить хрен, а сам иду собирать бутылки». И ведь верит народ, что и правда чего-то там изобрели новое, и вот это новое им сейчас как поможет, так все поликлиники придется закрывать, а врачей в узбеки к Лужкову определять для уборки улиц. Поликлиники, действительно, лучше закрыть, ибо вреда от них больше, чем пользы. Это с точки зрения нормальной логики. Но «польза» для медицины в целом, я имею в виду официальную медицину, — это самый главный враг. Больной врачу нужен, и лечить его нужно, только вылечить нельзя, иначе он выйдет из числа клиентов. Поэтому ему надо на время облегчить течение

болезни, заглушить её симптомы, но обязательно так, чтобы он пришел ещё, и ещё, и ещё... Я не беру в расчет поликлиники, где врачи отработывают рабочий день и ненавидят своих пациентов за их существование. Туда и контингент приходит малоимущий, в основном бабушки, и врачи такие же. В бутовской районной есть такая Соня Самуиловна Ренкель, как выписывала от аллергии тридцать лет назад «супрастин», так и до сих пор его всем выписывает, то ли из-за возраста названия других забыла, то ли патриот венгерской фармацевтики. А купить его можно только где-нибудь в деревне под Серпуховом, дешевый слишком для Москвы, невыгодно, если его вообще выпускают ещё. Я имею в виду коммерческую медицину. Врачей не осталось, теперь одни специалисты, а лечить не болезни, а человека надо.

Итак, промоушен промоушеном, реклама рекламой, но клиента надо вырастить, воспитать и внушить ему и его близким, что он без их медицины никто и ничто, и болеет всем подряд, и помереть может от кариеса. Вот для этого и нужна вакцинация. Она, правда, не только для этого нужна. Это к тому же отдельный бизнес, и очень выгодный. Не зря же производители вакцины для прививок платят огромные деньги, чтобы выйти на этот рынок. Ребёнок, появившись на свет, в первые часы своей жизни получает кроме естественного шока ещё кучу подарочков от людей в белых халатах: и в глаз капнут, и БЦЖ вколют, и АКДС, вот только почки потом отказывают, но для этого есть специалист «по почкам», он вылечит. Или в мозгу изменения начнутся, но тут уж извините, есть допустимый процент осложнений...

На одном весёлом сайте по предоставлению платных медицинских услуг читал и радовался за будущее поколение. Оказывается, теперь стало проще — пять прививок в одном флаконе, и последствия от этого «хедэндшелдερса» «...ребёнок будет переносить лишь раз...», хорошо бы, не последний. Вот такой у них юмор, почему-то вспомнился фильм «Жмурки»...

В Америке в начале восьмидесятых, когда она ещё не была столь залеченной и ожиревшей, даже уволили с работы министра здравоохранения за то, что он опубликовал статистические данные по вакцинации. Оказалось, что из привитых заболело четырнадцать с половиной процентов, а из непривитых — пятнадцать. Казалось бы, прогресс налицо (полпроцента), но выяснилось, что от осложнений после прививок умерло приличное количество народа. А уж от каких возникших хронических болезней и осложнений пришлось лечиться выжившим, ему сказать так и не дали. Возникает мысль: будет ли человеку, изобредшему лекарство от СПИДа, нобелевская премия? Его убьют на хрен, чтобы бизнес не портил, ведь лекарство это нужно только больным, а профильному медбизнесу это вешалка. А больной в медбизнесе — источник, корова с выменем, полным молока. Ведь у медиков тоже есть дети, которые его любят. Кстати, дети у многих медиков, имеющих дело с последствиями вакцинации, ходят непривитыми, к чему бы это?

Вот тут и возникает вопрос: куда податься и к кому обратиться несчастному с багажом наследственных хронических болезней, заложенных ещё вакцинацией прадедушек и прабабушек, человеку? Ведь сейчас такое разнообразие всевозможных заведений, где можно подлечиться. Только плати, и таблетку дадут с авторитетным названием «Кремлёвская», и клизму двадцатилитровую с какао из экологически чистых районов бразильской сельвы поставят вкупе с диетой из листьев одуванчика по французской системе. Таблетка ещё никого не сделала даже обладателем кабинета в одноименном комплексе зданий в центре Москвы, тут лучше в обратном направлении действовать: сначала кабинет, потом таблетка. Клизма, наверное, приятней салатов из весеннего цветочка, некоторые потом всю оставшуюся жизнь продолжают ставить и даже получают от этого удовольствие. Это уже само по себе полезно, но хронические болячки не проходят. Люди обращаются к аюрведе.

Аюрведа — великое искусство, в названии которого упоминается слово «ведать», то есть «знать». По преданиям, это знание дано людям Богами — как жить, кого любить, чего есть, чем вылечить возникший в организме дисбаланс. И знаниям этим не одно тысячелетие. А возникло оно ещё до цивилизации ариев. Когда-то могущественное учение о жизни, сейчас почти забытое, становится опять же элементарным бизнесом. История его закончилась тысячу лет назад. Да, до этого были попытки организации централизованного здравоохранения — первые госпитали в городе Хараппа. Потом приходили завоеватели, арии, различные мамалюки со своей арабской медициной, тоже сильной для того времени. Китайцы, тибетцы, англичане добавляли своего, отодвигая «устаревшее» на задний план. А иногда и запрещая. Аюрведа перестала развиваться, написанные на санскрите манускрипты, спущенные богами сверху, убрали в долгий ящик, где они и лежали без теоретического и практического применения. Возможно, где-то как-то из уст в уста что-то кому-то и передавалось. Однако сейчас выпускники аюрведических колледжей, основных поставщиков аюрмедцинского персонала, простудившись, бегут в аптеку за антибиотиками. Что может сделать выпускник такого колледжа, прочитав, к примеру, над вашей пропитой печенью мантру, которая якобы своими вибрациями вызывает в его подсознании ассоциации, которые, в свою очередь, наводят его на мысли о том, нужном для вашего лечения растении. Может быть, кто-то и умеет использовать это знание на более-менее значимое количество процентов, но в основном мы применяем её как вспомогательное профилактическое средство, средство реабилитационного периода. Не зря же одно из основных постулатов аюрведы звучит так: «Если вы правильно питаетесь, то лекарства вам не нужны, если вы питаетесь неправильно, то лекарства вам не помогут». А где вы видели россиянина, особенно москвича, который пита-

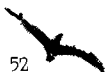

ется правильно? В больших городах правильно питаться просто нечем. Поэтому используем мы сейчас аюрведу, как ребёнок, которому купили последний навороченный компьютер, а он играет на нём в «бродилки». Неплохо, но этот компьютер ещё кое-что может, только ребёнок не знает, какие кнопки жать, чтобы получилось. Вот и покупаем в безумных количествах пузырьки с порошками из различных растений: что-то для секса, что-то от запора, что-то от общего недомогания. Это все очень полезно. Надо помнить только, что не все травы так уж безобидны. Что ложкой больше, ложкой меньше — хуже очень может быть! К тому же индийцы с детства «сидят» на них. А мы накупим десяток упаковок «Тентекса роял» и в койку после пары капсул. Эффект хороший, но это не средство от импотенции, это усилитель ощущений, набор трав, растительная смесь известных с древности афродизиаков. Эффективен он в течение нескольких часов, а вылечить от импотенции не может. Да, и не забывайте про наступающую эпоху КОРПОРАТИВНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА, когда нравственные принципы где потихоньку, где галопом уступают место жажде наживы и беззастенчивым рекламным понтам. Вам могут такое подсунуть в красивой упаковке, что потом сам не поймешь, от чего лечиться: от поноса или золотухи. Посему аюрведа на том примитивном дикарском уровне как потребителей, так и продавцов хороша как дополнение, а не как основное лечение болезней. Поэтому, Боже вас упаси верить рекламным зазывалам «...мы лечим все болезни, приезжайте на лечение, пролечим вас, мало не покажется...». Никого аюрведа не вылечила. В ней надо родиться, вырасти и жить по законам аюрведы, тогда будешь здоров(а), красив(а), и противоположный пол будет от тебя в восторге.

«Лечение болезней», именно во множественном числе, больше подходит официальной, традиционной, как она себя считает, медицине, или, по-научному, аллопатии. Медицина же, логичес-

ки более объяснимая, не лечит болезни, она исцеляет человека и рассматривает его как целостную личность, со всеми его недугами и душевными проблемами. Основы и принципы её близки и аюрведе, и акупунктуре, и многим другим восточным медицинам и практикам. Такая медицина называется — гомеопатия. Как сказал один знакомый кришнаит и знахарь аюрведы, она ведь тоже лечит «тонкое тело», энергетiku человека. Мудрость и правомочность её доказана более чем двухсотлетней практикой выдающихся врачей, начиная с великого Самуэля Ганнимана. Гомеопатия сумела преодолеть и сейчас преодолевает такие трудности, какие генетике и не снились, и количество Лысенко на её долю выпало куда более. По незнанию предмета мы думаем про гомеопатию как про заговоренную очередным экстрасенсом собственную фотографию, которую надлежит повесить в угол, куда раньше пристраивали икону, и она, типа, поможет. Я помню, как в детстве на перемене бегали в гомеопатическую аптеку на Садовом возле кинотеатра «Форум» и покупали картонные коробочки с белыми сладкими шариками. Сахар и сахар, все на один вкус, стоили недорого, родители смеялись: ешь, хуже не будет. Мы старались каждый раз выбрать новые, хотя по вкусу они все были одинаковыми. Но мы ухитрялись различать вкус, вот дураки. А теперь я думаю: и откуда у меня тридцать три года была аллергия, которую только сейчас сумел вылечить, причем гомеопатией? От аллопатии она отличается практически всем. Если первая объявляет болезни войну и начинает «мочить» её мощными лекарствами в немерянных дозах, то вторая не воспринимает болезнь как главного врага, а считает проявлением общего сбоя в правильной работе организма, допустившего в себя болезнь и давшего ей в себе развиваться. Что есть причина, а что следствие? Поэтому надо не лечить болезнь как таковую, а правильно определить, в каком месте в вашей естественной природной защите произошла слабость, где и когда произошел

прорыв в «крепостной стене» вашего здоровья. Это место и надо укрепить, активировав сами защитные силы организма в этом направлении. Сей метод называется «подобное подобным». Любителям выпить эта мысль тоже приходит в голову, особенно по утрам, только дозы у них не гомеопатические. И больше им нравится другой постулат — «Лучше два вечера, чем одно утро», но этот к гомеопатии отношения не имеет. Ведь оперирует эта наука веществами весьма токсичными, а иногда просто-таки ядами. Вещества, вызывающие у здорового человека симптомы, схожие с теми, что вызваны болезнью, даются пациенту в ничтожно малых количествах, чем заставляют его организм бороться с ней. На самом деле это наука, основанная на долгих наблюдениях и экспериментах, и огромную роль здесь играет личность врача. В гомеопатии, как нигде, результат зависит от доктора. Ведь с одними и теми же симптомами разным людям помогают разные препараты. И от правильности их подбора зависит результат. Болезнь не надо убивать, как это делает аллопатия, применяя ковровый метод бомбардировок по американскому образцу, когда, чтобы словить одного Саддама, убили сотни тысяч человек, продолжая гробить своих и чужих. С ней надо дипломатично считаться, докапываясь, в чем первопричина, источник её. Для этого надо быть и психологом, и учитывать особенности генетического кода, переданные нам родителями, и в болезнях разбираться. Индийская гомеопатия весьма авторитетна в мире, кроме индийцев, в Гоа практикуют и иностранные специалисты, перебравшиеся сюда, есть даже светила. Немаловажно, что в гомеопатию приходят в основном, врачи, прошедшие аллопатическую школу, знающие изнутри, что им придется исправлять. Конечно, на жуликов можно нарваться везде, но в гомеопатии жульничать сложнее, это не настолько коммерчески выгодное направление, потому что с каждым пациентом проводится длительная индивидуальная работа, весь-

ма сложная и кропотливая. Поэтому гомеопаты не могут иметь большое количество клиентов. Но надо помнить, в какое время мы живем — эпоху побеждающего КОРПОРАТИВНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА, и вещи не технологичные, индивидуальные, не подлежащие массовому клонированию становятся или доступными для избранных из-за стоимости, или исчезают, задавленные коммерцией. Жалко, если это произойдёт с гомеопатией... но есть ещё акупунктура...

От индусов до индийцев, и немного о нравах

Для того чтобы стать индусом, индийцем можно не быть. Пошел в Москве в кришнаитский храм, принял Кришну в свое сердце, и ты уже индус. То есть исповедуешь одно из течений в религии ИНДУИЗМ. Религия эта является титульной, имеет подавляющее число приверженцев. Однако называть индусами всех индийцев как-то неприлично, по крайней мере безграмотно, ведь вы же не знаете, какого он вероисповедания. Представьте, если всех граждан России будут называть православными. Это особенно прикольно прозвучит на Пражском, да и на любом другом московском рынке.

Во всей Индии индусы составляют большинство, кроме Гоа, здесь девяносто процентов — католики, но индуизм постепенно восстанавливает справедливость, отвоёвывая обратно своих апологетов. Центром распространения христианства по Индостану считается находящаяся поблизости Керала, там миссионеры постарались не на шутку, но, благодаря тому что в состав Индии Гоа вошёл лишь в конце шестидесятых, до того принадлежа Португалии, почвы для распространения других религий

здесь не было. Кто же допустит? Сейчас ситуация меняется, традиционное постепенно вытесняет привнесенное, так было и будет всегда, не без исключений, конечно. Гоанский католицизм, однако, очень силен и немного смешон, хотя смеяться над чужой религией нехорошо, но временами он выглядит комично. Как и в латинских странах, где Христос Христосом, а Вуду, шаманизм и прочие мистические штучки также не помешают, здесь рядом с Девой Марией и святым Франциском стоит Ганеш, или Кришна, или Шива, ну так, на всякий случай. Христианство вообще любит выставляться напоказ, любой религии нужен промоушен, но здесь это смотрится гротесково. Черненькие, маленькие, ну просто латиносы какие-то, проезжая мимо церкви, сбавят скорость и перекрестятся, создав на дороге затор. Выставленные в окнах китчевые гипсовые или пластмассовые статуэтки Христа и Мадонны с ежевечерним зажиганием им лампочки, чтобы соседи видели твою боголюбобоязнь и преклонение, напоминают детскую игру в куклу Барби с серьезным видом взрослого человека. Летящие на свет насекомые засиживают статуэтки, а гоанская «любовь» к наведению чистоты делает божественные лики ещё более печальными и неопрятными. Вряд ли такое понравится европейским богам, индуистские привыкали тысячелетиями... Если среди читателей попадутся любители индийского кино, они не дадут соврать — в них, фильмах, нельзя даже целоваться, про прочие безобразия и речи нет. Целоваться и обниматься нельзя и наяву. Однако как все эти ограничения сопоставить со статуями в храмах Каджурахо и трактатами Камасутры? Ведь могут же, если захотят.

Ту культуру создавала не совсем эта цивилизация, то были харалпы. Потом пришли со стороны Ирана арии. Привнесли своё. Что-то изменили. Что-то запретили. Перемешали и перемешались. Если захотят, то ещё как могут! Количество детей здесь не показатель, но девушки, имевшие опыт с индийски-

ми мужиками, говорят, что теории практикой подтверждаются, хотя все это вопросы индивидуальные. Ведь правильно говорят, что русскому — хорошо, то немке — «дас ист фантастиш...», поэтому некоторая излишняя озабоченность индийских мужчин, кем-то воспринимается, как приставучесть, а кем-то — как сексуальность. Это уже «хум из как», используя терминологию М. С. Горбачева. Но, наверное, размеренный образ жизни, абсолютное неумение куда-либо торопиться, более здоровое из-за простоты и ещё не пришедших сюда в полной мере технологий производства корма для людей, питание, экология, уважительное отношение к учениям предков, включая те же Веды, в том числе и Аюр, употребление более щадящих наркотиков вполне могут отличать индийцев от европейских мужиков.

Однако если говорить о Гоа, то здесь «... секса нет...» И ехать сюда надо с «самоварами». В отличие от Юго-Восточной Азии, где развит секс-туризм, здесь лучше не приставать к девушкам на улице — не поймут. Более того, если вы читали книгу «Гоанский синдром» и помните сцены, когда девушка инду забеременела от иностранца и радостно сообщила об этом подруге, а та за неё порадовалась, не верьте. Ребёнка, рождённого вне брака от не мужа, в Индии за человека считать не будут. Его даже в школу не возьмут учиться. По словам индийцев, женщина не может родить, как «сука». У ребёнка должен быть отец. И это НЕ ДИКОСТЬ, это такие ПОНЯТИЯ. А врач в роддоме даёт подписку о неразглашении пола ребёнка до рождения. И в случае нарушения может загреметь на пять лет за решётку. С разрешением абортотом от девочек стали избавляться — очень дорого потом выдавать их замуж. Приданное большое надо готовить. Когда-то в прошлом веке в южной части Гоа власти хотели оставить «секс-резервацию», старожилы помнят знаменитый Байна бич, в котором можно было найти платную любовь. Представлял он из себя построенное из бамбука и пальмовых листьев подобие

«чайна тауна», где стена разделяла не только комнаты в хижинах, но и сами шалаши друг от друга. При отсутствии в Гоа криминала туристы приезжали сюда с опаской, но уезжали по большей части удовлетворённые. Здесь можно было найти девчонок не только со всей Индии, но и иностранок, по большей части таек, филиппинок. Цены тоже были вполне азиатские — двадцать-тридцать долларов за ночь. Потом очередные выборы внесли коррективу в нравственное самочувствие жителей штата, в «бугры» подался истинный католик, одним из лозунгов которого был: «Уничтожим гнездо разврата...» Кандидат победил, а Байна бич остался как одна из достопримечательностей турбизнеса и подмога местному мужскому населению в решении насущно-половых проблем. Это спровоцировало рост народного недовольства, особенно со стороны женской части истинных католиков. У нас в маршах домохозяйек присутствовала тема «пустых кастрюль», у них... Впрочем, по-простому дали несколько часов на сборы, потом привезли бульдозеры... и получился обычный пляж, правда, теперь абсолютно не посещаемый из-за близости к порту и нефтеналивным терминалам. Кстати, одним из главных на западном побережье, именно сюда не доехали террористы, взорвавшие поезд в Бомбее. Борьба с терроризмом в Индии — тема для специалистов. Человеку непосвященному понять, почему здесь не взрывается все и всегда, невозможно. Индийцы с их любовью к миграциям перемещаются по стране, не имея паспортов, то же касается и непальцев, подавшихися в Индию. В лучшем случае они имеют отксеренные права, у кого есть. Попастъ же в Непал из Пакистана — не проблема. А из Непала в Индию любой террорист, сбрав бороду, легко на поезде перемещается по всему Индостану. Причем при покупке билета, как объяснял один местный, надо назвать свою фамилию. Этого достаточно. На вопрос: «А если другой человек воспользуется твоей фамилией?», он снисходительно улыбнулся: ведь могут

ещё и адрес спросить. А то, что чужие фамилии и адрес может знать потенциальный террорист, вызвало у него не только недоумение, но и смех. Возможно, не следовало придавать огласке подобное ноу хау, чтобы сей опус не являлся руководством к действию для исламских террористов, но есть уверенность, что они не прочтут его. И что-то мешает им самим додуматься до этого. Однако теракты бывают, но не столь часто, как в Европе со всеми её спецслужбами и спецухищрениями.

При всей любви к Индии с её историей и культурой, значительно превосходящей по времени и мудрости европейскую, количество придурков, дебилов, уродов всех мастей и жертв кровосмешения здесь больше, чем в любой «цивилизованной» стране. Может быть, подонков не столько, но их возникновению мешает детское, наивное восприятие окружающей действительности, помноженное на религиозность и боязнь испортить себе Карму, — последнее касается, естественно, индуистов. Так ведь их более миллиарда, и в пропорции получится совсем другая картина. К тому же официально отменённая кастовая структура индийского общества, тысячелетиями служившая основой государственности, не может быть аннулирована одним парламентским указом. Эта система, впоследствии перенятая армиями да и обществами всего мира, наглядно продемонстрировала свою жизнестойкость. Она проста до гениальности и четко иллюстрирует военную или даже уголовную иерархию. Есть высшие касты — генералитет, паханы, воры в законе. А есть антачи — неприкасаемые, они жениться могли только внутри своей касты и выполняли самые грязные и нечеловеческие работы. Если в аварийной ситуации есть выбор, кого сбивать — неприкасаемого или корову, идущую посреди дороги, — у истинного индуса даже не возникнет сомнений: корова-то — святая, а этот — грязь под ногами. Поэтому представители именно этих каст стараются покреститься в кого угодно, тем самым обмануть свою Карму и

вкусить плодов демократии. И получается, как в анекдоте про бомжа, похожего на Карла Маркса, когда ему сказали сбрить бороду, чтобы отличаться от классика, спросившего «а ум-то куда деть?».

Вот так и формируется католическая паства Индии. Но, как ни странно, кастовой системе не подчиняются сикхи. Единственные на Индостане настоящие воины. Если не считать мусульман. Сикхи — это, если по-простому, индийские казаки. Они носят тюрбаны, под которыми прячутся собранные в пучок волосы. Как с черепа, так и с бороды. Правовой сикх не имеет права стричь волосы, пока на свете жив хотя бы один мусульманин. Десяток лет назад, начиная с четырнадцатилетнего возраста, они не могли появиться в обществе без холодного оружия. Это были сабли, у подростков укороченный вариант — керпаны. Касалось это правило и женщин. В семидесятые я видел бабушку лет за сто, которую вели под руки. А по земле волочился огромный палаш, свисающий с пояса. Сикхам даже запрещено курить гашиш, ведь это «дурь» пацифическая. Какой же ты воин, если укурился и всех любишь? Ты же убить никого не сможешь. Зато алкоголь им даже прописан. И нередко в прошлые годы надрывшиеся по случаю праздников (а в Индии их штук триста в году) горячие парни в тюрбанах применяли свой атрибут костюма по прямому назначению. Сейчас нравы изменились, правительство запретило поножовщину и ношение оружия. Да и волосы подравнивают втихаря, хрен с ними, муслимами, пусть живут. Так вот у сикхов нет каст, у них, как и у казаков, есть сотни и их командиры — сотники. Атаманы, командиры сотников и так далее. Конечно, сейчас всё это условно. А выглядит не так театрально, как на Кубани, без пластмассовых крестов и погонов из военторга.

Жить в Индии, хотя бы и очень долго, и иметь здесь бизнес — это две большие разницы, как говорят в Одессе. Поимев деловые отношения с местными индивидами, вы оцените население

этой страны совершенно по-другому. Речь, разумеется, идёт не об элите, а о так называемом простом народе, который нанимается в качестве официантов, уборщиков, поваров. Наивность местного населения прослеживается во всём. Если вы взяли себе работника независимо от вероисповедания, будьте готовы к тому, что у него будут болеть дети, матери (чаще всего), на лечение которых нужно время и деньги. А также могут начать умирать дяди и тётки, причем по нескольку раз в год. На вопрос, сколько же их у него и когда их падёж закончится, они, потупив глаза и понимая, что их расшифровали, могут извиниться и сказать, что, ну вот так получилось, больше не повторится. Индийцы вообще живут одним днем, в их менталитете нет озабоченности днем завтрашним, не без исключений, конечно, в лице всемирно известных миллиардеров. Сорвать «бабки» сейчас, не задумываясь о том, что ты испортил себе карьеру, что в следующий раз сей работодатель тебе просто не даст работу и в будущем сезоне ты останешься без средств — обычное явление. Ведь сейчас-то ты при деньгах. У русских, правда, тоже есть принцип: «синица в руках...» В этом мы похожи. Но здесь это явление куда более утрированное.

Разница менталитетов наблюдается во всем, например, маниакальное стремление к обнародованию санитарных процедур. Принцип незазорности естественного здесь возведён в культ. Даже ваш лучший друг, пригласив вас на званый семейный ужин, жуя тандури чикен, может, не стесняясь, начать громко пукать. Ну, газы подошли, бывает... Если водитель нанятого вами автомобиля для поездок ребёнка в школу в ожидании, от нечего делать, начнёт писать под вашу любимую папайю у крыльца, этим он выражает уважение вашему дому и саду. Орать на него, топтать ногами, а тем более выгонять с работы не стоит — пришедший за ним сделает то же самое. Нужно без стеснения объяснить, что вам не нравится, когда удобряют ваш огород мочой

постороннего человека, и он больше никогда этого не сделает. Причём совершенно без обид. Гоанцы абсолютно плюралистичны. Писающий мужчина — это неотъемлемая часть индийского пейзажа, женщины за этим занятием встречаются реже.

В Гоа много речек. Чем ближе к океану, тем более сказывается на них его прилив и отлив. Во время прилива течение в них начинает идти вспять, вода поднимается, принося морскую рыбу и прочую живность, включая креветок и крабов. Всё это начинает здесь размножаться, чем пользуются местные жители, вылавливая к столу морепродукты. Происходит это так. Берега речушек выкладывают камнями, отчего они начинают напоминать сточную канаву. В некоторых местах устраивают пологие площадки. Во время отлива эти площадки оголяются от воды. Происходит спуск воды обычно ночью. И прогуливаясь в ранние часы с собакой вдоль такой канавы, наблюдаешь национальный утренний туалет местных жителей. Дело в том, что, живя поблизости, можно сэкономить на строительстве туалета, канализации, водопровода... Мужское население (женщин я за этим занятием не встречал, может, у них физиология другая?) расслаживается на подсохшей площадке, спустив штаны... Как и среднестатистический россиянин, во время этого процесса индийцы любят почитать прессу. Туалетная бумага здесь неоправданно дорого стоит, поэтому газета имеет неординарное предназначение. Подобными туалетной бумаге атрибутами цивилизации здесь пользуются только иностранцы, а они могут позволить себе покупать их по европейским ценам. На Востоке принято подмываться. В жарком климате это более гигиенично и значительно дешевле. Люди перекликаются между собой, обсуждают новости, пересказывают их неграмотным соседям, проводя политинформации, разгадывают кроссворды... всё это не спеша, не вынимая зубной щётки изо рта. Большая влажность, сильный морской ветер, поднимающий пыль, склонность покурить чего-нибудь

сказываются на процессах откашливания и отхаркивания. Саундтрек раннего утра в гоанской деревне описывать не имеет смысла, люди с фантазией представят сами, можно лишь дополнить криками петухов, бляением коз и кудахтаньем съевших яйцо кур. Поэтому утренний туалет в Гоа — процедура длительная и ответственная, за которой последует мытьё из кувшина у колодца. И когда вы видите человека в набедренной повязке, намывающегося у придорожного колодца и поливающегося из кувшина, это не значит, что он бомж или очень бедный человек. Сейчас он домоется, позавтракает чем Бог послал, сядет в свой монстровидный джип «Скорпион» и поедет по своему бизнесу: кто в адвокатскую контору, кто в свой отель, ресторан, магазин или на службу в полицию.

В колодцы для их очищения подсаживают мальков рыбы и головастиков, которые вырастают иногда до очень крупных размеров. Лягушкоматки по шестьсот граммов в окружении малышни поплавками висят на поверхности воды, ныряя на дно при появлении тени. Лягушки очень вкусные на взгляд европейцев. Местные предпочитают жёлтых, нашествие которых происходит в июле — августе. Воды в Гоа много. Грунтовые воды подходят близко к поверхности. Воду черпают из колодца специальным кувшином, который опрокидывается и быстро заполняется водой. Как зачерпнуть воду привязанным на верёвку ведром, научить их так и не получилось, как и меня — кувшином. Да оно и не стоило, навыки зачерпывания воды кувшином такой формы у индийцев в генах, а самой форме его пять тысяч лет..

Среди индийцев также приняты тактильные отношения между представителями одного пола. Что удивляет европейцев, впервые попавших сюда, так это то, что пол этот мужской. Взятые за руки парочки мальчиков и вполне зрелых мужей прогуливаются по деревне. Небрежно обнявшись за талию или плечи, поглаживая друг друга по коленке, сидят, провожая заходящие

в море солнце на пляже. Или едут на байке, нежно прижавшись друг к другу. Идиллические картины в стиле «Голубая устрица» на самом деле символизируют крепкую мужскую дружбу, по крайней мере, так это объясняют сами дружащие.

Через несколько часов вода в канаве-реке поднимается, начинается прилив. Площадка, удобренная человеком, становится пастбищем для заглянувших сюда из моря тварей. Крабики и креветки объедают налипшие на камни экскременты и жиреют, как на дрожжах. Люди ловят всё это сетками, руками и другими загадочными приспособлениями... Остатки трупов животных, пакеты с мусором, отходы жизнедеятельности человека — всё сносит в океан, когда наступает отлив. Каменные площадки подсыхают, наступает утро следующего дня...

Вот такой экологически замкнутый бассейн. И всё бы хорошо, не вмешайся в этот ход событий научно-технический прогресс и новые технологии. Человек, особенно белый и богатый, всё больше хочет комфорта и фастфуда. Всё больше пластика производится для упаковки. Всё больше одноразовой посуды и пакетов в супермаркетах... Это новая проблема для Индии, жители которой всегда раньше существовали в гармонии с природой. Но тогда человек был глуп и нецивилизован, он даже не знал про «Макдональдс». Если вы выйдете из дома в утренние часы, то обязательно встретите человека, чистящего зубы. Вначале кажется, что человек их просто давно не чистил, и соседи сделали ему замечание на эту тему. И вот он показывает им — нате, смотрите, больше вонять не будет. Потом присматриваешься, нет, он делает это каждый день. Берет дома щетку, мажет на неё чёрного цвета зубную пасту «Дентабак», выходит во двор и чистит. Выходят соседи и тоже чистят. При этом они могут переходить через улицу к занятому тем же делом знакомому, чтобы, отплёвываясь, обсудить последние новости. Или левой рукой что-то делать по хозяйству. В деревеньке возле Тартл

Бея в Моржнме рыбак каждый день ходит утром проверять снасти — километр в одну сторону, полчаса на осмотр, километр обратно через деревню. Всё это время он не вынимает щетку из рта. Мнмо проезжают два «пнонера» на скутере, и оба, заметьте, ухитряются чнстнть при этом зубы, причём, воднтель должен быть левшой, ибо рукоятка газа находится справа. Интересно было бы посмотреть на лица московских гаишников, когда мнмо ннх будут проезжать двенадцатнлетнне дети на мотоцикле, правая рука на рукоятке газа, а левая энергнчно орудует во рту предметом, нзначально напоминавшнм средство гнгиены полости рта. Сначала смотрнтся не очень эстетнчно, особенно если паста непрнвычного для европейца цвета, а таких здесь множество. Потом не обращаешь внимання.

А недавно по телевизору стали показывать рекламу напитка «Соса-Сола», настолько креатнвную, что трудно её не пересказать. Летит самолет. Стюардесса разносит напитки, воду, соки. Один продвннутый «перец» заказывает у неё бутылочку той самой газированной американской жнжи. Ему приносят. Но взять он не успевает — турбулентность, блин. Гаснет свет. А когда зажнгается, бутылочки-то и нет. Дальше смущенная стюардесса громко рыгает и в стеснении убегает прочь. После чего крупнне планы лиц пассажиров. И наконец, летчиков. И все с лицами, переполненными энтузиазма, остервенело рыгают. Куда там нашим рекламным клипмейкерам с их презентацией пылесосов, типа «сосу за копейки...», или шефа магазина бытовой техники, застёгивающего шнринку, выходя из биотуалета. А следом секретарша, вытирающая рот туалетной бумагой. У инднйцев пошлости нет. Естественная реакция организма на сильно газированный напиток.

Инднйцы очень доброжелательны и приветливы. Если вы вдруг встали на перекрестке в раздумье куда ехать — не обязательно даже останавливать кого-то. Они сами остановятся и расскажут, как добраться. Иногда это принимает массовый ха-

ракти. Но тогда мнения о месторасположении искомого вами объекта могут начать расходиться. Ведь каждый уважающий себя гоанец является специалистом, причем во всех отраслях, связанных с его родиной. Будь то география или приготовление блюд национальной кухни. И уж конечно аюрведа. Они могут начать темпераментно спорить, забыв о вас и вашей проблеме. Но в конце концов приходят к компромиссу. Драка в Гоа — явление чрезвычайное среди местных. Чего не скажешь про иностранцев, особенно употребляющих алкоголь. В местах употребления более традиционных для Востока наркотиков драк не наблюдалось. А весь криминал уместается в традиционное для курортов тырение мобильных у набравшихся форенеров. Недавнее выступление в прессе главного полицейского штата было пронизано мыслью о том, что им, представителям правопорядка, нельзя расслабляться. «У нас всё, как в любой курортной зоне: и наркобизнес, и даже убийство было, пятнадцать лет назад пьяный местный задушил английскую туристку...» — сетовал он. Куда катится этот мир? — подумали мы и решили вернуть своё мироощущение к «заводским настройкам». Для чего просто открываешь Интернет, тупой и тормозной, зато стоимостью десять рублей в день на русские деньги за безлимитный тариф. Набираешь «меилру». А там: «на юго-востоке Москвы совершенно... в центре столицы взорвался... ГИБДД предупреждает...» Ну вот, совсем другое дело.

Если среди читателей имеются представители «Солдатских матерей», им лучше пропустить несколько следующих строк, чтобы «не было мучительно...» за прожитые годы. Потому что речь пойдёт об армии. Чтобы ребёнка взяли служить в индийскую армию солдатом, родители платят астрономические по местным меркам взятки. Пятьдесят тысяч рупий! Это более тысячи ста долларов. Или годовая зарплата среднего служащего. И дело не в патриотизме, вернее, не только в нём. Отношение к армии в Индии примерно такое же, как у русских в сорок пятом

прошлого века. Чего не скажешь о полиции. Военнослужащий получает зарплату, довольствие и, в зависимости от звания и срока службы, до трёх бутылок виски в месяц. Пенсии и пособия родственникам в случае смерти солдата также исчисляются суммами, на которые родственники могут безбедно существовать всю оставшуюся жизнь. Поэтому попасть на службу в местную Чечню — Кашмир не только престижно, но и выгодно.

Ещё одна черта гоанцев, да и всех индийцев независимо от места проживания — это действовать, руководствуясь своими интересами. Если в машине, перевозящей вас, имеется кондиционер, то по умолчанию он будет включён. Если, конечно, водителю-индийцу не холодно. Если же ему холодно, то по тому же умолчанию он его выключит. Но если вы попросите его сделать по-вашему, он обязательно выполнит просьбу, ведь вы босс. При довольно плохой реакции гоанцы редко лихачат, у них феноменальное зрение, даже по городу, освещенному фонарями, они ездят с дальним светом. Объясняется это просто — дальний свет светит ярче, а ярче — значит, больше, а раз больше, значит, он лучше. И зачем же пользоваться тем, что хуже, когда за те же деньги можно пользоваться тем, что лучше? Логично. И не беда, что это мешает встречным. Если мигнут, то можно переключиться. Но встречные по большей части тоже едут с дальним. И так же мешают окружающим. Перемещаться на мотоцикле в темное время суток быстрее сорока километров в час во вменяемом состоянии вряд ли кто-нибудь будет. Желательно видеть, что находится в ближайших десяти метрах, дальний же свет лупит выше, показывая направление дороги, её изгибы. Что происходит у тебя под колёсами, видно плохо. Как штат продвинутый, Гоа борется с этим явлением, уже появились плакаты, призывающие пользоваться «диип лайт». А лучше обратиться к производителям мототехники с предложением не устанавливать на мотоциклы для Индии дальний свет вообще.

Индийцы до паранойи, до фанатизма доверяют врачам. Если, конечно, это не воспитанные в традициях аюрведы старики и пожилые люди. Скорее всего, это объясняется уважением к потраченному на учёбу времени и деньгам. Ведь основная масса населения не обременяет себя глубоким погружением в науки. Школьное обучение составляет двенадцать лет, потом ещё три года по желанию. Но строгость программы микшируется необязательностью посещения школы. К тому же суммарное количество праздников, выходных, каникул не изнуряет индийских детей до той степени, как российских. Не говоря уже о европейских, где школьная программа значительно более облегчённая. При таком населении и менталитете исполнять директивы правительства о всеобщей грамотности малопродуктивно, да и никому не надо. Поэтому люди, которых угораздило ещё семь лет после школы выкинуть из жизни на прослушивание курса медицины, по своему статусу и положению находятся, конечно, значительно ниже богов, но довольно близко к священникам. И если врач скажет делать прививку от чёрной оспы, среднестатистический гоанец скажет: «Есть!», — и пойдёт искать, где это можно сделать подешевле. И не беда, что такую прививку уже лет тридцать не делают во всём мире. Если врач назначит лечить геморрой героином, тот же самый гоанец побежит от своего врача к своему дилеру выяснять, какой в этом году уродился мак и во что ему выплется курс лечения. Поэтому при любой царапине, при любом ячмене на глазу индийцы бегут в клинику. Они вообще любят лечиться, особенно молодёжь, и по большей части антибиотиками. Это при том обилии средств и знаний древнейшей науки «о жизни» — аюрведе. Складывается впечатление, что Индия — страна, снабжающая лекарствами половину мира, вдруг осталась без рынков сбыта. А заводы работают, штампуют таблетки, их необходимо куда-то сбывать или закрывать завод и увольнять рабочих, а это скажется на экономике со всеми выте-

кающими последствиями. Вот и работают рекламные группы в содружестве с врачами, пропагандируя современные препараты, а аюрведа, травы — это всё прошлый век, для бабушек с дедушками и жаждущих экзотики иностранцев, готовых заплатить за это фантастическое в сравнении с результатом бабло.

Индия — неоднозначная страна, и весь остальной мир многое заимствует из неё — от шахмат до открытых здесь законов мироздания. И многие иностранцы пытаются обустроить её под себя. Сделать жизнь здесь более привычной и комфортной с точки зрения современного цивилизованного человека. Ежегодно сотни бледнолицых с горящими глазами приезжают в Гоа, чтобы попытаться создать некую инфраструктуру цивилизованного отдыха с одноразовой посудой, едой фастфуд и гостиницами «олл инклюзив». Обычно запала хватает на первый сезон, потом он постепенно сходит на нет, разбиваясь о бюрократические препоны, менталитет аборигенов и Великую Гоанскую Лень (ВГЛ). С каждым годом пляжи Гоа всё больше захламляются пластиковым мусором, одноразовая посуда сваливается прямо за забор пятизвёздочного отеля, а аналог «Макдональдса» — «Роял Фуд» — переделан под очередной магазин. А юноши с горящим взором всё едут, привозя с собой всё новые креативные идеи, в надежде заработать денег, а заодно создать нормальные условия для отдыхающих, невзирая на уроки истории. А стоит ли?

Гармония трёх «D» (Дураки, Дороги, Духи)

Индия, как и Россия, славится своими дорогами и всеми сопутствующими ей атрибутами. Дураков, как уже упоминалось, тут хватает в избытке, так как эта страна занимает второе место по

численности населения в мире. В Гоа их количество увеличивается с полнолунием и наступлением туристического сезона. К своим доморощенным придуркам присоединяются их международные коллеги, не исключая и наших соотечественников, которые занимают достойное место в ряду самых отвязных и отмороженных. Короче, идиоты всея Земли, объединяйтесь! наших родных специалистов в этой области видно сразу и издалека по посадке на байке, выражению лица и скорости перемещения в пространстве, привитой нам темпом прыткой жизни, особенно в столицах, и совершенно идиотским, если вдуматься, выражением: «Какой русский не любит быстрой езды». Сразу хочется устроить дискуссию и выяснить портрет этого редкостного экземпляра, но строгий дух профессора Преображенского пресекает любую попытку в этой области, ибо индивидуум сей настолько редок, что его пора заносить в Красную книгу. Нормальный индийский дурак в силу полного отсутствия природной реакции, знаний устройства его средства передвижения и боязни испортить свою карму путём нанесения вреда кому-то из окружающих, ездит медленно. Правда, стартует очень быстро и не глядя вокруг. Это не мешает ему ездить по той стороне дороги, которая свободна в данный момент, несмотря на то что англичане больше сотни лет, с момента изобретения автомобиля, приучали их к левостороннему движению, а придурки из дорожной службы старательно рисовали сплошные полосы на «глухих» поворотах. И тот же дорожный служитель, закончив работу, точно так же садится на свой байк и точно так же начинает обгонять автобус на абсолютно не просматриваемом повороте в тёмное время суток. И то, что он добирается до дома своими силами и в комплектном состоянии, полностью заслуга предначертанности его кармы — значит, в этот день ему суждено вернуться домой, и духи, охраняющие его, выполнили свою работу. Здесь нет понятия штрафа за нарушение правил дорожного движения, выезд на встречную, непри-

стёгнутый ремень или езду в нетрезвом состоянии. Если вас кто-то останавливает — сделать это может только местный гаишник, одетый в белый верх, синие брюки, полицейских в хаки можете смело игнорировать (это служба несерьёзная, их задача — следить за порядком, отнимать наркотики и выявлять террористов). Так вот, если вас останавливает упомянутый страж и санитар дороги, а вы падаете ему под ноги со своего байка и уже «пальмовый лист не вяжете», самое большее, что он скажет вам, — это то, что нехорошо такому большому и красивому белому сахибу нажираться «в такую задницу» и рассекать по штату на мотоцикле со скоростью, вредящей здоровью окружающих. И лучшим выходом для вас из создавшейся ситуации будет как-нибудь дочапать до дома или прилечь прямо тут же на пару часиков поспать под сенью Баньяна, а он пока покараулит вашего двухколёсного друга за небольшой бакшиш, ну эдак доллара примерно два — два с половиной или пять. Постарайтесь выполнить его пожелания, ибо будьте уверены, что он свои выполнит — байк покараулит и сон ваш не даст никому тревожить. Правда, с каждым годом ставка бакшиша увеличивается — инфляция. Эта патологическая безнаказанность и вседозволенность действует на русских как руководство к действию. Сразу вспоминается анекдот про то, как лоб в лоб на МКАД столкнулись два мотоциклиста. Даже непьющий (и такое бывает) и не употребляющий наркотики россиянин, попав сюда, норовит взять в прокат скутер, ромом «Олд Монк» и гашишем он обычно затаривается ещё в аэропорту (шутка). Не забывайте также про дьютифришное НЗ из Домодедово. А раз «за это ничего не бывает» и у вас есть всё, чтобы хорошо отдохнуть, то он и старается не упустить ни одного аспекта знаменитого гоанского отдыха. Употребив всё это с утра для более глубокой усвояемости навыков вождения двухколёсного средства передвижения, он садится на прокатного железного коня, до побеления ногтей вцепляется в ручку га-

за и ... Ну, далее по Карме, со всеми остановками или по требованию — всё зависит от того, какая она, ваша Карма (экспресс?). Поэтому в период новогодних каникул, когда профсоюзы дураков «олл овер зе ворлд» делегируют в Гоа своих представителей, надо быть очень внимательным. Есть ещё одна актуальная история на близкую нам тему про звонок жены «чайника», первый раз самостоятельно выехавшего из Бутово в город, тому на мобильный. Она предупреждает: «Будь осторожен, по радио передали, что на МКАД какой-то debil едет по встречной». А он ей отвечает: «Ты не поверишь, их тут тысячи!!!».

Пробки могут возникнуть в совершенно неожиданных для этого местах, в которых их отродясь не наблюдалось. Например, около рыбного рынка на повороте к Моржиму, если едешь от Сиолима на север. Место тут широкое, но если двум водителям встречных грузовиков приспичило остановиться по своим делам или просто поговорить между собой, то делают они это почему-то всегда друг против друга, создавая узкое «горло». В это «горлышко» устремляются встречные потоки, переплетаясь и пытаясь разъехаться. Решившие побаловаться морепродуктами люди не утруждают себя поисками оптимального места парковки, а оставляют байки и автомобили там, где их посетила мысль, вызвавшая слюноотделение. Туристы, непривычные к раздолбаным прокатным мотоциклам, глохнут в сливающихся потоках. Критическая масса растёт, усталые после рабочего дня гоанцы стоически дожидаются реанимации заглохших железяк. Они пытаются сквозь пары перегара разобрать смысл доносящихся из русских уст загадочных мантр и заклинаний на незнакомом языке, столь похожем на санскрит, которые явно касаются этой колымаги, чьей-то мамы, тех рук, которые собирали это чудо техники, и конечно же тех уродов, предыдущих арендаторов, которые сумели эту технику так раздолбать. Шит, фак и прочая мазафака несётся от озадаченных англосаксов и прочих бледно-

лицых в различных вариациях и на разных наречиях. Индийцы без улыбки и очень внимательно наблюдают, продолжая делать всё так, как им удобней. Как скорпион в брачный период, белый турист за рулём становится очень опасен, независимо от вида транспорта. Люди, никогда не ездившие на двух колёсах, берут напрокат автомобиля. Они совершенно не понимают, насколько беззащитен, нервозен и беспомощен на дороге мотоциклист, особенно начинающий, особенно белого цвета, по сравнению с автомобилистом. А русский менталитет — типа главный тот, у кого «галифе ширше», — и различные химические вещества в крови не дают такому водителю возможности спокойно сосуществовать на одной дороге с другими меньшими по количеству металла транспортными средствами. Если индеец или знакомый с местным алгоритмом езды автомобилист объезжает мотоциклиста в нескольких метрах, заранее посигналив, то «крутой чайник» не утруждает себя такими предосторожностями. То же самое наблюдается и с обратной стороны. Сутки покатавшиеся по безлюдным дорогам «крутые русские перцы», знающие, где у байка находятся газ и тормоз, начинают отождествлять себя с Валентино Росси, скрещенным с Мишей Шуми при помощи геной инженерии и нанотехнологий. А это дает работу неторопливым гоанским жестянщикам, чьим главным инструментом по выгибанию металла является зрелый кокосовый орех. А также добродушному русскому парню с фамилией Глейзер, одним из бизнесов которого стала отправка в Россию тел погибших соотечественников. Не сказать, чтоб этот бизнес у него процветает, но количество соплеменников, ушедших из жизни под ласковым тропическим небом, составляет немалый процент от общего количества, так что жить ему в ближайшее время будет на что.

Дорога для индийца больше чем направление, прямое или извилистое расстояние от точки А до точки В. Это не только мес-

то, где, как уже было сказано в главе о нравах, принято чистить зубы или узнавать последние новости. Дорога — это понятие философское, граничащее с религиозным. Это символ, это мечта, это материалистическое изображение смысла существования, мироздания и прочей загадочной таинственности всего того, что связано с повальным сумасшествием, которое толкает людей на посещение наших мест. Недаром в Гоа нет тротуаров. Потому что дорога для всех. Все равны на ней, всех толкнула выйти на неё какая-то нужда. И так же, как все, мы бредём по ней в нескончаемом потоке, стирая подошвы, находя и теряя, обходя коровьи и слоновьи какашки, тормозя перед переползающей коброй, белея от пройденных лет и серея от придорожной пыли. И чем дальше ты идёшь, тем больше понимаешь, что бака хватит лишь в один конец и заправок впереди больше нет. Поэтому индийцы идут по дороге спиной к движению, чтобы не оборачиваться назад, и не оглядываются на приближающийся шум. В отличие от европейцев, бредущих навстречу, чтобы видеть надвигающуюся опасность, да ещё в жилетах с катодными фонариками на голове. Они думают, что так их скорее заметит индийский водитель. Или Бог лучше разглядит, прочерчивая кармическую линию их жизни? Индиец полностью доверяет свою жизнь Богам. И как же можно идти навстречу? Как можно идти вспять, нарушая естественное течение событий и хода вещей? Ведь нельзя родиться обратно, можно только родиться снова. Поэтому дети могут строить на дороге куличики, а проезжающие грузовики давить их. Но делают это водители настолько аккуратно и расслабленно, что дети просто отодвигаются, уступая им дорогу. На дороге нет случайностей, стадо коров, облюбовавшее Т-образный перекрёсток в Сиолиме, всегда после заката грелось на остывающем асфальте. Так длилось десятилетиями. Но православный ангел-хранитель не знал о привычках святых языческих животных. Он не нажал на тормоза мощной «Харизмы», и

чёрная корова на чёрном асфальте послужила трамплином для русского парня Ромы. Трамплином куда? Потом его мотоцикл разрезали, чтобы смотать с кокосовой пальмы, а пальму убрали совсем. И таких случаев немало. На дороге нет случайностей, каждый выкинутый в окошко бычок, каждая выбоина и каждая злобная мысль в адрес содорожника имеют значение и последствия. Как неубранная подножка, выбросившая на «лежачем полицейском» из седла Сергея и оставившая без отца трёхлетнего Федю. На дороге не бывает случайностей. И как ты идешь по ней, с кем и по той ли? И где твой пункт В, или ухаб на повороте нарушит твоё РАВНОВЕСИЕ? А в следующей жизни, родившись нищей мышью, ты вдруг вспоминаешь: «Господи, я понял, за что!!! Тогда, в детстве, в лавку отца зашёл любопытный телёнок, я ударил его палкой, выгоняя, он шарахнулся на дорогу, напугав проезжающего мотоциклиста, тот выскочил на встречную, визжащая тормозами машина, уворачиваясь, ударила в ногу бредущего слона, слон повалился с испуга на землю и раздавил своего погонщика. Погонщик был стар и болен. И все сказали, что ему так будет лучше, ему там станет хорошо. И все сказали, такова его Карма, он прошёл свой путь, и Боги решают, продолжать ли ему череду рождений и смертей, или он заслужил выйти из Круга. Слона отвели в храм, так как слон не может один без погонщика. Ведь чтобы слон слушал человека, он должен его любить, а чтобы любить, надо вместе расти и жить. Слон имеет в жизни одного погонщика, если человек ещё может взять себе нового слонёнка, слон обратной возможности лишён. Он не будет слушать чужого ему человека. Поэтому скоро он взбесился, и его пришлось убить. И ты, Господи, нарёк мне трижды родиться грозой слонов».

В Гоа есть такое правило. Если ты покупаешь участок, а по нему проходит «исторически сложившаяся дорога», ты не имеешь права её перегораживать, тебе этого просто не дадут. По-

этому, покупая здесь землю, надо внимательно смотреть кроме прочих нюансов ещё и за такими специфическими. Если возникает подобная ситуация, созывается собрание деревни. Сэр панч, председатель панчаята, по-нашему председатель сель- или райсовета, созывает депутатов, те спрашивают разрешения своих избирателей. Далее на совете решается — «позволяю» или нет. Если «позволяю», то на каких условиях, ведёшь ли ты дорогу за свой счёт вокруг участка или выделяешь часть своей территории, но дорога здесь была и быть должна всегда, ибо так «исторически сложилось».

В Моржиме, на Тартл Бей, есть дорога, которая проходит по двору дома. Причём, проезжая мимо крыльца, соблюдая исторически же сложившиеся правила езды, приходится сигналить, чтобы предупредить хозяев не высказывать безответственно из дома. И делается это не только в светлое время суток, подходящее для столь необдуманных поступков жильцов, но и по ночам, привычка — великое дело. Конечно, это не многополосное асфальтированное шоссе, это просёлочная дорога, но это проезжая часть, и по ней ездят не только мотоциклисты, но и легковые автомобили. И люди так живут всегда! Наверное, взывая к совести соседей, они построили за дорогой индуистский алтарь, поставили обеденный стол со скамьёй и стульями. И теперь хозяйка дома с горшочком еды перебегает через проезжую часть, а глава семьи, посылая сына за чили на кухню, советует глядеть по сторонам, чтобы не попасть под колёса. Ну а проезжающие приветливо кивают, желают ему приятного аппетита. Так происходит изо дня в день, из года в год. И так будет происходить вечно, только выросший сын будет посылать за солью или чили своего сына. А дедушка будет сидеть в кресле около алтаря в собственном дворе через проезжую часть от крыльца собственного дома перед голографическим монитором, даже не обращая внимания на проносящиеся около него в полуметре над землёй

скутера на магнитной подушке. И вялым взмахом руки отвечать на жизнерадостные приветствия, звучащие на хинди с ужасным славянским акцентом: «Намастэ!»

Удачи вам на дороге, куда бы она ни вела и куда бы ни выводила. И самое главное — РАВНОВЕСИЯ. РАВНОВЕСИЯ во всём, между белым и чёрным, между добром и злом, Богом и Дьяволом, между ИНЬ и ЯНЬ, богатством и бедностью, Любовью и Ненавистью... Аминь.

Мансун всё смоет

Эта великая индийская поговорка как нельзя лучше характеризует гоанский менталитет. Индия имеет настолько выгодное в экологическом отношении положение, что заботиться о проблемах загрязнения окружающей среды им просто не приходило в голову. До поры. Раньше, когда не придумали ещё русские евреи, перебравшиеся в Америку, страшную сказку о разрушении озонового слоя, когда одна американская компания ещё не изобрела для пульвелизаторов новый газ взамен того, который якобы делает в этом слое дыры, деревья были ещё большие, а рыба в Каме ещё водилась... человек не задумывался об отходах своей жизнедеятельности. Тогда дедушка Ганди, спустив очки на кончик носа, объявил, что у Индии есть свой, особый путь развития. Господи, а ведь они же с Лениным были знакомы. Он порекомендовал в каждом доме поставить прялку, а в каждой деревне кузнецу производить самим для себя всё, что необходимо, чтобы не зависеть от других деревень, городов, стран. По крайней мере, постараться не зависеть или сократить эту зависимость до минимума.

Географически полуостров Индостан расположен так, что омывается с трёх сторон открытыми морями. Почти полгода длится сезон мансун, когда с неба выливается столько воды, что

бурные потоки смывают всю грязь в океан. Получается, что полгода страна гадит вокруг, а вторую половину года природа наводит порядок на этой земле. Вот они и не подписывают Киотский договор, ссылаясь на то, что это затормозит развитие экономики и помешает программе искоренения бедности. Пока океан и ливни справлялись, но население растёт со скоростью, как говорят индийцы, щелкая пальцами, человек в секунду. То есть каждую секунду один человек умирает, а двое рождаются. С допускками и оговорками получается что-то около тридцати миллионов в год. Довольно крупное европейское государство по численности появляется на всё той же территории, какая была при дедушке Ганди. Вернее, не совсем. Гоа появился в составе Индии уже после, до того здесь хозяйничали португальцы и оставили своё семя в генофонде вместе с католицизмом и именами с фамилиями. Поэтому гоанцы смотрят на остальных индийцев несколько свысока. И правда, Гоа благоустроеннее и чище, например, Кералы, и побывавшие там иностранцы отмечают, что сюда приезжаешь, как в Европу. Хотя по чистоте назвать это Европой смешно. Португальские гены не мешают гоанцу остановиться посреди улицы, чтобы справить малую нужду, причём если женщины отходят в сторону, то мужики просто отворачиваются от окружающих. Одна-две пачки из-под сигарет, валяющиеся в кустах, со временем привлекают ещё полиэтиленовый пакет, это уже стихийная свалка, которая через месяц начинает вонять и разрастаться, становясь постоянно действующей. И возникнуть она может в любом месте, будь то общественный пляж (а других в Индии нет) или центр города. Поэтому индийские города и имеют свой непередаваемый аромат. Привыкшие за время владычества англичане не обращают на это внимания, но вот немцев здесь значительно меньше, чем в других близких по духу странах.

Живущий здесь уже двенадцать лет немецкий гомеопат доктор Рафаэль, хорошо знающий Индию, так как преподавал в

Калькутском университете и объездил всю страну, утверждает, что немцы — самая брезгливая нация, и Индия более других стран застрахована от их нашествия, что не скажешь про русских, например. Столица северной провинции Бартез, город Мапса, имеет престижный жилой район, состоящий из богатых дорогих особняков. Чтобы проехать туда с побережья, вам придется подняться на гору, продуваемую со всех сторон ветрами. Вид с этой горы потрясающий, запах тоже... Именно здесь образовался стихийный мусорный полигон, вечно дымящий и воняющий. Со временем он стал официальным, сквозь преющие кучи мусора проходит асфальтированная дорога, и люди просто швыряют мусорные мешки с мотоцикла, не останавливаясь, чтобы побыстрее проскочить эти места. И когда ветер меняется и начинает дуть с моря, трудно понять, как люди могут жить в этом тошнотворном смраде. Первое время меня шокировало, как интеллигентная женщина из соседней квартиры в дорогом престижном жилом комплексе каждый вечер ела банан на балконе и, совершенно не стесняясь окружающих, бросала кожуру на асфальт. Я молча возмущался про себя, потом подумал, что она у себя дома и поступает так, как её приучили с детства, она не понимает, как может быть по-другому. Ведь тысячи лет они так и делали. А утром кожуры каждый раз не было, причем коров на территорию не пускали бдительные охранники, наши собаки банановые очистки не едят, дворников я вообще ни разу не видел. В другое время в гестхаузе, который я арендовал на полгода, на вопрос, что делать с мусором, хозяин с удивлением ответил: «Ту зе буш, офкоз!» (в кусты то есть). Туда же ходили и посетители моего ресторана. Так у нас возникло выражение, «сходить к Бушу». А выбросить мусор на образовавшуюся там свалку — «... к Горбачеву», ибо помойка по-английски звучит, как «гарбач». К концу сезона бескрайние гоанские пляжи превращаются в столь же бескрайнюю помойку. Море, этот всемирный утили-

затор, пока справляется со всем, кроме пластика. Пластиковые бутылки — бич туристической индустрии, слава Богу, в Индии идут в переработку, их собирают разного ранга бомжи и, сплуснув, складывают в огромные мешки. Далее на головах женщин эти тюки отправляются на сортировку и переработку. Бутылки ёмкостью более пяти литров можно сдать самому в целом виде, они многоразового использования. Надо отдать должное властям штата — борьба с пластиком здесь повсеместная. Например, вас не пустят в заповедник к водопаду с бутылками воды. Заодно это дает возможность жителям из соседних деревень подзаработать, продавая там эти же пластиковые бутылки, только в два раза дороже. В некоторых супермаркетах висит объявление: «Купите многоразовую сумку из природных материалов, пластиковые пакеты неэкологичны». Пластиковая одноразовая посуда уже появилась в магазинах, но более популярна из спрессованного по форме тарелки бананового листа, которую после использования можно выбросить в окно, а проходящая мимо корова с удовольствием её съест. С пищевыми отходами здесь нет проблем в принципе — что не смог сожрать человек, откушает корова или свинья, далее идут мангусты, крысы, мыши, а что не смогли они — а такого остается немного — сметут вездесущие птицы-космополиты вороны, и так по иерархии: насекомые, бактерии и ещё кто там следующий...

Животный мир Индии очень многообразен, и индийцы научились жить с ним в гармонии и симбиозе. А может, они всегда это умели. Но человечество растёт, развивается, придумывая и изобретая для своего удобства всё новые и новые материалы, что даже здесь силы природы перестают справляться с экологическими проблемами. По слухам, иностранные танкеры, заплатив бакшиш, промываются около гоанских берегов. Но течение и прочие силы природы ухитряются и с этим справиться. По крайней мере, я не видел разливов нефти в южной части штата, но на севере в сентябре что-то подобное встречалось.

Манго

Если вы послушаете, как гоанцы произносят название этого фрукта, вы можете подумать, что речь идет о любимой девушке или дочери. Такая нежность сквозит в этом слове. Буква «н» слегка мягкая, а «а» — нечто среднее между «а» и «э». Сезон начинается в первых числах мая — тогда, выходя из дома, ты спотыкаешься о нападавшие за ночь спелые плоды — и длится более месяца. За это время идёт необычная для индийцев в целом, и для гоанцев в особенности, активность. На рынках возникают стихийные аукционы. То, что доходит до продажи «в еду», собирается в зелёном виде и складывается на созревание в солому или сено. Или заворачивается в материю и прокладывается тем же сеном, хранится в ящиках от недели до... пока не становится мягким и сладким. Тогда несётся все на тот же маркет и продается весьма недёшево по сравнению с прочими фруктами. В начале мая хорошие сорта стоят около ста рупий за три штуки, это порядка двух с половиной долларов за килограмм, москвичам станет смешно, для людей, живущих тут, это не повседневная еда. Потом, во второй половине мая, цены становятся всё ниже, манго всё больше, устраиваются праздники по поводу сбора урожая, в общем, наступает «Манговый спас». В ресторанчиках появляются блюда, сдобренные манго, будь то рыба, курица или другие, как всегда острые, деликатесы. Чего не смогли продать или съесть, идёт в переработку: на мармелад, конфеты, соусы, соки. Все это производится из того, что невозможно съесть в натуральном состоянии, а именно из некондиции. Всего несколько сортов выдерживают длительную перевозку по морю. Поэтому европейцы получают к своему столу только их или то, что везут самолётом, но тогда цена вырастает... Зайдите в «Ашан» или другой популярный супермаркет, там иногда бывают настоящие манго, а не те огромные, кормовые красновато-зелёные, почти

круглые уродцы, продаваемые на развалах такими похожими на индийцев азербайджанцами. Рыночные торговцы всех стран, объединяйтесь.

Местное утверждение гласит, что человек может получать все необходимые для жизни вещества, питаясь только манго и молоком. Маленький Кришна, да простит он меня, если я чего напутал, именно так и делал, и, как видите, вырос во вполне солидного Бога, имеющего в мире немало поклонников и последователей.

Если орехи кешью — это символ Гоа, кокос — достояние и источник благосостояния, то манго — это любовь и святыня. Деревья манго живут не одну сотню лет, достигают сорокаметровой высоты, а по площади, если считать в квадратных метрах, по земле могут занимать двенадцать — пятнадцать соток — представляете такой зонтик над дачным участком? На юге соседнего штата на манговом дереве хиппи устроили целое поселение. На стволе и ветках сделали навесы и деревянные домики, и живут там постоянно около пятнадцати человек. Есть за что уважать такое дерево, кормящее с десятков поколений. Поэтому сбор манго — занятие довольно ответственное, сложное и трудоёмкое. Сами гоанцы, хозяева деревьев, лезть на него не станут, они сдают его в аренду более бедным гоанцам, те, в свою очередь, нанимают гастарбайтеров из штатов Махараштра, Карнатака или других, которые лазают, собирают, упаковывают, пересчитывают вместе с работодателями плоды и расплачиваются с владельцами деревьев. Владелец обязательно присутствует рядом — для порядка, ну и чтобы не прослыть бездельником, да и так — мало ли что. А уж скольким попугаям, совам, кингфишерам и другим пернатым тварям, название которых могут вспомнить лишь профессиональные орнитологи, это уникальное дерево дало кров, обогрело в лютую январскую стужу, когда ночью температура воздуха опускается до плюс двенадцати градусов, и охладило в раскаленный май.

Таким образом, если подсчитать, сколько народу накормило дерево манго, ему, дереву, можно присваивать категории, награды, звания, вплоть до «Героя индоостанского соцтруда», потому что индийский метод хозяйствования с их государственным регулированием цен больше напоминает лучшие советские годы брежневской «сытой» эпохи с элементами полной рыночно-колхозной вакханалии.

* * *

Учебный год в гоанских школах для европейцев заканчивается в конце апреля с окончанием туристического сезона. Родители разъезжаются кто куда: кто в Непал или северную Индию, кто по своим европейским да израильским углам, австралийцы — на своё полушарие, зимовать. Дети прощаются друг с другом на пять долгих месяцев, чтобы забыть английский, для кого он не родной, а в октябре, встретившись вновь, лихорадочно вспоминать его, смешивая английские, итальянские, русские слова, дополняя их хинди и непальскими, хвастаясь новыми игрушками и делаясь впечатлениями.

Редкие семьи остаются здесь на мансун или, как говорят в России, муссон. Он начинается в июне, а в мае в Гоа нормальный хозяин собаку из дома не выпустит, а добрый посадит в холодильник. Термометр клинит в районе цифры сорок пять, море беспокойно, влажность — сто процентов. Перемещаться по улице реально только на байке, обдуваемом ветерком, или машине с кондиционером. В португальских домах можно выживать, их конструкция рассчитана на длительный нагрев солнцем, они длинные и высокие, без потолков, воздух в них циркулирует, создавая сквозняки. Современные же, бетонные, каких большинство, может спасти только кондиционер.

Семья Майки, одноклассника Ильи, сына Игоря Ганди и Валентины, обычно мансунила тут. Его папа Патрик, известный не

только в Гоа, а и во всём мире мастер по изготовлению чаломов, глиняных трубочек и прочих курительных девайсов, очень любил это время в Индии и с удовольствием бы никуда не ехал. Но мама, израильтянка Аяла, на восьмом месяце беременности решила поехать рожать на историческую родину. Для чего это надо было делать, она объяснить не могла — индийская медицина вполне отвечает требованиям живущих здесь иностранцев, но в основном все рожают у австрийской акушерки в бассейне, отчего дети, рождённые в Гоа, получаются ну очень крепкими и здоровыми. Патрик, будучи весьма неглупым ирландцем, конечно, попытался поспорить, но, быстро поняв, что с беременной еврейской женщиной это бесполезно, согласился и решил: пусть себе валит в свою Бершеву, а он поедет на «айленд» и будет пару месяцев пить там «Гиннес», толстеть и ждать, когда она наконец родит. Потом полетит на израильщину радоваться рождению дочери, «тереть» с родственниками жены, «факинг хасидами», о её воспитании, о неправильности его, Патрика, жизни и профессии, жрать их кошерную говядину с ужасной местной водкой из кактуса опунция, которую они почему-то называют «текилой». Ну а уж в конце сентября... будьте любезны, Гоа — форэвер...

Отец Майки въехал во двор Ганди на своем старом заслуженном «Энфильде» — гордости индийского мотоцикlostроения. По окончании учебного года родители, ещё остающиеся здесь, завели добрую традицию — свозить детей в чей-либо дом по очереди, но так как дом, в котором жил Илья, находящийся в Сиолиме, был самым большим из всех, а участок с садом составлял полгектара, чаще всего дети гостили именно здесь. Тут можно было полазить по деревьям, налить воду в резервуар для полива, сделав из него неплохой бассейн. А главное — русские родители не возражали против пребывания у них редющей день ото дня интернациональной компании малолетних оторв.

Он запарковал свой байк рядом с хозяйским. Народ тусовался где-то за домом, откуда раздавались голоса и слышались хлопки выстрелов из духового пистолета. Игорь, недавно слетавший в Москву по визовым делам, сумел привезти оттуда настоящий американский спортивный «Кросман». Пистолет был однозарядный, сжатый воздух накачивался рычагом по желанию стрелка, из-за чего можно было регулировать мощность выстрела вплоть до того, что крысе отрывало голову, если зарядить специальной кисточкой. Куплен он был и из спортивного интереса тоже, но больше предназначался для борьбы с соседскими котами, вечно забирающимися на кухню, и обезьянами, совершающими набеги на сад. А Игорь, как истинно русский по рождению человек, сняв этот дом, первым делом устроил на участке огород. Друзья привезли из Раши семена огурцов, томатов, сладкого перца, он сам ещё осенью захватил арбузные и дынные. Земля здесь такая, что через полтора месяца после высадки семян в грунт появились первые завязи, правда, пока огурцов, томаты были ещё совсем небольшими, дыни и арбузы цвели, но по ночам какая-то гадина обжирала листья и только что распутившиеся цветы, поэтому надежд на большой урожай не было. А вот огурцы «пёрли», как сумасшедшие, ведь хозяин удобрял их всем подряд — от разведенной в пять раз собственной мочи, как научил гровер Вася Самрастит, до сыворотки от творага. Это пронюхали подлые манки и часто заглядывали в садик — не поспел ли ещё урожай.

Патрик обошел вокруг и увидел компанию. Здесь находились все, и даже двое индийских детей, сыновья хозяйки, все по очереди палили из Игорева пистолета в расставленные опавшие по причине червивости манго. Хозяйка тоже время от времени принимала в этом участие, но как-то стеснительно, ведь основное её предназначение было — бдить за сборщиком манго и его

помощницей. Сам же сборщик почему-то в очень белой для индийца рубашке находился в кроне дерева где-то метрах в тридцати над землей, оттуда опускалась на веревке корзина, наполненная плодами, и сам он периодически спускался передохнуть, освобождая дерево от своего присутствия.

Ирландец не знал об этом, он занял очередь пострелять, перекинулся парой слов со стоящими людьми, сказал сыну собираться, так как мама очень по нему соскучилась, и закурил. Пока курил, краем глаза он заметил некое движение в листве. Когда он передал косячок по кругу ближайшему из родителей, настала его очередь выстрелить. Для стрельбы по манго достаточно было сделать три-четыре качка, фрукт прошивало насквозь, Патрик качнул девять раз...

— Игорь, а манки часто беспокоят вас? — спросил он у Ганди с видом человека, который узнал великую истину, и сейчас он откроет её миру.

— Бывает, наведываются, я пистолет как раз для них и купил...

— Вот и я так думаю... — Он вскинул пистолет и выстрелил в листву. — По-моему, у тебя гости...

В листве что-то ойкнуло, потом раздался душераздирающий крик, треск ломающихся веток, по земле ударило картечью плодов манго, выпавших из корзины, следом упала корзина, потом из листвы вывалилось и повисло на страховочной веревке тело, одетое в белую рубашку. Тело держалось за пах, что-то лепетало на диалекте марати и уже начинало затихать. Из слов можно было разобрать только: «Но манки, но манки...».

— Да... ну ты — хайлендер, Маклауд в таблетках какой-то! — Ганди укоризненно взглянул на ирландца. — Меткий, черт...

Он развел руки, показывая окружающим, что и не такое бывает, это же Гоа...

* * *

Мукеш не первый год подрабатывал в Гоа. Вернее, не подрабатывал, а работал на любых подвернувшихся работах, делал все, что могло принести десять — двадцать рупий в день. Не великие деньги для Гоа, здесь на них прожить день, конечно, можно. На чапати с горсткой риса и далом хватало. Но ещё надо отложить на мансун, когда работы нет даже тут, а податься дальше на север, куда мигрировали все кормящиеся с туризма и туристов индусы, он не мог. Люди его касты могли работать только на грязных, тяжелых работах — быть официантами или даже мыть посуду в ресторане он не имел права в других частях Индии. А в Гоа можно всё, они здесь все ненормальные, и религию взяли себе какую-то заморскую, с ужасными ритуалами, ходят большой толпой со статуей какой-то мадонны и песни печальные поют. А белые женщины с мужчинами ходят почти голые, да и вообще тут странно всё. Сейчас, конечно, времена меняются, кастовые догмы уходят в прошлое. Вон даже сикхи, обещавшие не бриться, пока жив на земле хоть один муслим, и те уже бреются втихаря. Но в его деревне время остановилось где-то на пороге девятнадцатого и двадцатого веков. И брамины на совете не разрешили уезжать дальше соседнего штата.

Сейчас, когда начался сбор манго, работы на пару-тройку недель будет предостаточно. Вот сегодня, например, было три предложения, он выбрал то, где надо трудиться в саду, в котором живут иностранцы. Конечно, он видел их, и не раз. Но тут прямо перед ними лазить по дереву... а может, они пригласят его поработать, эти «белые обезьяны» хорошо платят, да ещё кормят, говорят, бесплатно. Надо понравиться им.

Хозяйка, католичка Агнела, сказала приходите часам к четырёх, по окончании сиесты. Так смешно на европейский манер эти гоанцы называют пекло среди дня, когда закрывается всё, что

возможно закрыть, а сами они дрыхнут в тени под вентиляторами. Сколько они могут спать? Пару часов среди дня, в десять вечера на улицах никого, только бешеные форенеры, обкутившиеся чарса, с выпученными глазами носятся на своих вонючих мотоциклах, мешая отдыхать трудовому народу. Да и утром встают не с первыми попугаями — в десять ещё магазины закрыты, но супермаркеты не для нас, это для тех же форенеров и богатых индийцев.

Мукеш ещё с утра отправился к колодцу, прихватив собственный кувшин и веревку. Чтобы не ждать, когда освободится общественный, прикованный к колодцу целью, он купил его с первых заработков, потратив всю дневную зарплату. Ну и цены в этом Гоа, правда, и заработки, каких нет в других штатах. Если не шиковать в питании, то получается неплохо откладывать. Ведь спать можно и на пляже. Полиция привыкла к нему, знает, что он честный малый и чужого не возьмет. А раз в месяц он сам приходит в сиолимский панчаят, орган самоуправления, отмечать регистрацию, ну и, конечно, работает за это бесплатно целый день в доме начальника полиции и панчара. Кормят, и на том спасибо. Он намылился у колодца, обернувшись тряпкой вокруг бёдер. Нельзя, чтобы чужие увидели его причинные места. Побрился найденным в чьём-то мусорном пакете ещё вполне пригодным станком «Жиллетт». Небось, какой-нибудь жирный белый турист выкинул, уезжая. Вот бы первым оказаться в таком месте, где эти люди оставляют то, что им лень брать с собой. Друг Мохан, который часто составлял ему компанию в поденной деятельности, одолжил белую рубашу — лучшее, что имелось в его гардеробе, сказав: «Так ты будешь выглядеть солидней, тебя примут за гоанца, а если выгорит и тебя пригласят на работу к ним, не забудь о старом друге».

Дом, во дворе которого росли манго, что предстояло собирать, внушал уважение своими размерами и возрастом. Хозяйка сказала, что ему сто пятьдесят лет, и надо быть очень осторожным, чтобы фрукты или ещё что, падая, не попали по черепице

и не сдвинули её. Иначе она вычтет у него из зарплаты, ведь ей придется вызывать специального человека, который будет проверять, не зальет ли дом в мансун. Как они проверят, не из кувшина же будут лить сверху, для этого надо будет его же, Мукеша, вызывать, ведь не полезет же на крышу с кувшином воды ученый человек, который знает, как должна выглядеть крыша, которая не протекает в мансун. Этим гоанцам лишь бы не доплатить.

Лазая по дереву с сачком, которым он дотягивался до дальних веток и поддевал ими плоды, чтобы они не срывались вниз, а попадали в сеть сачка, он видел внизу, что живущий в доме белый, как сказала хозяйка, из страны под названием Раша, где манго не растут, потому что дождь, падая с неба, долетает до земли кусками льда и так и лежит, не тая, принес пистолет. Он собрал вокруг детей, и белых, и местных, что-то им объяснял. Потом они поставили на каменную тумбу испорченные плоды, банки от пива и стали по ним стрелять. Мукешу очень хотелось выстрелить из диковинного пистолета. Он видел в кино, раз в месяц бесплатно показываемое в деревне с приезжающей грузовой машины на белой простыне, приносимой из браминского дома, как злодеи падают после выстрелов бравых усатых полисменов, даже если те стреляют, не целясь или в воздух. Но здесь у людей в руках в двадцати – тридцати метрах от него был большой красивый пистолет, который стрелял со странным звуком, но банки разлетались, явно пробитые насквозь. Ему очень хотелось, но он не смел. Не смел по многим причинам, а вот смотреть на них издали ему никто не запретит, хотя бы потому, что никто не видит, что он наблюдает за ними. Одна мысль как бы в шутку пришла ему в голову: «Только бы эти белые обезьяны из страны замёрзшей воды не приняли его за обезьяну, ворующую манго, и не принялись бы палить по нему». Конечно, это было смешно, ведь все знают о том, что он тут на дереве, да и белая рубашка наверняка видна с земли.

Пока он ещё смеялся над своей мыслью, во двор въехал белый на старом хромированном «энфильде». «А вот этот обо мне не знает, но ему сейчас объяснят», — подумал Мукеш, сачком дотягиваясь до жирного плода, висящего вдали. Он долго пытался его поддеть, создав немало шума. Одним глазом следя за сачком, вторым он вдруг увидел, что вновь прибывший форенер ни слова не говоря, вскинул пистолет в его сторону. Огромный черный ствол смотрел ему прямо в лоб, в то место, где у людей избранных, из приближенных к Богу каст находится третий глаз, обычно дремлющий у простых людей. Скорее всего, именно этот третий глаз у него, Мукеша из низшей касты, вдруг открылся и увидел черный шарик пули, как в замедленной киносъемке вылетающий из этого ствола и медленно направляющийся к нему. Он заметался на дереве, хватаясь за кокосовое волокно веревки, собранный урожай полетел вниз, и резкая боль пронзила левое яичко.

«Зачем... как... ведь я так мечтал о большой семье, как в старости буду сидеть на крыльце хижины, и дети... и внуки... — пронеслось у него в голове. — Вот ведь придурки, неужели они не понимают, что я не обезьяна, ведь манки не одеваются в белое, собираясь обчистить чужой сад, и уж точно не бреются перед этим... да, вот так брейся не брейся, эти уроды все равно принимают тебя за мартышку». Дальше сознание покинуло его, сквозь пелену он слышал иностранную речь собравшихся вокруг людей. Кто-то обрезал веревку, отчего он грохнулся на землю и немного пришел в себя. Из дома принесли лёд и какие-то медикаменты. С него стащили штаны, о Боже, и все увидели его опухшее достоинство...

* * *

— Хорошо, что пулю без сердечника зарядил, — сказал Игорь с видом человека, каждый день попадающего индийцам в левое яичко, — да и попал ты рикошетом, скорее всего.

— Ну я же не знал, — оправдывался Патрик. — Я думал, это манки, эти гады мне весь сад ободрали, фак...

— Ничего, жить будет, а вот на деньги ты попал, как говорят в Раше. Дай ему тысячу рупий, он ведь теперь неделю работать не сможет, да и на примочки с мазями. А лучше возьми его к себе в работники, или, может, нам его взять в садовники? — обернулся Игорь к Валентине.

— Нет, ну зачем же нам кастрированный садовник? — отшутилась она.

— Уж не знаю, что ты ценишь в садовниках, но парня жалко, да и работник нам не помешает, а насчёт его мужских достоинств, донт вори, всё у него в порядке.

Так в сиолимском доме Игоря Ганди и Валентины появился садовник. Манго — великое дерево, и иностранцы никогда не поймут и не увидят те кармические нити, связывающие это дерево с судьбами людей, как белых, так и индийцев.

Хануман и Ковбой

Эти двое появились в Гоа несколько лет назад. Как все простые российские трудящиеся, они купили путевки в каком-то «Хрентуре» и, как порядочные, прибыли в Индию на самом обычном «боинге» самой обычной российской авиакомпании, специализирующейся на чартерных перевозках. Они жили в самой обычной сколько-то звездной гостинице — в этих краях количество звезд мало что вам скажет о качестве гостиницы и сервиса. Стоит заметить, что когда люди говорят «Гоа», то обычно имеется в виду северная его часть, южная, мало запоминающаяся, представляет из себя недостаточно отуреченную Анапу времен расцвета застоя. Конечно, некоторым только этого и надо. А жизнь, «движуха» — это север. И, полади наши герои на юг, не о чем было бы рас-

сказать. Ну, съездили на курорт, ну, отдохнули, ну, попили вволю рома с феней, закурили это гашишем, занюхали кокаином, пожарили креветок с лобстерами, подивились на водопад и плантацию специй, погрели пузо на пляже, обсудили с соседями козни мифического ската, атакующего непривитых и незастрахованных российских туристов. А потом в Москве через месяц в воспоминаниях осталось бы чувство, что было хорошо и прикольно, а вот что прикольно и почему хорошо — не вспомнишь.

Но прихоть providения засунула их именно на север, и с этого началась у них другая жизнь. Хорошая или плохая, правильная или шняга, торч или отстой — это уже вопрос к ним и тому providению, которое им это удружило. Путёвка их, включающая перелёт, гостиницу и завтрак, как и положено россиянской, давала возможность протусоваться на благословенном берегу Аравийского моря четырнадцать дней, что им показалось мало. Это частая история не обременённого или обременённого, но не очень трудовыми заботами российского человека, когда, думая, что двух недель отдыха ему более чем достаточно, и «кровь из носа» надо бодрым и отдохнувшим предстать пред очи начальства и работать, работать и работать. Но по прошествии выделенного срока человек вдруг понимает, что время пролетело как один день и ещё столько не изведено, не попробовано, не увидено, не... не... Человек звонит в «Хрентур» с вопросом о возможности продления путёвки, звонит начальству с рассказом о страшной истории про потерянный паспорт, родственникам — с просьбой выслать денег... и т.д.

Ничего подобного с нашими друзьями не случилось. Просто в день отъезда в чек тайм, когда пришлось освободить номера, они не поехали в аэропорт, а пошли в соседний гестхаус и поселились в нем, причем раз в шесть — семь дешевле. Ведь не надо было платить «Хрентуру» за его хрентуровы услуги, а деньги у них к тому моменту были на исходе. Поэтому мысль, где

их раздобыть, становилась актуальной. Заработать же денежку своей профессией они не могли по причине отсутствия таковой, ремеслом тоже, так как в Москве зарабатывали в стриптиз-клубе «Красная Шапочка» путем показа девушкам различных возрастов своего тела, как целиком, так и по частям. Оно, тело, что у того, что у другого, было весьма накачено и красиво в то время. Созерцание подобных фактур очень радовало этих девушек, а с радости даже девушки могут заплатить мужикам деньги. Здесь же такой вариант не прошел то ли тело потеряло былую форму, то ли девушки попались неплатежеспособные и не того возраста, то ли им такой стриптиз не нужен был... Короче, спроса на этот вид развлечений в Гоа в тот сезон не было. Ну, может быть, немного в Моржиме, где встречаются отдыхающие, похожие на завсегдаев «Красной Шапочки». И засветила им ПЕРСПЕКТИВА контакта с тем колхозным Бобиком из анекдота (кто не знает анекдот, пишите по адресу: bezdelnik62@mail.ru, ибо он неприличный, расскажу индивидуально).

Вообще-то история ехидно скрывает информацию, когда Ковбой обрел своё истинное современное воплощение. Судя по всему, он родился ковбоем, говорят, даже в джинсах, им жил и, когда настанет время уходить, им и уйдёт. Зато доподлинно известно, когда второй стал Хануманом. Тому даже оказалось множество свидетелей, в том числе и небезызвестный Вася, коего ещё называют Самрастит, или Баба Арамбольский, с ударением на последнем слог в первом слове, ибо это смешное для русского слуха слово относительно мужиков в Индии не считается насмешкой, а очень даже наоборот, типа, самый умный. Дело было в полутысяче километров от Гоа в древнем до мистики городке Хампи. Магичность города чувствуется с первых секунд пребывания в нём. Самому молодому зданию здесь лет триста, жители — чистые вегетарианцы, к чему волей-неволей приобщаешься сам. Даже если ты правоверный украинец и не

выходишь из дома без шматка сала, здесь оно в тебя само не ползет — энергетика у этого места такая. Есть в Хампи гора, место паломничества всех, сюда прибывших. С неё эта дредасто-лысо-офигевшая интернациональная тусовка по вечерам сажает солнышко за горизонт. Может, оно, конечно, и само бы село, но уж больно всем хочется приобщиться к этому таинству природы, внести, так сказать, свою лепту в законы и процессы мироздания. Да и последние лет триста никто не проверял, справится ли оно с этой задачей самостоятельно. Каждый день народ на горе торчит в прямом и переносном смысле этого слова, облегчая светилу задачу, по крайней мере, они так думают. А Солнце, тем временем пересекая через зенит тропическое небо, нагло показывает изумлённой публике свою рыжую жопу, приспуская исподнее редких облачков, чуть ли не вслух произнося на разных языках слово «фак», садится в бескрайнее зелёное море джунглей, волнующееся внизу.

Вот примерно в таком настроении и с такими думами в голове сидел тогда ещё Гоша на каменном парапете. В метре от него в той же позе и на той же волне сидел старый изгнанный из стаи вожак обезьян породы хануман, считающейся в Индуизме святой. Между ними стоял пакет с какими-то кришнаитскими сладостями. Они по очереди лазили в него лапами и руками и, не отрываясь, зажёвывали зрелище подходящим для этого случая лакомством, не обращая внимания друг на друга. Когда же космический ритуал завершился и конечности их в сумерках встретились в пакете со сладкими чипсами, оцепенение от виденного спало и каждый осознал свою роль в истории, в природе, в мироздании и в том божественном, что мы по неведению называем просто — жизнь. Свершись это прикосновение где-нибудь в другом месте на нашем малюсеньком закомплексованном шарике, может, в жизни Гоши ничего бы и не изменилось. Но это случилось в Хампи, где космос и энергетика совершенно иные,

неподвластные логике и разуму человека. Что произошло между этими двумя существами, знают только они сами и те индийские Боги, покровительствующие им. Поменялись ли они телами, или души их, соединившись, перемешались в единое целое, а потом разделились поровну и заняли прежние места, сказать трудно. Мало кто что-то понимает в божественных технологиях, но именно с тех пор на свете появился Хануман и куда-то делся Гоша. А старый вожак на следующий день спустился с горы, пришел в центр города и тихо заснул на ступеньках храма. Такой же старый священник вышел из дверей этого храма, погладил седую, усеянную шрамами голову обезьяна, попрочитал и ушел давать указания своим ученикам. Те забрали остывшее тело и с почестями сожгли его на сандаловых дровах, как святого, а пепел развеяли на закате с той самой горы и в том самом месте, где ещё валялся пакет из-под чипсов...

Итак, деньги заканчивались, индийская виза тоже, как и срок годности паспорта. Друзья собрали последние рупии, купили билеты на поезд в общий вагон и с пересадками добрались до Непала, благо сезон в Гоа заканчивался, а там только начинался, и вся тусовка постепенно переключивалась в горы. В королевстве Непал, кроме пищевой, состоящей из пары-тройки цехов, разливающих соки и делающих лекарства из гималайских трав, другой промышленности не было. Вся экономика делалась на туризме и тех сумасшедших, которые пытались залезть на Джамалунгму. Как видите, Эверест хоть и не ископаемое, но тоже весьма полезная в хозяйстве вещь, конечно, попроще нефти, но жить с ней тоже можно, причем целому государству. Кроме этого очень важным для экономики королевства являлась такая область пищевой промышленности, как выращивание и переработка конопли. Её, выяснилось, тоже можно есть, главное, не переборщить, иначе вырвет. А двигал в Непале эту тему непосредственно король. А вы думали, там революции из-за чего происходят? Как

и везде в мире, из-за... ну, вы сами все поняли: сырьевая база она и в Непале — сырьевая база. Хотя на законодательном уровне употребление конопли что в Непале, что в Индии запрещено. В восьмидесятые годы американцы хорошо заплатили за это, чтобы люди в мире не конопляную материю и прочие полезные вещи из этого растения делали, а дюпоновский нейлон и прочую химию у них покупали. Но в Непале народ бедный, на химию американскую денег накопить никак не мог, поэтому и растил конопельку. В Покре вам никто ничего предосудительного не скажет, если вы присядете на скамеечку, забьете и раскурите чалом. Деньги-то король взял, в бумаге закон прописал, но тысячелетние традиции так легко не истребляются, многие даже не знают о его существовании — как курили, так и курят.

Друзья забрались повыше в горы, взяли в аренду у местных крестьян землю и устроили плантацию, причем не огурцов с томатами, а наиболее приспособленного к местным высокогорным условиям растения — канabis. Когда урожай созрел, местные батраки убрали его и передали хозяевам. Они предлагали, пока растения росли, делать чарс и отдавать им уже готовый продукт, но русские отказались. Пока поле зеленело, цвело и радовало глаз, они, обложившись распечатками из Интернета, «Библией коноплевода» и прочими статьями, готовились к конечной стадии своего предприятия — изготовлению лучшего в мире гашиша, или хеша разновидности полан. Научно-технический прогресс долго бился в их стриптизерские головы, предлагая различные методы приготовления зелья, но так и не достучался. То химические реактивы не смогли достать, то денег на какую-то техническую приблуду не хватило, короче, плюнули они на прогресс с высокой горы и стали вручную бошечки мацать и через шелк «пробивать». Не допуская к этому процессу ни непальца, ни непалку. Конечно, гашиш производить — не части тела афишировать, тут голова нужна и руки. К пятидесятому килограмму

руки стали сильно побаливать, а голова отказывалась ими управлять, ибо из каждой небольшой партии они образец на исследование брали (а что вы хотите — технологический процесс требует строгого контроля!). Образцы эти тщательно исследовали и на цвет проверяли, и на нюх, и на вкус, и как растирается в пальцах, и как под лупой в свете диодного фонарика искрятся кристаллы ТКК, в общем — наука называется. Но самый главный тест — это на человеческий фактор, факторами они сами каждый раз и выступали. Потому к пятидесятому килограмму решили сделать перекур, так как вкусовые и прочие ощущения притупились в связи с возросшей толерантностью. Да, нелёгкий это труд — производство лучшего в мире гашиша, или хеша, или полана, особенно когда все сам да сам.

Так прошло лето, приближалась осень, начало сезона в Гоа. Заготовили наши друзья товару примерно центнера полтора. Встал вопрос, как же это богатство за четыре тысячи километров на западное побережье Индии доставить. Да ещё через государственную границу перевезти. А ничего в этом сложного и не оказалось. Наняли они человек двадцать непальцев и непалок, непалки своих мужиков в дорогу снарядили, брикеты с «коричневым золотом» в котомки заховали так, что ни один таможенник не найдет, а если и найдет, то много себе не отломит — совестливые они там на границе Индии и Непала. А если учесть, что почти всякий с той стороны с «товаром» едет, то куда же им столько много, ведь вредно. И тянутся потоки непальцев на заработки в Индию, а в котомках — брикеты с «дурью», да какой! В самой горной стране это добро недорого стоит, оно и в Гоа-то оптом по пятьсот – семьсот долларов за килограмм выходит, но при полутора центнерах «наманные бабки». Открыли они торговлю, что-то оптом сдали, что-то по толам развесили, только тола, конечно, у них русская получилась, если нормальная одиннадцатая и шесть десятых грамма, то русская стала ровно десять.

Так и спрашивают теперь люди опытные, когда хеш покупают: «У вас тола какая, русская или нормальная...».

Торговля бойко шла как среди русских местных, так и среди двухнедельников, качество-то отменное. Двухнедельники — это такой народ, который в гостиницу по путевке ездит, он самый выгодный. Денег не считает, ибо он их сюда тратить приехал, в ценах не разбирается, ибо привык к московским ...дцати долларам за грамм. Одна беда, он же сюда оттягиваться приехал, значит, ему ассортимент нужен. А где его взять, если братаны из израильского землячества кокаин под себя подгрести, герыч индийцы банкуют, а психоделики всякие — там, ЛСД и МДМА — Вася Самрастит. Взяли они головы в руки и стали думу думать, как им обустроить Гоа — всю «дурь» мировую в одно место свезти и ей торговать, на манер оптового магазина, ну, на худой конец, как «Метро» там или «Ашан» какой-нибудь. Ну, может, не всю, конечно, для всей склады нужны большие, вон в Москве у «Метро» какие. Только супруги Шульгины около ста шестидесяти препаратов изобрели. Думали они думали и наконец выдумали, не зря же у них лучший в мире хеш есть. Его надо по бартеру тем же евреям на «кокос» менять, с Васей тоже договориться не проблема, свой же он, с Волги, а герыч — его и в руки лучше не брать. Сказано — сделано. С евреями сговорились, Вася — свой, полиция, ну, вы сами понимаете, вы же тоже россияне... только тут это дешевле в десятки раз. И пошла у них работа. Хануман сделал себе причёску понтовую с четырьмя косичками и лентами разного цвета. Ковбой шляпу ковбойскую с хвостом лисьим надел и сапоги со шпорами. Конечно, жарко по индийской погоде, но имидж требует жертвенности. Носятся они по Гоа, товар предлагают, объявления в газету дают, пати различные посещают, товар свой прилюдно употребляют, чтобы все видели, какой он хороший, что аж сам продавец его курит и при этом жив остаётся. Клиентура увеличивается, благосостояние растёт, вот уже в Интернете про них обсуждения нача-

лись. Кто-то телефончиком их поделился на форуме, кто-то разъяснил, как проехать к Джус центру в Чапоре, где у них база была оборудована. Так постепенно стали они личностями известными, знаменитыми даже. Вот уже и англичане отмороженные, которые раньше к индийцам обращались, звонить и договариваться стали. Евреи анжунские ходят расстроенные — раньше бизнес пёр, теперь русские его перехватили и клиентуру отнимают. Какая же это дружба народов получается, или Бейрут никак простить им не могут, славяне мстительные. Уже из панчаята, органа самоуправления, исполкома по-нашему, звонить начали. Начальник полиции провинции Бартез приехал:

— Вы, — говорит, — это... того... совесть-то поимейте, вы мне денег сколько платите?

— Столько-то...

— Вот, а у нас лицензия на ресторан с торговлей алкоголем столько стоит. Вы бы это... того... денег бы добавили.

— Так нет у нас ресторана с алкоголем, — отвечают. — А за «драглицензию», чтобы наркотиками торговать, мы тебе и так неплохо по вашим меркам платим.

— Да, оно, конечно, платите вы исправно, что и говорить, только вот хасиды эти анжунские жалуются на вас. Говорят, мы тут с семидесятых годов обосновались, бизнес свой честно вели, налоги платили, никого не обижали, даже не убили никого ни разу, арабов-то вокруг нет. А тут эти приехали, настырные такие, носятся по всему Гоа, клиентов наших переманивают, демпингуют, поцы.

— Так ведь бизнес это. Здоровая конкуренция. На этом вся мировая экономика держится, рынок, обтель!!!

— Оно, конечно, правда ваша, законы экономики я в Кембридже изучал, да вот законы штата относительно продажи наркотических и сильнодействующих средств куда деть?

— А куда девать и не надо, законы — вещь хорошая, их люди умные писали, зарплату за это получали немалую, зачем

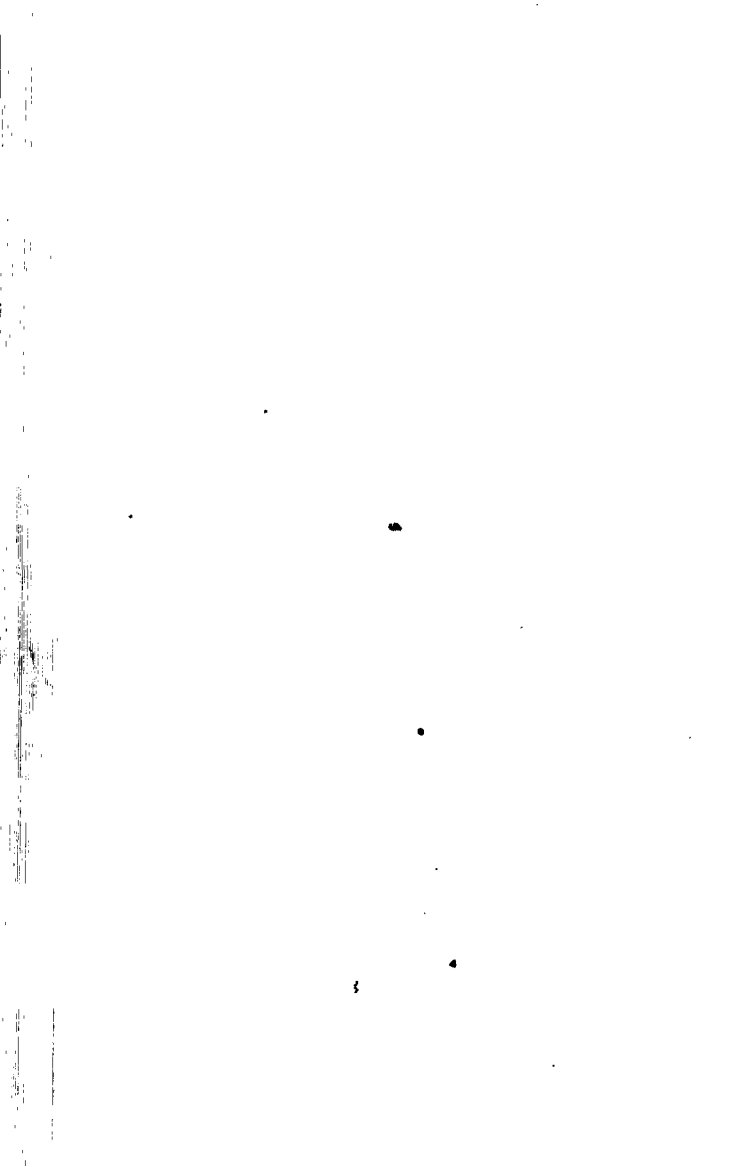
их обижать? Вот если мы тебе ещё долларов пятьдесят — сто в месяц добавим, как ты думаешь, успокоятся эти масоны?

— Не-е, за сто не успокоятся, мне вон воду в участок про-вести надо, а то мои молодцы из ведра кружкой пьют и писать во двор под дерево выходят, да и забор вокруг тётчиного дома поправить пора. Вы бы это... того... дали бы двести.

Ну, двести не двести, а на сто пятьдесят сговорились, с условием, что в местной газете статья разоблачительная выйдет с фотографией одного из них и названием: «Лицо русской наркомафии», тогда эти сионисты успокоятся. На том и порешили. Денег дали. Статью даже сами написали. И деталей туда художественных сочинили, что вот есть тут такие, фоту Ханумана прикрепили и добавили: если снять его рыжие шорты, то на заднице можно увидеть татуировку — МИД РФ на Смоленской площади. Как будто все работники гоанских правоохранительных органов знают, как выглядит это важное государственное заведение в центре Москвы. Статья вышла, народ её читать стал и спрашивать друг друга: «А где найти этих ребят, почему телефон не напечатали, что же, как рыжие шорты увидел, просить снять их, чтобы татушку разглядеть, не силой же стаскивать, не по-гоански это, этим Таиланд славится...» Начальник полиции потом понял, что сделал ребятам рекламу за государственный счет, ну что же, зато сотрудники воду свежую пьют, писают с комфортом, у тётчи забор красивый, и евреи увяли со своими капризами, обижают их, видите ли, не дают кокаин втридорога барыжить.

Так и носятся теперь по Гоа два мотоцикла — один желтый, на нем Хануман, по пояс голый, в рыжих трусах с двадцатью четырьмя карманами, в каждом из которых различные порошки, таблетки, капли, толы гашиша аккуратно разложены, а другой черный, на котором в любую погоду ездит человек в ковбойской шляпе и сапогах со шпорами. И только ветер свистит в ушах, и слышится над холмами Чапоры и обрывистым берегом Вагатора: «Хануман!!!», и эхо отвечает: «Ковбой!!!»

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Часть первая.

Житейская

Итак, советы практические. Если вы собрались ехать на юг Гоа, не забудьте взять с собой чего-нибудь почитать, вечерами там скучновато, жизнь после заката сосредоточивается вокруг береговых шеков (ресторанчики из бамбука и пальмовых листьев). Мой знакомый из Калининграда Гена называет их «домик Нуф-Нуфа». Качество еды в них если не лучше, чем в стационарных каменных заведениях, так уж точно не хуже, главное, не заглядывать на кухню и не наблюдать процесс приготовления.

Кстати, на кухню лучше и в Европе не заходить, даже в очень дорогих едальнях. Один знакомый по прошлой работе олигарх рассказывал, как в Париже, в самом дорогом в мире ресторане «Максим» они по пьяни забрели в кухонную зону. Перед этим выбрав в аквариуме живого осьминога на ужин, которого при них треснули тем местом, где у нормальных тварей голова, о каменный стол, и он якобы сдох. Потом его унесли якобы готовить. И вот пьяные друзья видят, как их убиенный моллюск приходит в себя в тазу с ледяной водой, а на столе размораживается филе из морозилки. Возможно, после нескольких таких контузий его и употребляют в пищу, а может, как вознаграждение за испытанные стрессы и стойкость, отпускают в Сену, и пусть себе плывет в море. Фишка в том, что дурят везде, только в цивилизованной Европе это делают за дорого, а здесь подешевле.

Здесь нет смысла замораживать продукт, свежий у рыбаков стоит дешевле истраченного электричества. Так что кушать в Гоа можно везде, невзирая на «прикинутость» заведения, это касается как юга штата, так и севера, различий в этом нет. Различия в следующем: юг — дорогой, степенный (по индийским категориям), застроенный (не густо) дорогими отелями (даже по европонятиям). Публика и отдых соответствующие: пляж, обед, вечер в гос-

тиничном ресторане, анимация а-ля туркиш или можно в шеке на берегу, тут вас накормят, развлекут, спюют чего-нибудь и покажут «файершоу» на хорошем самодеятельном уровне. В двадцать два по закону музыку надо выключать, если твое заведение не звукоизолировано и ты не приобрёл лицензию на «шум после десяти вечера». В десять вечера юг укладывается спать, всё вымирает, лишь маленькие островки цивилизации светятся беззвучными вывесками интернет-кафе и закрывающихся баров, служащие которых пытаются вежливо пробудить престарелых упившихся англичан или немцев. Другой вариант: стандартный набор экскурсий, их немного. А также выезд на север на ночной рынок в субботу. Или на «блошиный» рынок в Анджуне (опять же север) по средам. Такой отдых хорош для желающих покоя и отстраненности, я смог его выдержать четыре дня и уехал на север.

Север — это «пожар», карнавал, тусовка, котел, транс-пати, хиппи, фрики, как ещё обозвать... Даже не знаю. Молодежь, купившая путевки на юг, прознав, чего к чему, старается проводить время на севере. В Арамболе (почти самый север) я часто встречал русскую пару, они каждый день на байке восемьдесят семь километров в одну сторону... И столько же обратно... «Не, в следующий раз только на север...», — сказали они.

«В следующий раз...» большинство народа приезжает сюда не по путевке, а «дикарями». К поселившимся здесь россиянам, как я называю это «геморрой фри» и «мани сейф» метод. Если у вас нет комплексов, что знакомые узнают, как вы отдыхали не в пятизвездочном «хотеле», а жили в гестхаусе и потратили на это не тысячи уев, а всего лишь сотни, то прямой смысл поступить именно так.

Кстати, о геморрое. Непривычные к двухколесным транспортным средствам зады европейцев, особенно северных, при расположенности к этому заболеванию (а она после тридцати лет весьма актуальна при нашем образе жизни) вкупе с жарой и

острой пищей дают положительный по медицинской терминологии результат. Не надо отказываться от поездки, аренды мотика или везти с собой свечи «Релиф» из Москвы. Здесь есть прекрасное средство — «Корект», и стоит на наши деньги за пять свечей — двадцать один рубль.

Вообще с фармацевтической точки зрения Индия опережает, на мой взгляд, Россию. Здесь в аптеке можно купить всё, надо только суметь объяснить, чего у вас болит, про цены я молчу... Тему аюрведы и лекарственных трав от фирм «Хималия» и «Добур» я оставил на потом, потому что не все пока изучил и опробовал на себе, поэтому пишу о вещах лично испытанных — вот о «Коректе», например...

Второй актуальный совет. Если вы не собираетесь сидеть в гостинице после заката — возьмите с собой фонарики, лучше такие, которые надеваются на голову на манер шахтерских, они маленькие, долго работают и стоят на Пражском рынке сто рублей, здесь таких не продают, а нужда в них постоянная, темнеет рано, и перебои с электричеством случаются...

Ещё небольшой совет. Не везите с собой килограммы лекарств. Не действуют они тут почему-то. Здесь в аптеках есть всё. От парацетамола до антибиотиков. Если проблемы с желудком, что по первости не редкость, есть хорошее аюрведическое средство «Дайрекс». От простудных болей в горле, ушах — «Септилин», тоже чисто из трав. Это же касается косметики, кремов, бальзамов, средств от и после солнца. Всё это здесь лучше, натуральней и в разы дешевле.

АЛКОГОЛЬ. Русскому человеку, едущему на отдых, возможно, это будет интересно. Ясное дело, что в «дьютике» вы затаритесь. Но водка имеет свойство быстро заканчиваться. Поколению от сорока и выше будет приятно вспомнить вкус портвейна. Конечно, это не «777» и не «Сахра», но бывшие колонизаторы, пор-

тугальцы, научили местное население кое-чему. Цена смешная, два с половиной доллара бутылка. Примерно столько же стоит семилетний, если верить этикетке, ром «Олд Монк». Забористая штука, сорок три градуса. Вот такие крепкие монахи водятся в здешних местах, ведь переводится название, как «Старый Монах». В сфере алкоголя трудно давать советы. Оказывается, даже в Москве есть клуб любителей индийского виски. Здесь его столько разновидностей, как в Рязани водки. Пива не такое разнообразие, как в «Ашане» или «Рамсторе», но оно есть. Появилось с недавних пор даже безалкогольное. Ну и как все пиво в мире этой ценовой категории имеет примерно одинаковый вкус. Национальное достояние и гордость местных «синяков», коих тут немало, — самогон «феня». Для несведущих поясню: гнать можно из всего, где содержатся легко расщепляемые углеводы. Сахара, например. Здесь гонят из «груш» ореха кешью, сока кокосовой пальмы Тодди и сладких фруктов, коих тут немерено. Очень хорошее средство протираться вечером от пыли, кожа становится мягкой и бархатистой.

КУРЕВО. Курят тут практически всё. Про сигареты — не актуально, их «дьютифришного» запаса обычно хватает на время отдыха. Есть аюрведические сигареты «Нирдош», это смесь трав, не содержащая табака, завернутая в сухой лист дерева. То есть никотина в них нет в принципе. На вкладыше написано, что курение их очень полезно. Благоприятно действует на печень, почки... Как могут быть продукты горения полезны для здоровья, там не уточнено, но в Гоа ещё не такие чудеса встречаются. А названы они так по фамилии доктора, который тридцать лет изобретал их рецептуру. Интересно, кто же был подопытным все эти годы, но в благодарность медику теперь их продают даже в аптеках. В Москве они стоят десять рублей сигарета, здесь — двенадцать рублей пачка, десять штук.

Часть вторая.

Аюрведическая

Итак, инфо о местных аюрведических препаратах и снабдьях, их пользе, вкусе и приятности последствий приема. О многочисленных и доступных средствах из категории «дурь» я здесь не буду распространяться, может быть, позже. Совращённым же гоанской вольницей и вседозволенностью могу порекомендовать «Пати смарт», в народе его называют аюрведическим алказелцером, способным снимать синдромы похмелья не только от наркотиков алкогольной группы. Продаётся в пачках весёленькой расцветки по пять капсул.

Теперь для людей серьёзных, заботящихся о демографической ситуации в России посредством сохранения здоровья своего и своих близких.

АШВАГАНДА — растение по своей культовости и популярности сродни женьшеню у китайцев. Только китайцы — лучшие в создании легенд и напускании тумана, поэтому весь мир знает о женьшене, а про ашваганду — лишь интересующиеся. Это адаптоген, помогающий при смене климата, пищи, воды, короче, то, что вам поможет быстрее прийти в себя по прилете в Индию и далее по возвращении в Россию. Но больше она известна как антистресс, а это уже серьёзно. По моему представлению, она просто необходима любому россиянину в условиях первоначального накопления капитала, который ещё продолжается. Придаёт мужскому полу больше мужественности как в светлое время суток, так и в ночное.

То, что я сейчас описываю, производится известной во всем мире, и у нас в том числе, фирмой «Хималая», чьи препараты «Цистон», «Лив-52» и ещё по мелочи продаются в наших апте-

ках. Однако здесь разнообразие продукции этой фирмы очень велико, а сам продукт отличается по внешнему виду и качеству от производимых на экспорт, причем в лучшую сторону (вот такая забота о согражданах), про цены даже говорить не буду. На баночках стоит фиксированная цена в рупиях, и во всех магазинах и аптеках вы купите её по этой цене. Компания эта больше ориентирована на иностранного покупателя, поэтому в назначении цен на свою продукцию не стесняется. Более дешёвых аналогов у конкурирующих производителей предостаточно. Но описывать всех — бумаги не хватит.

КАРЕЛА, или горькая тыква, больше напоминает огурец, который поливали тем же диоксином, которым в своё время отравился украинский президент. По всей Азии этот овощ очень популярен, его заваривают как чай, во Вьетнаме я ел из него суп. Занятие это не очень занимательное, потому как названию соответствует полностью. Здесь же его порезали, посушили и упаковали в капсулы, глотаешь и получаешь вовнутрь регулятор метаболизма, налаживающий обмен веществ, особо необходимый желающим нормализовать свой вес.

ЛАСУНА, или гарлик, или, по-нашему, чеснок индийский. Кроме выведения холестерина он единственный, насколько я знаю, содержит германий, необходимый организму. А также способствует желанию... однако удовлетворению этого желания не способствует сопровождающий его аромат, если употреблять его в природном виде, ну или ваша любовь и желание должны быть настолько сильными и взаимными... Короче, в капсулах удобней и не надо заморачиваться на тему производимого вами на окружающих впечатления даже без «Орбита»...

Уж коли коснулись этой темы... Для девушек, понимающих толк в темпераментных «муздчинах», совет: купите препарат

«Тентекс роял» все той же фирмы «Хималая» (надо бы с них процент за рекламу попросить). Это смесь сушеных растений, каждое из которых является мощным афродизиак. В инструкции написано — юзать по две капсулы за час до «койки», по опыту скажу, это рекомендации для тех, кому за сто лет. Если вашему мужчине меньше, то начните с одной, потому что солнце, фрукты, море, жара и прочие стимулирующие средства и так делают своё дело, а «слишком хорошо — тоже не хорошо...».

АМАЛАКИ (модное нонеча определение) — антиоксидант, богат витамином С, укрепляет иммунитет, ну и способствует...

ТУЛАСИ, или **ТУЛСИ** — индийский, или «святой базилик», ботаническое воплощение одноименной Богини. Даже по названию проникаешься уважением к этому растению. Очень ценное растение для людей курящих и обладающих легочными проблемами. Очищает легкие, выводит из них последствия нездорового образа жизни. В условиях отдыха на Гоа с его разнообразием курительных возможностей рекомендую всем...

ХАРИДРА, она же турмерик, она же куркума, — ну это такая специя, довольно известная в России, вкус на любителя, я лично им являюсь, но нужного количества в «живом виде» не съешь, а в капсулах — легко. Антисептик, антиаллерген, улучшает пищеварение.

ТАГАРА — это валерианка, очень сильная она тут, и спишь с одной капсулы, как ребенок.

Препарат **САФИ** запомнить очень легко, как наша знаменитая теннисная или эстрадно-нефтяная фамилия, только без последней буквы. Можно предположить, что предки Марата или

Алсу побывали в Индии пару веков назад, а может, с Рерихами жили в качестве семейных докторов и составили формулу этого сиропа — очистителя крови. В него входит несметное количество трав, выросших в Гималаях, и, если верить утверждениям моей бабушки, что лекарство должно быть горьким, то это не профилактическое средство, а самое настоящее лекарство. В жарком климате в организме все процессы ускоряются, и помочь печени очистить кровь — вещь весьма нелишняя, поэтому рекомендую начать её применение ещё во время вашего пребывания в Индии. Горько, противно и подташнивает, если выпить его натощак, но лёгкой жизни во время путешествия вам никто и не обещал.

ШИВАНПРАШ, или **ШИВАНПРАША**, разные фирмы по-разному пишут название, и продукция их немного отличается друг от друга по вкусу и различным добавкам. В России вообще принято писать ЧАВАНПРАШ. У нас в семье это называется «вареньице от всех болезней». В его состав входит несколько десятков различных трав, фруктов, минералов, серебро, которое, кроме всего прочего, индийцы любят класть сверху даже на сладости в виде тончайшей сусальной фольги, которая растворяется при попадании в рот. Формуле этого снадобья более 6 тысяч лет, и, что радует, современные технологии не портят своей стандартизацией традиционные вещи, или у индийцев хватает ума делать такие вещи «по старинке». Принимается «вареньице» после еды, один-два раза в день по чайной ложке и способствует оздоровлению и омоложению организма. Принимать его нужно регулярно, хотя и одна банка принесет вам большую пользу. Но при соблюдении регулярности через пару лет во время нового знакомства вы смело сможете скидывать себе десяток годочков, и партнёр вам поверит. По крайней мере, я именно так и делаю, и пока без нареканий. Даже жена иногда наутро удивляется, а точно в паспорте ошибки нет?

ГЕРИФОРТЕ — это примерно тот же Шиванпраш, только для ленивых и очень занятых людей. Потому что выпускается в таблетках, соответственно — компактный, более концентрированный и обогащённый. И его, в отличие от банки «вареньица», всегда можно носить с собой. В состав входят многие растения и аюрведические препараты, перечисленные выше. Эдакий комплекс «всё в одном» по принципу «хедэндшолдерса». И адаптоген, и регулятор метаболизма, и тонизатор. Рекомендую брать с собой в Россию-матушку и принимать курс (одна баночка — 60 таблеток) раз в полгода, и будет вам счастье и здоровье, по крайней мере, портить вы его будете несколько дольше, чем не принимая. Ибо раздел науки аюрведа, ведающий природными растительными богатствами, из которых все это делается, за последние 5 — 6 тысяч лет существования на практике доказал свою компетентность. Одна ремарка — принимать все это надо системно и по возможности регулярно, то есть проходить курс и делать перерыв, и так по кругу. Аюрведа — не панацея от болезней, это, скорее, вспомогательное, профилактическое средство. Она помогает укреплению организма, хороша во время восстановительных периодов после операций и болезней.

Все эти вещи больше интересуют женщин, они как-то серьезней и вдумчивей относятся к своему здоровью. Именно о них, наших любимых созданиях, и позаботилась Природа, придумав великое растение — **ШАТАВАРИ**. Первейшее средство для женского здоровья. Очищает почки, органы половой, детородной сферы и всего тазового пояса. Входит также в состав многих средств для мужчин. Небольшое предупреждение, этэншн, плиз: у этого растения есть очень серьёзный побочный эффект, который некоторые считают основным действием и специально для того принимают. Он является самым сильным, по крайней мере, из известных мне, женским афродизиак. И у некоторых деву-

ровать... Но те, кто может себе позволить, стараются всё-таки приобретать автомобиль, собранный «в заграницах».

В Индии ситуация противоположная, здесь введены такие пошлины на всё иностранного производства, что иномарки — большая редкость. В них нет нужды, свои машины совершенно нормальные. И даже очень «крутые перцы» ездят на родимых джипах «Скорпион» заводов ТАТА. А продукция индийского «Сюдзуки-Марути» очень популярна в Европе. Ездит по Гоа даже старенький «ролс-ройс», но в основном народ предпочитает отечественные внедорожники, разнообразие которых достойно уважения.

Однако самое популярное средство передвижения в смысле простоты, дешевизны, проходимости и доступности — это байк. Байком здесь называют все, что на двух колесах, но не велосипед. Хотя это в корне неправильно, ибо настоящее название доступного и простого в управлении транспортного средства, которое обычно предоставляется в прокат туристам — скутер с автоматической коробкой передач или, по-нашему, «табуретка». Арендная плата за это чудо японской техники, его, кстати, тоже собирают на заводах в Индии, немного выросла по сравнению с прошлыми годами (здесь все, кроме еды, растет в цене) и составляет четыре — пять долларов в день.

Правил дорожного движения тоже немного. Три самых главных — ехать с левой стороны (это самое главное). Сигналить при первой мысли о том, что вас могут не заметить. На автобусах и грузовиках прямо так и написано: «Сигнальте, плиз». И третье — объезжать коров со стороны хвоста, ибо она себя считает полноправным участником движения, что, вобщем-то, вполне соответствует истине. Причем участником привилегированным, ну, примерно, как у нас машины с мигалками и номерами с триколором. Наверное, интеллектуальный уровень водителей этих авто повыше коровьего, но хамоватость поведения не меньшая. Вот откуда пошло выражение «быковать». Наверное, поэтому

коровам и российским драйверам здесь многое прощается, и их стараются пропускать. Кто знает, что можно от них ожидать.

Не лишним будет дублировать сигнал поворота вытянутой рукой, это практика общепринятая, потому что уверенности, что поворотник работает, ни у кого нет, и на больших машинах даже подписано «стоп-сигнал», возможно, для того чтобы люди не путали их с иллюминацией, так любимой индийцами.

Следующий пункт наших «полезных советов» касается слонов. Он также совершенно искренне и не без основания считает себя равноправным участником дорожного движения. С одной поправкой, что он раз в шесть больше коровы. Больше у него всё — вес, рост, а также размер конечного продукта жизнедеятельности. В связи с узостью дорог и шириной слона под стать автобусу разъехаться им бывает трудно, отчего возникают пробки. В подобной ситуации не следует нетерпеливо прижиматься к священному животному. Оно хоть и домашнее, и мирное, но абсолютно не воспринимает нормы человеческого этикета. Даже для индийцев, идущих по улице и захотевших справить малую нужду, совершенно естественно отвернуться прямо здесь же от прохожих и таки справить её. Что же говорить о слоне. Благодаря росту, его анальное отверстие находится на уровне выше головы сидящего на мотоцикле человека... Даже если вы истинный натуралист и поставили себе задачу выяснения рациона этого благородного животного по его экскрементам, не стоит делать это на проезжей части. Конечно, и самого себя, и байк несложно потом отмыть, но подумайте о людях, всё это увидевших. Они будут так смеяться, что не смогут тронуться с места, а это усугубит обстановку на дороге. Я остановился на этом аспекте, потому что однажды попадал в подобную ситуацию.

Что интересно: при всем этом кажущемся бардаке за несколько лет пребывания в Индии я наблюдал только одну аварию и несколько раз видел стекла на дороге от разбитой оптики.

Так что ездить по Гоа можно и даже нужно самостоятельно, ибо как иначе посмотреть это чудо? Свобода передвижения — самое главное завоевание человека... Но всегда надо быть очень внимательным — доступность наркотиков и все более увеличивающееся количество русских... Шутка, конечно, но права с этого года стали проверять, хотя и очень формально, ну а если все-таки вы «забыли их в номере, так как едете на пляж и боитесь потерять», будьте готовы к утрате ста рупий (два с половиной доллара), больше не давайте, хотя спросят не менее пяти сотен. Торгуйтесь, Индия — это большой рынок. А индийские полицейские — младшие братья наших гаишников.

Мансун

Вот и пришёл мансун. Сегодня двадцать седьмое мая, температура резко упала со вчерашних сорока двух до двадцати семи. Холодно. Первые признаки наступления сезона дождей появились уже неделю назад. В районе пляжей Кири, Сладкое озеро, Арамболь набегаящая волна оставляет на песке тонкую линию нефти. Смешиваясь со следующими, они образуют валики чёрной вонючей грязи. Остатки европейцев уже не купаются здесь. Наступает время индийского туриста. «А на них нефть не видна», — шутят местные, объясняя, что в это время власти за некоторый бакшиш позволяют порожним танкерам промывать в море ёмкости. Мансун ведь всё смое.

Ганди проснулся утром позже обычного — в половине девятого, голова побаливала — наверное, понижение давления сказалось. Небо было серым, как ноябрьская демонстрация недавнего прошлого, картину дополняли красные банты распустившихся за эту ночь цветов акации. Водяная пыль начавшегося дождя смешивалась с поднимающимися от земли испарениями.

Прокаленная за полгода земля даже утром, после ночной прохлады, не собиралась сдаваться и отвергала долгожданную влагу. Образующийся туман в саду, поднявшись на метр от земли, напоминал декорацию из дешевой голливудской фантастической постановки. «Интересное сочетание», — подумал Игорь, слева, в просвете между деревьев манго, над мощным участком сада — осень, а справа, среди кустов и низко растущих керальских кокосовых пальм — искусственная, киношная сказка.

Вентилятор замедлил вращение, потом совсем устало поник, остановившись, — мансун, или муссон по-русски. Теперь с электричеством будут не просто обычные перебои, а конкретные отключения по несколько часов. Индийские электрики, расслабившиеся за те полгода, когда с неба не упало ни капли и не замкнуло скрученные «на соплях» соединения проводов, теперь просто выключают рубильник, чтобы не было серьёзных аварий. В первое время Ганди удивляла их оригинальная манера освещать улицу обычными длинными трубками домашних ламп дневного света, привязанными к пальме или дереву, но потом подумал, а почему бы и нет, ведь на мансун можно снять. Фиг вам, никто их снимать не собирался — в лучшем случае просто не включают, и улица остается тёмной. Конечно, в столице и других городах по-другому, там есть специальные фонарные столбы, но в Гоа городов мало, Гоа — это «домик в деревне», а деревню можно и не освещать. У больших несколькихзвездных отелей свои генераторы на солярке, они стоят особняком по большей части вблизи моря, а вокруг рыбацкие деревни с коровами, шустрыми и пугливыми поросятами, с перекличкой петухов круглыми сутками. Ганди никогда раньше не жил в деревне и всегда считал, что петухи кукарекуют утром. Но то ли в Индии куриный народ другой национальности, с иными традициями, то ли они своим трудолюбием компенсируют человеческое, но орут, гады, постоянно. А когда по вечерам из обесточенной деревни крестьяне смотрят

на сверкающий огнями отель, из которого доносится музыка и слышатся другие звуки чужой и такой странной, но заманчивой для них жизни, тут-то и понимаешь всю ширину и глубину пропасти, лежащей между ними. И даже если этот рыбак выходит в море, беря с собой мобильный телефон, а по вечерам, если не вырубилось электричество, смотрит большой цветной телик, соседний отель все равно из иной, загадочной, сверкающей другими, более яркими огнями жизни, он, отель, — летающая тарелка с представителями вторгшейся цивилизации. Приземлившись здесь, она выходит на контакт, что принесет она? Встречу на Эльбе? Тогда две цивилизации встретились, делая одно дело, тогда шла война с одним общим врагом. А сейчас? Сейчас тоже идет война, война цивилизаций, война за сырьевые рынки, за рынки сбыта, рабочей силы. Стена отеля — стена между цивилизациями, где пришелец показывает — хочешь такую жизнь, нет ничего проще, мы дадим тебе её, но взамен... да ладно, потом разберемся. Мы дадим тебе бесперебойное электричество, мы дадим тебе холодильник в каждый дом, чтобы было куда его расходовать, у нас много холодильников, и мы задолбались рекламировать их, чтобы люди выбрасывали старые и покупали новые. А его, холодильник, надо наполнять. Мы дадим тебе много еды, готовой еды, в полиэтиленовой упаковке. Чтобы ты и твоя женщина не тратили время на приготовление её каждый раз. Просто достань из нашего холодильника нашу упаковку, положи в нашу микроволновку, мы дадим тебе её, не даром, конечно. Потом садись к нашему «домашнему кинотеатру», их мы тоже наделали кучу, и смотри нашу «мыльную сказку» про красивую настоящую жизнь, их мы производим непрерывно, с «мылом» у нас проблем нет.

Да, начало сезона мансун, плавное вхождение в дождь, такое настроение бывает в России в конце сентября, немного грустное, немного философское, немного пессимистичное, отели по

большей части закрылись или сбросили цены, дав возможность индийскому среднему классу тоже приобщиться к цивилизованному чемоданному отдыху. Обьедки с барского стола, или «ну наконец-то эти белые обезьяны освободили место»? В июле — августе комната в анжунском отеле с бассейном, кондиционером и завтраком стоит пятьсот рупий в день, примерно двенадцать долларов. Можно снять на пару дней, сменив обстановку, отдохнуть с семьёй от деревенской жизни со всеми её неотъемлемыми бытовыми проблемами. Удобно — прошёл сто метров, и ты уже в другом веке, машина времени какая-то, а вспомнишь, что куры некормленные, — сто метров обратно. Не надо несколько раз в день включать насос, качающий воду в бак, стоящий на крыше, чтобы в кранах была вода — здесь это делают специально обученные люди. Соответственно, можно не экономить её, закручивая кран, когда намыливаешься. Вообще, решение бытовых проблем занимает слишком много времени — вечный недостаток съёмного жилья, особенно в Индии. Зная, что это не твоё, что всё это временно, не хочется делать что-нибудь глобальное, затевать ремонт или, например, устанавливать автоматическое отключение насоса. Сосед вчера рассказывал, что он видел какой-то сенсор, который включает и выключает воду, когда бак полон. В своём будущем собственном доме Ганди непременно установит такой. А пока ему сенсором служит лист ржавого железа, по которому барабанит струя воды, переливающаяся сверху, — значит, надо выключать. В благах цивилизации есть своя прелесть, только что она требует взамен?

Вчера прилетел целый рой насекомых, очень похожих на муравьёв, только с крыльями. Они облепили потолок на веранде у входа, а минут через пятнадцать спустились на пол и колонной ушли в сад, оставив после себя целую кучу сброшенных крыльев. Чудны дела твои, Господи. Июнь — начало мансуна, это индийская весна, только в средних широтах она приходит после

зимы, морозов, здесь тоже после зимы, которая закончилась в апреле. Потом месяц жестокой майской жары, и, наконец, весна — пробуждение жизни, с той разницей, что пробуждается она от жары и засухи.

Вчера, например, когда Игорь выкидывал через забор манговые очистки соседским коровам, сверху спланировал и ударился о его ногу птенец дятла. Очень красивая птица. В отличие от российских, с красной шапочкой, этот с таким же красным трехсантиметровым ирокезом на голове и золотистого отлива крыльями с тыльной стороны. Птенец был уже подростком, но влажные крылья не давали ему подняться в воздух, и он, как кенгуру, поскакал от двуногого чудовища прямо в раскрытую дверь дома, ища убежища. То ли он очень хотел есть, то ли у этой породы инстинкт в любом положении заставляет долбить клювом все вокруг, но, забившись в угол за дверью, он стал ожесточенно избивать железную штангу, которой закрывается дверь изнутри. Вот ведь дятел — во всех смыслах этого слова. Выгнанный после того как обсох, на улицу, он так же, по-кенгуриному, проскакал через сад, потом вертикально по стволу дерева и затерялся в кроне. Где он сейчас? Вчера сородичи носились вокруг, наблюдая эту сцену и переживая, сегодня — тишина. Не сожран ли он соседскими котами, правда, последнее время те не появляются, наполучав по заднице из духового пистолета.

Ганди вспомнил, зачем вышел из дома: каждое утро, как проснется, он спешил опередить ворон и собрать упавшие манго, иначе доставались лишь половинки. Эти зажавшиеся падальщики моментально расправлялись со свежим фруктом, но только с верхней его частью, благодушно оставляя нижнюю муравьям и мухам. Запах гниющего манго — один из основных майских запахов в Гоа. Так же, как в апреле все Гоа пропитывается запахом разлагающихся «груш» ореха кешью, что гораздо неприятней. Игорь спрыгнул с галереи и поспешил за

дом, туда, где ветви соседского дерева, усыпанного спелыми плодами, росли над территорией гандивского двора. Почему-то они были вкуснее своих, или это в природе человеческой, когда чужое кажется лучше? Перешагивая через кучу камней, в тот момент, когда его нога должна была коснуться земли, он заметил какой-то канат, лежащий за кучей. В ту долю секунды, когда нога должна была опуститься на этот самый канат, в голове пронеслось, что не должно бы тут быть никакой верёвки, по крайней мере, её не было тут вчера вечером, когда он по той же нужде, что и сегодня, ходил за дом. В самый последний момент он сумел изменить движение ноги, извернулся и как вкопанный застыл на куче камней. Канат же, мелькнув маленьким пенсне на затылке, метнулся в ворох опавшей листвы у забора. «Ну, ни хрена себе шулки, это же кобра, а хозяйка говорила, нет тут змей», — пронеслось в голове. Он бросился в комнату за пневматическим пистолетом, по дороге соображая, как хорошо, что не послал собирать манго сына Илью, который ещё не поднялся с кровати, а ведь была мысль. Зарядив пистолет, он осторожно забрался на камни, пристально вглядываясь в огромные скрученные пожухлые листья хлебного дерева, в которых скрылась змея. Первая мысль была стрелять ей в голову, вряд ли получится её убить сразу, но оглушит, если попасть. Змеи не было. Он поворачивал палкой в листве, всё было тихо, змея уползла, и, скорее всего, далеко. Но как же она сюда попала? С этой стороны сад обнесён глухим забором, забор каменный, но, наверное, в нем есть дырки для стока воды. Он ещё несколько минут стоял на камнях, внимательно следя за возможным движением вокруг, когда за забором появился заспанный сосед, хозяин куриной фермы.

— С добрым утром, — сказал он, увидев Ганди.

— Морнинг, — ответил Игорь шёпотом, поднеся ствол пистолета к губам.

— Мы, наверное, не давали вам спать сегодня? Вы уж извините, сейчас сезон свадеб, — начал оправдываться сосед, округлившимися глазами глядя на пистолет, вид которого внушал уважение. — Большие заказы, по пятьдесят килограммов курятины заказывают, и всё кусочками, мы всю ночь работали...

— Змея тут большая, кобра, — прервал его Ганди. — Ушла в листву, может, к вам во двор уже забралась.

— А, змея! — облегченно заулыбался сосед. — А я думал, вы на нас разозлились, что мы всю ночь кур рубили. Змея это наша, я не знаю, как она к вам пробралась, наверное, есть дыра между камней. Да вы не бойтесь, если её не трогать, она не опасна, она сама уйдет, не надо в неё стрелять.

Наверное, минуту россиянин недоуменно смотрел на индийца.

— Не понял, как это — ваша? Она что, сторожевая, кур охраняет? — Ничего умнее он не смог придумать.

— Нет, кур она не охраняет, но и не трогает, змеи очень умные, они никогда не возьмут хозяйское. Она пришла осенью, уже полгода живет вон в том углу сада, мы молока ей наливаем... куриные шеи она очень любит.

Игорь сидел на матрасах, занесенных по случаю дождя из сада в галерею. Поставив спусковой крючок на предохранитель, он почесывал мушкой комариные укусы и никак не мог переварить очередное открытие. Сколько же их будет преподносит ему Индия? Мы не то чтобы очень разные, мы просто с разных планет, и трудно сказать, чья планета лучше. Как недоумевал одна знакомая индианка, студентка питерского «меда», пытаясь удивить его специфической медицинскобщажной лексикой какого... вы тут... в этой грязи... когда в России, особенно в столицах, движуха, пруха и полный расколбас... Да, они балды от нашей планеты, а мы от своей устали. Они ищут способ перебраться в Европу, а толпы европейцев бороздят Индию, ищут

ответы на вопросы, которые сами же себе задают. Может, они издеваются над нами, показывая, что тоже хотят запрыгнуть в тот вагон, который несётся в пропасть, вместе со всем цивилизованным миром. А на самом деле живут памятью предков и их мудростью. Мы хотим унифицировать мир. Подвести его под ГОСТы, евростандарты, чтобы точно знать, сколько «коллегита», «керефри» и лаврового листа должна потреблять среднестатистическая семья, а у них полстраны живет по кастовой «по понятиям» системе, они драпируют её различными указами и законами, но чтят и исполняют. Что можно сделать с людьми, ставящими блюдечко с молоком заползшей кобре? Вряд ли их переделаешь под нашу планету. А нас под их?

Чёрно-серое кино

Хорошо, что Ванька, племянник, так и не смог продать его машину. Сейчас в Раше что-либо продать гораздо сложнее, чем купить. От продавцов отбоя нет — «купи, купи...» на каждом углу. Не можешь просто купить, мы тебе кредит дадим. Хоть на дом привезём, заодно посмотрим, что у тебя за квартира, мало ли чего, его же отдавать потом надо будет, кредит этот... «Хонду», конечно, жалко, новая CRV, ещё четырнадцать тысяч не прошла, в Индию бы её, но... не заморачиваться же с перевозкой, да и руль переделывать в историческое положение придется. В Гоа движение левостороннее, и очень строгие законы на эту тему. Да там своих машин, и весьма хорошего качества, полно, про цены лучше вообще не заикаться.

Ганди сел за руль с непривычной стороны, за полгода он отвык от машин, всё время на байке, — но руки сами вспомнили расположение кнопок, руль и рычажки вокруг.

— Соскучилась, малышка, за шесть месяцев. — Он погладил шершавый обод баранки. — Я тоже, ты, наверное, одна из немногих, по кому я скучал там.

Мотор моментально завелся, как будто и не было морозных месяцев, проведенных на открытой стоянке. Прав был мастер Саша Копытов, патриот и просто маньяк этой марки, утверждая, что «Хонда» — вершина автомобилестроения, а потом уже идут другие автомобили. Игорь медленно тронулся, скрипнув прикипевшими за долгое стояние тормозными колодками, и выехал на улицу.

По законам Индии, если виза позволяет находиться в стране более полугода, ты обязан зарегистрироваться по истечении этого срока или выехать из страны и вернуться. Обычно иностранцы стараются ездить поближе, в Непал или Шри-Ланку, последнее время стал модным Таиланд — заодно и отдохнуть можно. Ганди же решил слетать в Россию, освежить воспоминания, чтобы убедиться в правильности своего выбора, как он сформулировал это для себя. Апрельская Москва встретила его мутной слякотью мокрого снега, профессионально хмурым взглядом паспортного контроля, бегающими глазками таможенников у «зелёного коридора».

— А вы свой чемодан на транспортёр, пожалуйста...

— Мой? — не сразу понял Ганди.

— Ваш, ваш, вы с какого рейса?

— С него самого, с бомбейского, — ответил Игорь. — Если я правильно подумал, то, что вы ищете, мы только что искурили в туалете зала выдачи багажа, посмотрите за третьим от входа унитазом, там остатки гашиша валяются, в фольгу завёрнутые.

— Ладно, проходи, раз такой умный, юморист, — засмеялся таможенник. — Хоть бы нас угостил...

— Будете у нас в... Гоа, милости просим — и угостим, и спать потом положим...

Он покати́л свой полупустой чемодан к выходу сквозь «куда поедём...» пузатых бомбил, пригретых шереметьевскими ментами. «На фиг, на фиг, лучше на маршрутке до «Речного вокзала», а там на метро, как все порядочные люди. Две штуки рублей — это же три тысячи рупий, на такие бабки мы всей семьёй там неделю жить можем припеваючи...»

Живя в большом городе, человек обрастает защитной оболочкой, скафандром или силовым полем, чтобы отталкивать от себя тот негатив, ту отрицательную энергетику, прущую со всех сторон. Иначе можно просто сойти с ума. Москвичи же носят на себе броню, огромную и тяжёлую, и даже не подозревают о ней. Но лишись они её, и количество пациентов в больничках в одночасье увеличится, если там вообще останутся места. Игорь же, прожив полгода в гоанской деревне на берегу океана, подобной защиты лишился за ненадобностью и чувствовал себя в метро так, как будто с него сняли кожу, принимая на себя весь этот грязный поток чёрных флюидов.

Добравшись до станции «Бульвар Дмитрия Донского», он почти бегом преодолел расстояние до своего подъезда, проскочил в него, ошарашив расплывшуюся в улыбке вахтёршу, вошёл в квартиру и только тут почувствовал себя в безопасности. Он снял промокший от снега санда́ль, подцепил кухонным ножом стельку, вытащил оттуда заветный кусочек гашиша, нашел трубку на обычном месте в ванной комнате и закурил. Впервые за последние бессонные двадцать четыре часа. Московская квартира выглядела абсолютно так же, как и полгода назад. Всё аккуратно лежало на своих местах, даже Валькины прокладки на тумбочке возле кровати дожидались её, как будто она была не в шести тысячах километров, а только что встала и пошла умываться.

С устатка канабенольные антидепрессанты подействовали моментально, и Игорь быстро заснул. Сон смешивался с пережитыми картинами ярких впечатлений перемещения по земному

шару, винегретом из лиц таксистов, таможенников, хмурых пассажиров метро, голос шестилетнего сына строго вещал: «Папа, не забудь взять подъёмный кран, который стоит за дверью в моей комнате». Ганди открыл глаза и ещё минуту соображал, где он находится. Забытый уже шумовой фон города вместе с запахом гари просачивался в приоткрытую створку стеклопакета, остужая непривычно сухой от центрального отопления воздух. Последняя перед концом отопительного сезона агония коммунальных служб. Он встал, поставил закипать чайник, нашёл в ящике баночку с прессованными таблетками чая «По эрх», открыл её и долго втягивал в себя ноздрями столь любимый плесневелый дух — тот запас в три килограмма, что он брал с собой в Индию в октябре, закончился ещё в феврале. Кому-то может это показаться странным, но в Индии нет хорошего чая, по крайней мере, на его, Гандивский, вкус. И те времена, когда в наборах к праздникам давали по две пачки чая «со слонем», казавшегося фантастически вкусным, уже давно прошли. Сейчас в Раше такое разнообразие чаёв, что «индийский» просто затерялся в этом изобилии. Достав остатки «аэрофлотовского» корма, он сделал бутерброд с плавленым сыром и сладкой булочкой, съел его и только сейчас понял, что не просто голоден, а по-настоящему хочет жрать. Поразмыслив, он даже понял, что именно. В Гоа нет лососевого суши, а бутовскую «Якиторию» можно увидеть даже из окна его спальни. Мысль совместить полезное с приятным зародилась у него ещё в самолете. Он поменял в телефоне симкарту с индийской на МТС и набрал знакомый уже в течение нескольких лет номер проститутки Гули, с которой познакомился ещё по своей работе на «Русском радио» устройтелем корпоративных вечеринок. «Большие пацаны» часто заказывали девушек для «украшения стола», и у Игоря был целый штат их. Но с Гулькой сложился особый, душевный контакт. К этим несчастным встречам он относился как к лёгкому мужскому

приключению, столь свойственному романтическим натурам, к которым он не без основания относил и себя. Впрочем, Валентина, как женщина умная и любящая, воспринимала их с пониманием, против природной полигамии не попрётшь. Но лишней раз никто не акцентировал на этом внимание.

— Привет, я в Москве, не отвлёт, говорить можешь?

— Ой, — сразу узнала его девушка. — Соскучился, что ли, приедешь в гости?

— Нет, то есть да, только не я к тебе, а ты ко мне, я — старый больной человек, полгода не сидевший за рулём автомобиля, в слякоть ехать в центр?..

— А когда ты хочешь?

— Да я всегда хочу, особенно тебя, у меня две или три ночи, я ещё не брал обратный билет.

— Дело в том, что я сегодня занята с девяти до одиннадцати, а потом могу к тебе. Ты где у нас живёшь?

— У вас — в Бутово, прямо у метро, а у себя — в Сиолиме, прямо у моря, выбирай, куда поедешь, обещала, между прочим, в феврале приехать на пару недель.

— Я помню, зая, но никак не получается. — На том конце провода слышались искренние нотки сожаления. — У нас тут проблем много. То с деньгами, то пришлось в Магнитогорск ехать, у меня там мама приболела. Потом... чего я тебе по телефону буду рассказывать, встретимся — поговорим, я тебя тоже вспоминала.

— Я даже жене обещал: приедет девчонка в гости, устроим свальный грех по схеме ЖМЖ, то есть я один, а вас двое. Я там аюрведой занимаюсь, а в Камасутре вообще профессор, но лесбийские наклонности не помешают, мало ли что. Вы у меня обе девушки темпераментные, у тебя как с бисексуальностью?

— Ну, так, по работе могу, но на отдыхе... не вижу я сексуального объекта в женщинах.

— Жаль, Валька уже созрела попробовать.

— Посмотрим. Всё, я перезвоню, как освобожусь, пока, целую... — И она положила трубку.

«Таки плохо, — подумал Игорь. — Пожалуй, сегодня с сексом я пролетел. Если до одиннадцати занята, значит, пока в себя придет, пока приедет, слава Богу, час ночи будет. По-гоански — это полтретьего, нет, я уже точно спать буду, завтра дел полно. И встретиться много с кем предстоит. И билет брать. А может, задержаться на недельку, вот уж точно натрахуюсь, как кролик. Нет, «на это я пойтить не могу» — бюджет, однако, не позволяет. Чувствую, сегодня тихо подрочим и в мягкую семейную койку спать сном укуренного младенца. Ну что же делать, надо пойти проведать нашу «ласточку», прокатиться пару кругов по Бутово, аккумулятор подзарядить, если он вообще жив ещё, чтобы завтра с утра не морочиться и сделать всё за один день.

Ганди сел за руль с непривычной стороны, за полгода он отвык от машин, всё время на байке, — но руки сами вспомнили расположение кнопок, руль и рычажки вокруг.

— Соскучилась, малышка, за шесть месяцев. — Он погладил шершавый обод руля. — Я тоже, ты, наверное, одна из немногих, по кому я скучал там.

Мотор моментально завелся, как будто и не было морозных месяцев, проведенных на открытой стоянке. Прав был мастер Саша Копытов, патриот и просто маньяк этой марки, утверждая, что «Хонда» — вершина автомобилестроения, а потом уже идут другие автомобили. Игорь медленно тронулся, скрипнув прикипевшими за долгое стояние тормозными колодками, и выехал на улицу.

Повернув направо, он поехал к выезду на внешнюю сторону МКАД. На светофоре, когда до Кольцевой оставалось метров шестьдесят, он увидел идущего к его автомобилю гаишника, который палкой указывал прижаться к обочине. «Так, вездесущий

продавцы полосатых палочек, три часа в этой стране и шесть минут за рулём, а они тут как тут...»

— Добрый день, капитан Ивушкин, ваши документы, Игорь... Ганди...

— Не понял, откуда вы меня знаете, капитан... Вот она, слава! Сори, но меня так в Гоа называют, а вы-то откуда знаете?

— Мы с вами виделись в ноябре в Вагаторе, в «Наинбаре», помните, вы ещё угостили нас вашим фирменным косяком — аюрведические сигареты «Нирдош» с гашишем и керальскими бошечками?

— Вспомнил! — Игорь действительно узнал в милиционере человека, который сейчас, в форме, выглядел большим и сильным стражем порядка, а там, в шортах и майке, это был нормальный, среднего роста парень, ничем не напоминающий гаишника. Ганди всегда считал, что уж мента-то он всегда вычислит издалека, как русского в толпе иностранных туристов. Однако тут он лоханулся. — А у вас... у тебя серьга в ухе была, во, точно, дырка видна... так ты, выходит, почётный мент, а по нечётным — серьгу в ухо, наушники с трансом туда же, по косяку — и весь день свободен, на службу не пойдём?

— Выходит. — Капитан механически глянул на протянутые Игорем права, даже не взяв их в руки. — Пока, выходит, что я мент, служу в ГИБДД, в Бутово, увидел через лобовое стекло знакомые очки, думаю, неужели сам Игорь Ганди в наших краях! Аж, видишь, расчувствовался... как там сейчас?

— Да всё по-старому у нас...

— Может, я сяду в машину, отъедем, тут на Старобитцевской карман для грузовиков есть, а у меня кое-чего с собой было...

— Ты это серьёзно, капитан? Как тебя зовут, я запомнил, извини... Сам понимаешь, двадцать один год курю, из которых последние двенадцать — каждый день. Так что забывчивый стал.

— А я вот всё помню, — как-то грустно произнес капитан, усаживаясь рядом на переднее сиденье. — Каждый день, проведенный в Индии, и жену твою Валентину, и «мелкого», как ты его называешь, твоего Илью, и историю, как ты всё бросил и уехал туда... Зовут меня Андрей, фамилия Ивушкин.

— Да, смешно получается... представляешь, какой шарик земной маленький... а я здесь на улице Грина...

— Ты прямо тут развернись, с представителем власти едешь. — Он открыл окно и поднял вверх милицейский жезл.

Они повернули на Старобитцевскую и поехали по ней в сторону перехода под МКАД. Там запарковались в уголке большой, непонятно для чего сделанной асфальтированной площадки. Милиционер достал пачку «Мальборо», вместо сигарет в которой лежали три «беломорины», набитые коноплей.

— Вот это по-нашему, по-гоански... и как оно тебе, на службе, не помеха? — воскликнул Ганди.

— Помеха не помеха, задолбала она меня, эта служба, — горько улыбнулся Андрей. — Знаешь, как вернулся с Гоа, места себе не нахожу. Если бы не «дурь», уже совсем с ума сошел бы. Зацепило меня. Жене все нервы вымотал... Ночью глаза закрою, вижу картину — вид с «Найнбара» на море, помнишь, — пляж, пальмы, закат и музыка. Диджей был, как сейчас помню, Сухой лед звали, ему за семьдесят, англичанин...

Капитан сделал три глубокие затяжки и передал «косячок» Игорю. Наглухо затонированная «Хонда» не вызывала никакого любопытства у спешащих к своим семьям прохожих в этот вечерний час слякотного дня. Люди думали о своих насущных проблемах. Им в голову не могло прийти, что здесь, рядом с ними, за тёмными стёклами автомобиля находится кусочек влажной и жаркой Индии. Живописные картины воспоминаний капитана МВД России и рассказы только что прибывшего из Гоа очевидца и непосредственного участника этих воспоминаний

переплетались и материализовывались в замкнутом пространстве. Как территория посольства считается территорией страны, представленной этим посольством, так и территория машины как будто бы являлась в данный момент Индией. Только никто не видел этого со стороны.

— Вот так они и жили... — подвел итог полуторачасового разговора Андрей. — Не могу я больше смотреть это чёрно-серое кино. Задолбало оно меня. Агрессию эту не выношу уже, она же прёт со всех сторон, я её кожей чувствую. Наша система ментовская, она предполагает ведь сволочью быть, а я не могу уже. Пока бухал, мог, как все, бабки с вас собирать, а после Индии... бухать бросил, вот курю шмаль, когда уже совсем хреново станет. На людей по-другому смотреть стал, жалко мне их... Жена всё удивляется, раньше со смены по двадцать — тридцать штук приносил...

Уже совсем стемнело, снег прекратился, в пачке из-под сигарет лежали обгоревшие гильзы трех папирос, на улице зажглось освещение. Игорь, в несвойственной ему манере, больше слушал, стараясь не перебивать собеседника.

— Может, зайдём ко мне? — нарушил он паузу. — Я привез грамммульку... наш, настоящий, непальский, от Васьки.

— Да нет, мне в отделение ещё надо, я же мент пока, дежурство сдать... Рад, рад был тебя увидеть... Да мы с женой уже несколько месяцев в этой теме... она уже тоже согласилась, с трудом, конечно... тяжело ей... хочу с октября в Гоа податься, рапорт я уже написал, сказали, с сентября отпустят... Поможешь первое время — дом снять, и вообще, ты же местный уже?

— Конечно, Андрей, тебе действительно попробовать надо, ты по духу наш, может, и впрямь получится у тебя... Как с английским?

— Вот видишь? — Он вытащил из-за воротника наушник. — Одним ухом Илону Давыдову слушаю, а другим рацию... Я её сейчас отключил, чтобы не шуршала.

Они вышли из машины, обнялись.

— Давай, брат гоанец, передавай привет Индии, жене, сыну и всем...

— Давай, брат гаишник, держись тут, увидимся через полгода, а, может, мы всей семьёй летом приедем на пару месяцев, ты мой гоанский телефон знаешь?

— У меня карточка твоя есть с рестораном «Пут-ин», там все твои телефоны.

— ОК, давай, равновесия тебе... может, подкинуть?

— Нет, пройду до перекрёстка, продышусь, за мной машина придёт сейчас. — Он повернулся и быстрым шагом пошел в ту сторону, где остановил автомобиль Ганди, как будто стряхивая с себя навалившуюся хандру.

Через полгода в Сиолиме поселилась ещё одна русская пара, как шутили местные соотечественники: «Теперь нам бояться нечего, у нас теперь свой мент есть, доморощенный».

•

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

ГЕОГРАФИЯ

31

32

33

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Коктебель XXJ века: Моржим, или Рубблѣбка, сэр!

Сейчас о культовом гоанском местечке Моржим или, как называют его иностранцы, «Русская деревня». А в последнем английском путеводителе по Гоа написано — «Моржим — рашен мафия вилладж». Даже некая гордость появляется за державу — и тут мы на особом положении. Правда, последнее время чаще употребляется до изжоги знакомое — «Рублёвка». А как забавно произносят это слово индийцы! Их речевой аппарат не позволяет правильно произносить сдвоенные согласные буквы, поэтому звук «бл» звучит очень смачно, да и различия между «б» и «в» они, по большому счету, не видят. Вот и слышится: «Рубблѣбка».

Изжога — явление в Гоа редкое, если не злоупотреблять алкоголем, питание натуральное и здоровое, если не хочешь специально потравить себя колбасами да ветчинами из супермаркетов «Орчард» и «Оксфорд», находящихся в Анжуне, ну а лекарств от той напасти в аптеках полно. Посему посещение этих мест относительно безопасно для вашего здоровья, чего не скажешь о кошельке... Здесь сложился свой круг богатых и относительно богатых постояльцев. Нетрудно догадаться, какой национальности. Сюда приезжает московский бомонд «пережить ужасные времена в России», как выразилась одна довольно известная по «мыльным» сериалам актриса, имевшая в виду зиму и просившая не называть имени во избежание раскрытия тайны её местопребывания — есть у этой тусовки такой понт. Здесь же был замечен А. Ф. Скляр, он на вопрос, можно ли упомянуть его имя, ничего ответить уже не мог... Жанна Фриске, с которой Игорь Ганди был знаком ещё по её работе в группе «Блестящие», иногда наведывается в наши края. Посему цены

на жильё здесь рассчитаны на людей состоятельных, приехавших сюда отдохнуть, а какой же это для русского человека отдых, если он дешёвый, потом и вспомнить будет нечего.

Стоит заметить, что «Рублёвкой» называют не весь Моржим. Моржим — это довольно большая по площади местность с несколькими деревнями, строящаяся и постоянно растущая не без помощи россиян. «Рублёвка» — это та часть набережной, где расположились русские заведения и дома, которые с поправкой на индийскую «фундаментальность» можно назвать особнячками. Здесь даже озвучивалась такая цена на аренду дома, как две тысячи долларов в месяц, сумма по индийским меркам космическая, хотя внутри ничего сверхъестественного нет, просто русские сдают русским с учетом менталитета и платёжеспособности. «Постоянники», живущие в Гоа посезонно, если они не «рублёвские», заглядывают сюда нечасто, за исключением наркоторговцев, чьё рабочее время существенно занято обслуживанием местного русскоговорящего населения. Многие из русских «гоанцев» называют жителей Моржима наркоманами за их пристрастие к кокаину. Может, они и сами употребили бы его с удовольствием, но «кокос» в Гоа дорог, примерно как в Москве. А гашиш дешёв, к тому же это вещь настолько повседневная, что никто не воспринимает его как наркотик, «дурь» и «дурь», не вреднее пива, а может, и безвреднее, особенно для мужиков. Поэтому любители гашиша нариками не считаются, ибо тогда в них придется записать половину населения Индии, Непала, да, пожалуй, и всего мира...

Некоторые, даже весьма учёные люди разделяют человечество на два антагонистических лагеря — «синяки» и дудники, даже Даль упоминал второй термин. Ну с «синяками» всё понятно, все мы из них вышли, пока они сидят в правительствах, ворочают бизнесами, они имеют возможность лоббирования этого, пожалуй, самого страшного на земле наркотика. В основном это

люди, с года на год ожидающие пенсии; «дженерейшен некст» потихоньку отходит от алкоголя и ищет ему замену. Как рассказывал весьма интеллигентный молодой менеджер бомбейской фирмы, встреченный в «Найнбаре», сначала они все стали выпивать, поддавшись рекламе и картинам красивой жизни из отечественного и голливудского кино. Но как же наутро общаться с начальством, когда от тебя разит перегаром, да и потом весь день мутит? К тому же азиаты быстро спиваются, что обусловлено недостаточным количеством в их организме фермента, разлагающего этилен на более простые вещества, кстати, не менее, если не более, токсичные. Вот и вернулись к «дури» предков. Ведь отними у человека возможность получения кайфа, и пропадет смысл жизни. Просто кайф разные люди видят в разном. Что уж говорить о гостях Гоа, многие из которых конкретно вкусить его сюда и приезжают. По гоанской градации такие вещества, как ЛСД, МДМА (главное составляющее экстази), — также не наркотические вещества, а рядовые психоделики, не дающие привыкания. И когда по окончании сезона психоделическая тусовка уезжает, кто в Рашу, кто в Непал, кто в Таиланд, моржимский бомонд предпочитает Колумбию, Парагвай и прочую Латинскую Америку, где «кокос» по два доллара за грамм.

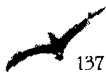
Иностранцы, помимо русских, тоже нечастые гости в этих краях. Иногда их сюда привозят на экскурсию посмотреть на быт и уклад жизни русской резервации. Это у них называется, «увидеть «Хорошо» или, если точнее, «Хорор шоу» («хорор» по-английски — ужас). Был показательный случай, когда к ресторану «Главфиш» подъехал микроавтобус с англичанами, они вальяжно вышли из него, расселись и разлеглись на матрасах около низких столиков. Им принесли меню, когда они их раскрыли, самодовольная улыбка постепенно стала сменяться недоуменной, глаза округлились до такой степени, что даже под навесом им пришлось надеть тёмные очки. Так, в тёмных очках

все шестеро, как по команде, встали и, сложив книжечки меню, гуськом вышли из ресторана. Потом под аккомпанимент «шит» и «фак» автобус тронулся... В Гоа не любят англичан...

Что касается цен на «Рублёвке», то хозяева ресторанов не сильно обременяют себя изобретательностью. «Два конца» относительно прайса в прочих питейно-курительных едальнях нерусского происхождения — это не предел фантазии. Складывается впечатление, что русским доллар «по колено», а может, чуть выше, — клиентуры хоть отбавляй. А если учесть скученность заведений! На расстоянии ста метров друг от друга находятся такие русские кафешки, как «Главфиш», «Бора-Бора», «Ёлка». Известный Вадим с кавказской внешностью открыл какое-то заведение за «Главфишём», за полкилометра до них — легендарный «ЧайКоффСкий», который последнее время плодится почкованием, ныне с приставкой «Дежавю», а несколькими километрами дальше, в Арамболе, не менее культовый «Русский квас», да и ещё несколько менее популярных.

Несколько лет назад сюда случайно заехали молодые и ранние представители «золотой» московской молодёжи. Они влюбились в эти места. А познакомившись с симпатичной, немолодой уже слонихой Шакти, служившей в храме добытчиком материальных средств и так, по хозяйству, они влюбились в неё. Вернувшись в столицу нашей Родины, они открыли клуб и зарегистрировали свой лейбл, названный в честь слонихи. Здесь, в Моржиме, был открыт филиал московского клуба с одноимённым названием «Шакти». Это название привлекло под единым лейблом различные направления искусства от музыки до живописи, от восточных духовных практик до разработки креативных, развивающих мозги игр. В этой тусовке был замечен режиссер Буслов, снявший фильм про чёрный немецко-российский автонеодноосовый альянс, ставший культовым и потребовавший продолжения. Его любовь к Гоа зародилась и окрепла во время

съёмки ленты «Зови меня Джинн», проходившей здесь же и в которой он изобразил заглавную роль. Фильм вяло прозвучал в российском прокате, но стал культовым для широкой аудитории узкого круга гоанистов и гоанастов. Потом к ним примкнул бывший экскурсовод, музыкант, диджей, путешественник, просто хороший парень и, наконец, писатель Дарий Донцов. Впечатлившись местными нравами и обычаями, он написал роман «Гоанский диагноз», являющийся по форме детективом с традиционными наркодилерскими закрутками и разборками. Роман даже признан был бестселлером года. А главным его достоинством стало место действия повествования и главные герои, которыми по большей части являлись знакомые и друзья автора под собственными именами. А также известные местные персонажи. Кроме того, эта книга нашла тёплый отклик в душе тинейджеров, бурлящих романтическими порывами и вынашивающих планы побега из дома от родителей с благородной целью познания мира. А почему бы это не сделать в Гоа, в Индии?

В условиях всемирной примитивизации понятий и перепоручения мыслительных процессов процессорам компьютерным, Гоа в целом и Моржим с его «Рублёвкой» в частности можно смело назвать Коктебелем двадцать первого века. Как в начале прошлого века в Крым, сюда съезжается богатая и не очень околюскусственная тусовка, считающая себя богемой. С детьми, нянями, мелкими, трясущимися от холода и страха в сорокаградусную жару собачонками, с чемоданами, коробками и картонками «пережить холода», побухать, «вдуть кокоса», «пыхнуть гаджубаса» и так далее. Только теперь этот список пополнили психоделики, продукт нашего странного времени, но человек остался человеком, и его невозможно переделать ни указами, ни статьями уголовного кодекса — это жизнь. Хорошо, что остаются ещё на земле оазисы, резервации, где есть другая культура, отличная от официальной, и, возможно, более традиционная.

И что есть правительства, понимающие это или видящие в этом коммерческую выгоду: главное — результат...

А ведь ещё недавно это был самый малопосещаемый уголок северного Гоа, состоящий из глухих и диких рыбацких деревень. Случайно занесённые сюда иностранцы старались побыстрее выбраться из стойкого духа вялящейся рыбы и поехать дальше, в обжитой за счёт фриков иностранного происхождения Арамболь. Потом ищущая уединения русская семейная пара, прельщённая смешной ценой, сняла здесь дом. На следующий год они привезли сюда своих друзей... потом те своих... Чтобы далеко не ездить, открыли русский ресторан, потом ещё один.... Рыбаки, учуяв халяву, поняли, что её запах значительно приятней аромата сушащейся рыбы, бросились сдавать свои жилища, переселяясь на туристический сезон в шалашики у себя же во дворе. На вырученные деньги они стали строить гестхаузы с плоскими литыми бетонными крышами, с торчащей арматурой, чтобы, сдав их, заработать денег, а в следующем сезоне достроить ещё этаж. Рыбу в промышленных масштабах они ловить бросили, переквалифицировавшись в строителей и содержателей постоянных дворов. Русские настолько радовались низким ценам, в разы отличающимся от курортных представлений наших соотечественников, что их приходилось поднимать каждый сезон. Скоро русские стали сами покупать участки земли и строить гостинички, первой ласточкой из которых стала «Касабланка». Цены в них отличались от индийских, зато полностью соответствовали тем самым россиянкам представлениям о стоимости суточного проживания в пяти минутах ходьбы от пляжа. Так формировался имидж Моржима, теперь это, пожалуй, самое дорогое место в Гоа, а может, и во всей Индии. Ходят слухи, что пацаны из Питера арендовали на несколько лет большую часть моржимского пляжа, чтобы сделать здесь русскую зону отдыха под названием «Наша Раша». Они даже заказали многометро-

вую статую Ленина с вытянутой рукой, типа «Правильным путём идёте, товарищи...». Ленин, правда, сильно смахивал на заболевшего араба, а подпись на пьедестале гласила: «LENIN V.I.». Восхищенные индийцы и иностранцы, плохо изучавшие в школе русскую историю, с почтением спрашивали: «А сколько лет правила в России династия Лениных, и после этого, шестого, были ли ещё Ленины?» Начинаящие «гоанцы» загрузили — пропал Моржим. «Нет, — сказали ветераны. — Пропали питерские деньги, вложенные в этот проект».

Дерево Битлз

Приезжали сюда Джон Леннон и Йоко Оно или не приезжали — свидетелей тому не осталось. Дерево стойко молчит, а пипл, населяющий само дерево и его окрестности, в те далёкие семидесятые прошлого века ещё не родился. Сколько лет дереву, тоже достоверно неизвестно. Наверное, современная наука способна ответить на подобный вопрос достаточно точно, но задать этот вопрос никому не приходило в голову. Да и зачем? Святыня она и есть святыня, независимо от возраста, но уж пара сотен набежала. Имя тому дереву — Баньян.

Баньянами, или Банианами, называют несколько похожих друг на друга видов, относящихся к фикусам. Свою жизнь, как правило, они начинают, паразитируя на другом дереве, попав в виде семечки в трещину или дупло. Птицы очень любят лакомиться плодами Баньяна, а семечки плохо перевариваются. Вместе с птичьим навозом, являющимся хорошим удобрением, они могут прорасти где угодно, но на земле ростки не выживают — обычно их съедают коровы. Молодому фикусу необходимо пустить воздушные корни, а для этого нужна высота. Далее корень достигает земли, прорастает и

становится стволом, крепчает, утолщается, с кроны опускаются новые и новые корешки, они тоже со временем достигают земли... И через какую-то сотню лет оно становится рощей. Сто лет для Вечности не срок, но для Истории, даже индийской, — это период, особенно сейчас, когда время ускорило свой бег. Поэтому Баньян здесь считается деревом священным. С ним многое связано в индуизме. В деревнях и городах его огораживают, ставят под ним статуи Богов, устраивают вокруг него постаменты. На подобные постаменты нельзя залазить в обуви, ведь это дом Бога, а в Индии не принято входить в дома обутым. Самая большая зарегистрированная Баньяновая роща, состоящая из одного дерева, по площади занимает шесть гектаров. Такие большие на гоанском побережье не встречаются, но по гектару можно найти. Одно из них находится в Моржиме, не доезжая «Рублёвки».

Баньян (Дерево Битлз) свят дважды: по рождению, ибо он — Баньян, и по воле случая или легенде, так как сюда во время своих восточных изысканий заглядывала звёздная пара. По крайней мере, так утверждает история, впрочем, не подтверждённая документально. Но легенды для того и существуют, чтобы в них верить, не обращая внимания на червячка сомнений. Однако Леннону и Оно ничего не мешало побывать здесь, в Гоа, они действительно заезжали, марихуану курили, знаменитые закаты наблюдали. Так утверждает местный долгожитель родом из Швейцарии, живущий тут с тысяча девятьсот семьдесят второго года. Смущает лишь месторасположение великого растения. Сейчас добраться до него несложно, а тридцать пять лет назад тут были непролазные джунгли. По джунглям и сейчас приходится пробираться, но только последние полчаса. Перед этим нужно приехать в самый северный из облюбованных иностранцами посёлков, Арамболь. По главной улице спуститься к пляжу — ошибиться тяжело, так как улица здесь одна, остальные скорее

переулки, по которым можно проехать лишь на байке. Далее направо, всё время вдоль моря, по краю утёса пробираетесь к Сладкому озеру. Дойдя до озера, обходите его с левой стороны и по любой из тропок идёте к дереву. Тропки петляют вдоль ручья, сходясь и расходясь, но в конце концов выводят вас к оврагу, перейдя через который и поднявшись вверх, вы упрётесь в тот самый Баньян. Заблудиться довольно сложно, по дороге вы не однажды встретите таких же, как вы. Они укажут направление, если вы сумеете сбиться. Периодически со стороны дерева раздаётся крик, напоминающий тарзаний, не пугайтесь — это кто-то из новой генерации хиппи славит Бога Шиву, или Брахму, или Кришну, или просто покурил лишнего и ему хорошо, и он об этом заявляет таким образом. Вокруг дерева выровненная площадка из навоза, смешанного с глиной, на которой и тусуется пришлый люд. Хозяева живут где-то в ветвях и между стволами, а площадка вокруг главного ствола является для них гостиной. Здесь же находятся изображения индуистских богов, очаг и место проповедей, которые устраивают местные и заезжие гуру или бабы (с ударением на последнем слог). Истинный баба даже имеет ксиву, удостоверяющую его бабовый статус, в которой даже написано, что он имеет право проповеди в святых баньяновых местах, а также ношение и употребление чалома в процессе оных. Ибо любое общение под деревом происходит под аккомпанемент непрерывного курения, чистки и заколачивания сего приспособления. Недавно приезжал из Америки Чопра и месяц жил под Баньяном, медитируя и наставляя молодёжь. Гуру меняются довольно часто, но есть постоянные жители. В прошлом сезоне побывал здесь со съёмочной группой Шнуров, слава Богу, петь он не стал и сам ничего из сказанного ему не понял. Не его это оказалось место. Хотя, вроде, с Ленноном коллега...

Одна русская пара, сумевшая добратся сюда (он — в длинных брюках, она — в кружевном платье и с макияжем), очень

впечатлилась, сказав: «Это какой-то самооправдывающийся бомжизм!» Наверное, они правы, но так можно сказать о многих культовых местах Северного Гоа. Люди сюда прибывают разные, некоторые, как один русский парень по имени Миша, уверенно всем объяснял, что с недавних пор в него вселился Шива, и даже предлагал задавать ему различные умные вопросы. А они с Шивой компетентно ответят. Командует здесь последний год дредастый немец или голландец, к которому раз в полгода из Европы приезжает жена с двумя детьми. Недавно он притащил откуда-то корову, поселил её на узкой площадке и кормит... не очень понятно, чем же он её кормит. Но молоко она ухитряется давать. По крайней мере, на ветках постоянно висят марли с творогом. Кроме основы ВВП — продажи творога и других продуктов жизнедеятельности героической коровы — население свободной хипповско-индуистской республики получает спонсорские вспоможения от проходящих посмотреть на них туристов. Некоторые оставляют кусок гашиша, некоторые — деньги или другие блага цивилизации, а некоторые — слово, доброе или злое — зависит от посетителей. Чаще доброе, потому что специфика контингента, приезжающего на север Гоа, не располагает ко злу и выгибанию перстов. Да и энергетика этого места лечит. Вступивший под сень Баньяна старается говорить полушёпотом, больше прислушиваясь к разговорам на разных языках. И, что интересно, со временем начинаешь понимать суть этих разговоров, независимо от того, ведутся они на иврите или американской мове. Если вы надумаете заночевать в этом кемпинге, вас никто не будет выгонять, можете спокойно расположиться в «гостиной» на навозном полу. Но лучше иметь гамак и спрей от москитов — законы джунглей здесь ещё не отменили.

В последние годы о Дереве многие узнали. Если раньше количество паломников ограничивалось пятью – шестью в день, теперь бывает трудно найти себе местечко возле очага. Лес-

ные жители сделали себе новое стойбище подальше от Дерева Битлз. Попастъ туда значительно сложнее. Надо заручиться их доверием, а это занимает время. И если они позволяют посетить их новый дом, это не значит, что вы потом сможете самостоятельно привести туда на экскурсию друзей.

Дерево Битлз, к сожалению, уже стало туристическим объектом, неофициальным, куда вас организованно привозят гиды. Не подобно бедуинской деревне в египетской Сахаре или эскимосской на Аляске, куда «местные жители» приезжают на работу с десяти утра и до шести вечера, а после заката запирают деревню на замок и на джипах разъезжаются ночевать по квартирам в городских районах. Здесь всё по-честному, но целлюлоид цивилизации заползает и сюда. Где-нибудь в Турции сюда бы уже давно проложили дорогу, заасфальтировали бы платную стоянку и продавали бы билеты на экскурсию типа «Рудимент двадцатого века, резервация отбросов общества...». Лоснящиеся белые носители культуры с хотдогами наперевес занимали бы места согласно купленным билетам на специально оборудованных зрительских рядах... Наверное, подобное возможно в будущем, но благодаря врожденному индийскому восприятию действительности и природной лени будущее это от нас ещё далеко. Спасибо правительству штата Гоа за то, что оно думает о сохранении подобных заповедных мест. И Богу за то, что он создал это правительство. Отдельное спасибо Господу Шиве, часто посещающему святыню в своих различных воплощениях.

Джус центр в Чапоре

Я специально написал название с большой буквы — оно заслуживает этого. Несколько лет назад, когда моя Карма ещё не вынесла окончательной резолюции о переезде на ПМЖ в Гоа, а

приезды носили эпизодический характер, я читал в Рунете об этом явлении. Именно — явлении, а не заведении. Найти его оказалось несложно. Нужно свернуть налево с главной трассы по дороге, ведущей из Калангута на север. Это будет следующий поворот после перекрёстка с круглой тумбой посередине. Далее — никуда не сворачивая, лишь повторяя изгибы условно асфальтированного полотна, проезжаете бензозаправку. Опять же придерживаясь главной дороги, всё время правее, которая через пятьсот метров начинает спускаться к морю, проехав мимо нового индуистского храма, расположенного по правую руку, вы упрётесь в Т-образный перекрёсток. Вот тут и расположился Джус центр.

На самом деле их два, вернее, два корпуса, каждый из которых представляет из себя ларёк с парой-тройкой столов, выставленных на улицу, и скамеек к ним. Убирает посуду и протирает столы грязной от пролитого сока тряпкой индеец, весьма чёрный с лица, который за несколько лет, что я его вижу, не произнёс ни слова. Готовят напитки, некоторые из которых правдивее назвать фруктовым пюре, напоминающим питание для младенцев, отец и двое его сыновей. Это семейный бизнес, хотя наёмные работники тоже есть. Заказать можно любой сок или их смесь из всего небедного ассортимента фруктов и овощей, произрастающих на благодатной индийской земле, лишь бы они в данный момент имелись в наличии. Некоторые фрукты имеют свою сезонность, как то: манго, черешня, клубника, «груши» ореха кешью, поэтому сок из них не всегда доступен. А такие повседневные, как арбузный, ананасовый, банановый, апельсиновый, папайевый, — это добро выжмут при вас в любое время года. Если ваша изощренная фантазия потребует чего-нибудь эдакого, ну, например, маракуйю с укропом и савойской капустой, то придется немного подождать. Один из сыновей хозяина сходит за недостающим на соседний развал, ведь не будет же он

держат на всякий случай капусту в холодильнике — сок из неё заказывают редко. Если чего-то не нашлось на соседнем развале, а вам ну очень хочется, и время ждать позволяет, он, кряхтя и подмигивая кривым глазом, сядет на байк — если его занят, то на ваш, если вы разрешите, — и поедет на ближайший рынок удовлетворять заказ. Конечно, в разгар сезона такого не бывает, с утра до вечера работники пресса и центрифуги трудятся, не покладая рук, но когда сезон спадает, количество посетителей уменьшается, и завсегдатаи становятся личными приятелями, обретая имя, раскрывая свои привычки и вкусы, — это нормальное явление. Сколько раз было, когда после традиционного приветствия «намастэ» хозяин, извиняясь, говорит: «Вы сегодня рано, маракуйя есть, а вот гранаты не успели привезти, подождёте? Машина должна скоро быть, или послать сына на рынок?» Гранаты на рынке дороже, чем ему привозят с базы, но ради того, чтобы не упустить клиента, он готов поступиться прибылью, ведь ему известно, что вы начинаете утро с двух стаканов конкретно этого сока, и не стоит портить вам настроение на весь день. Кроме классических соков вам могут приготовить шейки и ласси с кёрдом. Кёрд — это такая простокваша, которая делается из коровьего молока, он средней жирности. Но есть ещё и из буйволиного, такой доставит вашему организму радость насыщения на целый день. На жаре не стоит питаться по европейскому образцу, обед лучше оставлять на вечер, когда жара спадает, а среди дня довольствоваться соками, тем более что и утро здесь начинается в полдень.

Теперь о ценах. Стандартная — двадцать рупий за стакан, что в долларовом эквиваленте составляет пятьдесят центов. Это в два раза более низкая цена, чем в ресторанах. Самый дорогой сок, выжатый из клубники, пассифлоры (маракуйи), манго, граната, стоит один доллар. Можно заказать «на вынос», тогда вам выдадут наполненную соком литровую бутылку из-под минерал-

ки, естественно, б/у, сполоснутую водой из колодца, которую приносят в бачках, — водопровода там нет. Этой же водой моют стаканы, но на такую ерунду здесь внимания не обращают.

В сезон припарковать свой байк возле центра сложно. Улица очень узкая — как на ней разъезжаются автомобили, европейскому уму непостижимо. Однако по ней же ходят большие рейсовые автобусы. Иногда, чтобы повернуть возле Джус центра налево в сторону крепости Чапора и рыбацкого порта, помощник водилы, он же контролёр, вышибала и утрамбовыватель помещающихся, выбегает из транспортного средства и начинает откатывать мешающие мотоциклы, так как хозяева их, бывает, сделать этого уже не в силах. Упадок сил случается здесь по различным причинам: солнечный удар, например. Но наиболее распространённая — хороший гашиш. Или гашишное масло, товар эксклюзивный, дорогой и на любителя. Или марихуана, она же «трава», «гаджубас», «дурь», «шмаль», — имен у неё много, но в Гоа вещь менее распространённая. Первое моё знакомство с Джус центром началось именно с наблюдения за одним из посетителей, индийцем, который, традиционно улыбаясь, пытался дотянуться покрасневшим взглядом до кого-нибудь, способного помочь тронуться с места его старенькому мотоциклу. Он стоял посередине улицы на байке с работающим двигателем, сумев перегородить её так, что встречные байки объехать его не могли, как, впрочем, и байки попутного направления. Люди терпеливо ждали, когда он придёт в себя, и даже ни разу не дали ему по морде, более того, они даже не ругались, а всем своим видом показывали иностранцам, наблюдающим этот цирк, что все люди и все могут иногда не в меру расслабиться. Всё это продолжалось минут пятнадцать. Потом он собрал свою волю в кулак, взгляд его приобрёл осмысленность годовалого ребёнка, и, виновато улыбнувшись зрителям, он, слегка виляя, покатился по улице вниз, сорвав шквал аплодисментов от благосклонной

публики, кондиции которой ненамного отличались от нашего героя. Можно себе представить, что бы происходило в подобной ситуации в Москве с человеком, устроившим пробку... В худшем случае его бы убили, да и в лучшем тоже.

Традиционное потребление свежих соков традиционно сопровождается традиционным же выкуриванием чалома, или джойнта, или «косяка», или просто трубочки с кусочком гашиша. Выкуривание чалома — действие ритуальное. Нельзя просто набить эту обычно каменную или глиняную трубочку со вставленным в неё коническим камушком, гаджубасом или накрапалённым гашишем, перемешанным с табаком, и закурить. Сначала его прочищают, независимо от того, что он был почищен раньше. Для этого два человека берут бинт, продаваемый тут же для этих целей. Он пропускается внутрь трубки, далее бинт натягивается, а трубка двигается по нему. Потом чистится камень и вставляется внутрь. В это время другие сотрубки кропают гашиш, смешивая его с табаком сигареты, предварительно просушенной зажигалкой. По классике, должно быть ровно сто восемь кропаликов. Далее над миксболом, чашей из кокосового ореха, в которой всё это смешивалось, произносится мантра, воздающая хвалу Шиве, при этом надо семь раз против часовой стрелки сделать над ней круговые движения широкой частью чилома. Гашиш может быть только разновидности чарс. Который курит Шива. Смесь закладывается в трубку, самому уважаемому даётся право раскурить и сделать первую затяжку. Первым делом чалом прикладывается к сердцу, чтобы курение пошло на пользу здоровью, потом ко лбу, чтобы открылся «третий глаз» и вы прозрели, потом с благодарностью можно и затянуться. Чалом предлагается каждому сидящему за столом независимо от степени знакомства, а уж ваше дело, принять его или нет. Если принимаете, то так же должны приложить его к сердцу и лбу и поблагодарить Бога за ниспосланное. Можно воспринимать это

со смехом, или издёвкой, или отвращением к «проклятым наркоманам», но этим традициям и ритуалам многие тысячи лет, они в разы старше уголовного кодекса, современной медицины и даже христианства. По поводу Минздрава, так он вообще что-то недоговаривает. По Гоа до недавнего времени ездил сам, теперь его возит на мотоцикле младший брат, человек швейцарской национальности, ему недавно исполнилось сто восемь лет, а младшенькому девяносто шесть. Человек, ухитрившийся застать три века, живёт здесь с семьдесят второго года. Точно он вспомнить не может, но говорит, что лет восемьдесят курит. Правда, вообще никогда не курил табак и не пил алкоголь. Чудны дела твои, Господи...

Нормальный гоапипл хотя бы раз в день посещает это место. Здесь же находится доска объявлений, пестрящая русскими надписями, слегка разбавленными другими языками. На ней можно оставить записку друзьям, о чем-нибудь предупредить, прочитать последние новости с родины и выяснить место проведения ближайших пати. Внутри Центра есть полка, где можно оставить более габаритные или ценные вещи, предупредив хозяина и будучи уверенным в их сохранности. Если ваш дилер — человек серьёзный, но занятой, возможно договориться по телефону, чтобы он положил на полку нужное вам количество «дури», а вы, забрав, на её место, — причитающиеся деньги.

Так что Джус центр — это не место приготовления свежесжатого сока, это культовое место, клуб, освященный старым, святым для любого индуиста деревом, растущим у входа. Некоторые считают его Баньяном, на самом деле — это дикий инжир, подходить к стволу которого можно только разувшись. Ведь само это дерево является храмом. Здесь своя энергетика, дающая телу и душе успокоение и прилив бодрости. Независимо от того, выпил ты сока, покурил чалом или и то и другое вместе.

Ночной рынок

Ночной рынок мало чем отличается от «блошиного». Основное его различие отображено в названии. Хотя с блохами по всей Индии проблем нет, преимущество его заключается в том, что по ночам не так жарко, как днём. А главное, ночь располагает к романтике, загадочности и вкупе с понятием «восточный базар» даёт ощущение предстоящего приключения. С самого утра субботы (найтмаркет проходит в ночь на воскресенье) в душе появляется чувство предвкушения, некой сказки из «Тысячи и одной ночи», ожидающей вас. Располагается он прямо на трассе по дороге из Калангута на север, не доезжая первого поворота в Анжуну. Проскочить его, не заметив, невозможно. Вам не позволит это сделать затор при въезде на рыночную стоянку. Хозяин маркета, немец по имени Инго, живёт тут уже пятнадцатый год. Импозантный «муздрин» лет за шестьдесят, покрашенный в рыжий цвет, с длинной чёрной косой на манер Кости Дзю. Он хорошо изучил нравы местных властей и полиции, а также конъюнктуру спроса. Суть и смысл этого предприятия не торговля как таковая, а создание некой «тусовки», где к тому же можно и купить чего-нибудь. Продавцы здесь те же, что торгуют на «блошином» по средам, да и покупатели очень похожи... Хотя кто их разберёт, этих белых туристов, они ведь все на одно лицо. Так что это такой же аттракцион, шоу, представление, колорит и экзотика, как осмотр достопримечательностей и ласковое море. Предприимчивые русские гиды устраивают сюда отдельные экскурсии, в которые входит приезд-отъезд, кормёжка и два часа свободного времени на покупки. Это в корне неправильно, так как двух часов обычно не хватает, ведь суть рынка не в сувенирах и шмотках, а в атмосфере, с которой начинаешь сливаться только по прошествии этого времени, а уже пора уезжать. Ведь гиды — тоже люди, они на работе, и им, естественно, хочется

пораньше лечь спать. А вы — отдыхающий, готовый выспаться по приезде домой и не терять драгоценное время отпуска, проводимого в столь странном и загадочном углу Земли. К тому же при «организованном» варианте посещения с вас возьмут от сорока до шестидесяти долларов за подобную экскурсию с человека. А за половину этой суммы вы можете нанять такси, которое привезёт сюда вас и ещё троих ваших приятелей, водитель будет ждать всю ночь и, если понадобится, а этим часто заканчивается «волшебная ночь у Инго», погрузит обратно в автомобиль и «положит на место, где взял», возле вашей гостиницы или где вы там остановились...

В центре найтмаркета, окруженная барными стойками, находится эстрада, укомплектованная приличной аппаратурой, здесь выступают все, кому не лень это делать, — от всемирно признанных в музыке авторитетов, таких как Прем Джошуа и бывший солист ирландской роковой группы Ю-ТУ, до... да хоть вас, если вам есть что сказать, сыграть, сплясать или спеть миру. Тут же продаёт суши и роллы своего изготовления самый нормальный из докторов, китаец с Тайваня Куку. Слева сделали специальный «Русский угол». Здесь занимаются выездной торговлей русские гоанцы и русскоговорящие фрики со всего СНГ. Имеется тут и кетринг ресторана «ЧайКоффСкий», и одежда марки «Хэмп» от Васи. В дальнем углу приезжие тагильцы распевают «Эх, мороз, мороз...», облаканные русскими наркодилерами и угощающие всех водкой «Ни шагу назад» с портретом Сталина. Накрашенные российские барышни, приодевшиеся по случаю вечернего выхода в вечерние же платья и туфли на каблуках, резко контрастируют с дредастыми, по пояс голыми, обёрнутыми в тряпочку со свастиками студентами из Саратова. Так продолжается часов до двух-трёх ночи, пока волны Морфея не начинают одолевать продавцов, а покупателей — «срубать» выпитое пиво, сдобренное гашишем. Рынок начинает сворачивать-

ся. Великое «себя показать и народ посмотреть» заканчивается к обоюдному удовлетворению или без оногo. Непонятно, кто, кем и чем больше шокирован и очарован. И кто кого больше удивил. Народ возвращается в привычную среду обитания. Туристы — в цивилизованные гостиницы, уставший гоапипл — по съёмным углам, а неугомонный — по нон-стоп пати, овеванным ореолом таинственности и вседозволенности. Жалко же заканчивать полную впечатлений ночь воскресного дня банальным сном.

Калангут

Калангут — место центровое, и этим всё сказано, со всеми прилагающимися минусами и плюсами. Если вы хотите спокойствия, единения с природой и чтобы вас поменьше трогали, вам не сюда. Здесь движуха, торговля, «пасматры», «купи барабан» и много-много индийских отдыхающих. Индийцы, приезжающие из других штатов (местные в воду вообще не лезут, разве что по нужде), предпочитают центральную часть калангутского пляжа и Багу. Бага — это район Калангута направо от центрального круга, если смотреть на море. Тут, возле центрального круга, расположился круглосуточный ресторанчик «Дэвид плейс», где готовят самый вкусный чиз наан — лепёшку, испеченную при тебе на тандуре, пропитывают сыром, и тандури чикен — курицу ядовито-красного цвета, зажаренную всё в том же тандуре, вертикальной барбекюшнице или шашлычнице. По левую руку от вас и сзади — собственно сам Калангут. За спиной располагается самая оживлённая торговая улица, бутики, где можно купить довольно приличные вещи, тайские и индийские, сделанные для известных европейских фирм, ну и, естественно, море барахла, которое здесь почему-то смотрится, а по приезде домой кажется полной шнягой. Сувениры, всё для курения гашиша, сам гашиш,

ГОАНСКИЕ « ХРОНИКИ

Игорь Станович

www.goahroniki.ru

ИСПОВЕДЬ ДАУНШИФТЕРА,
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

NO FOTO

Психоделический пазлоромантик

...Колумб, отправляясь в Индию и открыв Америку, лукавил. Он был в Индии. Он нашёл туда морской путь. ОН ОТКРЫЛ ИНДИЮ. И сделал это гораздо раньше, чем его распиаренное путешествие, закончившееся истреблением индейцев. Он заранее понял, что ожидает объекты его открытий. А открыв для себя Индию, он протусовался тут месяц. Оставил часть экипажа строить себе поселение и всё подготовить для его, Христофорова, переезда на ПМЖ в сей благодатный край по выходу на пенсию.

Каждый день народ на горе торчит в прямом и переносном смысле этого слова, облегчая Светилу задачу, по крайней мере, они так думают. А Солнце, тем временем пересекает через зенит тропическое небо, нагло показывает изумлённой публике свою рыжую жопу, приспуская исподнее редких облачков, чуть ли не вслух произнося на разных языках слово «фак», садится в бескрайнее зелёное море джунглей, волнующееся внизу.

- Да, оно, конечно, платите вы исправно, что и говорить, только вот хасиды эти Анжунские жалуются на вас. Говорят, мы тут с семидесятых годов обосновались, бизнес свой честно вели, налоги платили, никого не обижали, даже не убили никого ни разу, арабов-то вокруг нет. А тут эти приехали, настырные такие, носятся по всему Гоа, клиентов наших переманивают, демпингуют, поцы.

ГОАНСКИЕ ХРОНИКИ

УДК 82-31

ББК 84-44

С 11

Станович И.

С 11 Гоанские хроники. — М.: ООО «Лоцман РА», 2008. — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-91193-013-4

**Рисунки, иллюстрирующие книгу,
являются произведениями Мастера Зен Куку
и взяты с его разрешения.**

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения
издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.

© Станович И., 2008

© ООО «Лоцман РА», 2008

ISBN 978-5-91193-013-4

Изгорь Станович

ГОДНСКІЕ ХРОНИКИ

...если у вас нет
паранои, это не значит,
что за вами не следят...

аптеки с весьма интересными лекарствами, банки, супермаркеты площадью два на четыре метра — всё это здесь и на дороге ведущей в Кандолим — здесь же, за углом. Тут находится самый большой в округе продуктовый рынок, заходить на который первые три дня пребывания в Гоа не рекомендуется. Оно и в холодной России на рынках пахнет не фиалками, можете представить, как благоухают при тридцати — сорока градусах торговые ряды, где продают рыбу, мясо, кур, как живых, так и убитых, овощи, фрукты, некоторые из которых и в самом свежем виде пахнут так, как будто их уже один раз съели. Дополняет палитру запахов сточная канава и полное отсутствие туалетов, вернее, туалет тут находится везде, и безкомплексные индийцы далеко не отходят.

Недалеко от рынка находится ресторан «Москва», о чем сообщает неприметная вывеска на русском языке. В сезон места лучше букировать, потому что столика там всего три. Был ещё один русский ресторан на пляже за гостиницей «Каса де Гоа», правее, назывался он «Пут-ин», перед ним находился колодец, на котором были надписи «ДМБ 1926 тов. Сухов», «ЦСКА чемпион», а сбоку был бар «Ван доллар», где всё продавалось по доллару соответственно. Ресторан держал Игорь, местные прозвали его Ганди за круглые очки, выбритый череп и ум, наверное. Готовили там получше, чем в других русских ресторанах, но место оказалось не «русское», англичане заказывали квашеную капусту с пивом, а случайные соотечественники не делали заведение рентабельным. А может быть, сказалась близость крематория, находящегося недалеко, с сопутствующим временами запахом.

«Зачапоречье» и другие местечки административно-народного деления Северного Гоа

Примерно треть территории Северного Гоа находится за рекой Чапора. Раньше, чтобы попасть туда, приходилось приезжать в Сиолим и на пароме перебираться на другую сторону реки. В двухтысячном построили мост, паромная переправа прекратила своё существование, бетонированный съезд к реке перекрыли сваренной из металлических труб калиткой, заперли на висячий замок, открыть который из-за ржавчины уже невозможно, и оставили сей памятник в назидание будущим поколениям. Это дало возможность посещать «Зачапоречье», не обращая внимание на часы, ведь раньше, если у вас присутствовало желание вернуться обратно, надо было успевать на последний фарибот, отчаливающий в десять вечера. Опоздавших ждали на выбор: прошвырнуться до моста, находящегося километрах в ста пятидесяти; заночевать на пляже с таинственным названием Тартл Бей, где в сезон размножения тысячи черепашат по ночам выбирают из песка и «тараканят» к воде; снять гестхаус где-нибудь в Моржиме, Ашвеме, Арамболе или уехать в самый северный угол Гоа на песчаные дюны, поросшие то ли кипарисами, то ли туями, очень напоминающими балтийские сосны. Сюда обычно приезжают употреблять псилоцибиновые грибы и после общаться с природой. Но об этом в другом рассказе.

Термин «Зачапоречье» ввёл в обиход Игорь Ганди. Глядя через реку с вершины горы из крепости Чапора, он сказал: «Да, велико Гоа... а русские поселились здесь, в уголке от всех, за Чапорой. Любим мы Зачапоречье себе устраивать...» Так и повелось, что Северный Гоа у русских делится на:

1. Кандолим, Калангут, Бага, Арпора — излюбленные места отдыха людей со средним достатком: «путевочников», «чемоданщиков», «двухнедельников», — в основном, англичан, немного русских, немного немцев (их в Индии, как ни странно, мало), финнов и прочих шведов, а также самих индийцев. Здесь и жильё дорогое, и «звездатые» гостиницы, и ресторанные цены, рассчитанные на людей, которые к ужину надевают брюки с рубашкой. В местных заведениях не принято курить гашиш «в открытую». Здесь же расположились известные попсовые дискотеки: «Кабана», лупившая лазером по низколетящим самолётам (сейчас военные это запретили), «Титос» и «Мамба», находящиеся во владении одного человека, поэтому придерживающихся одного стиля в музыке — R&B

2. Анжуна, Вагатор, Чапора, в последнее время становится популярным Сиолим. Здесь живут «сезонники», «постоянники», фрики, панки, хиппи, художники, ремесленники и прочий полутрудовой-полуотвязный народ. Тут находятся главные «святыни» иностранцев. Джус центр в Чапоре — скорее клуб, куда можно приехать повидаться со знакомыми. Некоторые проводят тут целые дни. Здесь узнают последние новости про Индию, Гоа, Рашу, оставляют записки или объявления на специальной доске, курят чалом, ну и заодно пьют сок, стандартная цена которого, за исключением двух-трёх экзотических фруктов, составляет двадцать рупий за стакан, это половина доллара. «Найнбар» — место, где можно послушать настоящий транс со всеми втекающими и вытекающими из этого последствиями. Работает по-индийски — с пяти до десяти вечера, но им хватает... Здесь работают «вживую» и бесплатно лучшие диджеи направления «Гоатранс», потом диски с их композициями продаются на ночном и «блошином» рынках. Сюда можно приехать и, взяв за полдоллара стакан «лемон соды», прекрасно провести вечер, если у вас с собой есть что покурить. Если нет, то вас угостят соседи,

увидев ваше расстроенное выражение лица. Или просто спросите на стойке. Известный в специальных кругах «Интернет-кофейшоп», «Кёрлис» и «Шива вaley» на пляже в южной Анжуне, славящиеся своими полупулегальными «опенэйр пати». Кстати, хозяин одного из них, мистер Кёрли, недавно избран в местный совет самоуправления, панчат, что, по всей видимости, упростит ему задачу в проведении этих мероприятий на радость отдыхающим, и патрульные вертолёты не будут барражировать над пляжем, заглушая музыку. Здесь же находятся итальянские и еврейские поселения с национальными кафешками, пиццериями, кондитерскими, и даже кофейня ташкентского грека Тэо, в поисках лучшей жизни эмигрировавшего из Узбекистана сначала на историческую родину, потом сюда. У него готовят лучшие профитролы, а напротив держит массажный аюрведический салон его жена — японка с культовым именем Ёка. А также флимаркет, он же «блошиный» рынок, функционирующий дотемна по средам, как раз недалеко от «Кёрлиса», ночной рынок, также находящийся недалеко от Анжуны, но административно относящийся к Арпоре. В эти места предприимчивые русские гиды устраивают отдельные экскурсии, особенно для людей, отдыхающих в южной части Гоа, так как психологически это кажется далеко, другая часть штата все-таки. А с учетом индийских дорог и навыков вождения у местных водил путь занимает более часа. Однако дешевле это делать на такси или селиться на севере, так как тамошние таксисты, да и весь обслуживающий туристов персонал на юге за последние годы очень зажрался и обнаглел.

3. «Зачапоречье» — места, популярные у иностранцев, особенно русскоязычных, которые любят и тусовку, и спокойный, в разумных пределах, отдых после неё. Сразу за мостом через реку Чапора, если свернуть со скоростной трассы налево, начинается местность, относящаяся к Моржиму, это ещё не та, упомянутая в рассказе «Рублёвка», вотчина «не старых» русских, а несколько

деревень с вполне разумными ценами. «Рублёвка» начинается дальше. Но так как ей уже уделялось внимание, проезжаем её. А далее на север простираются Ашвем, Мандрем и, наконец, жемчужина Северного Гоа — Арамболь. Все это бывшие рыбацкие деревеньки. Конечно, некоторые жители и сейчас промышляют прежним занятием, но уже все меньше и меньше. Потому и рыба в Гоа дорожает. Наплыв иностранного контингента подстегнул разгул туристического строительства. Каждый рыбак пытается занять свою нишу в этом бизнесе. Это особенно заметно в мае, по окончании сезона, когда деревеньки начинают напоминать муравейники или иллюстрации к роману «Котлован». Сотни гасгарбайтеров вереницами — мужчины с огромными отесанными камнями на плечах, женщины с пятидесятикилограммовыми тазами цемента на головах — стекаются к скелетам заложенных ещё в прошлом году зданий, так как подвезти стройматериалы прямо к объекту не позволяют узкие дороги, более честное название которым — тропинки. Дома строят так близко, что пройти к морю становится все сложнее, а верхние этажи закрывают прежний вид на знаменитый закат. Появляющиеся легкие деньги ведут к избытку свободного времени, которое приходится убивать пьянством и тем же гаджубасом, вот и думай, что несут цивилизация и богатство...

4. Арамболь — это пока ещё вольная республика, страна фриков, панков, сюда полиция заглядывает очень редко, если уж совсем поиздержались перед зарплатой. Здешний иностранный контингент не отличается богатством, как недалёкий Моржим, здесь некоторые живут прямо на пляже или уходят направо к Сладкому озеру, куда полиция вообще не добирается из-за жары. Пробираетесь к озеру по краю утеса сквозь временные лавочки, из которых доносится главное русское слово Гоа «пасматры», а в конце пути вас встречает группа товарищей из местных с не менее традиционным вопросом: «Вер а ю фром?». Вопрос

этот контрольный, их натруженный глаз сразу определяет вашу принадлежность к северной стране. И из расплывшейся улыбки вылетает весь словарный запас великого и могучего: «Ананас, лежак, гашиш, трава, хорошо, бабки давай». Последнее — плод недолгого присутствия в этих краях норильской братвы, которая пыталась «быковать» тут в начале века, но получила отпор, причем не без потерь со стороны отмороженных ребят как в прямом, так и в переносном смысле. Их просто закидали камнями и забили бейсбольными битами, но так как гоанцы — народец мелкий и слабосильный, обошлось без жертв, а выражение осталось на память о тех событиях. Есть здесь местная достопримечательность — двухметровый голландец, от макушки до пяток покрытый татуировками, с кривым глазом и весь в шрамах; всё это он заработал здесь же за долгие годы хипповской жизни. Вот его боится даже полиция, чьё отделение он однажды разнес. Но сейчас Арамболь — спокойное место, тут самые дешёвые ресторанчики. Многие из них национальные. Эстонский с периодическими ночными пати, болгарский с очень интересной кухней, тибетские с самыми вкусными на всем побережье «момо» — большими, приготовленными на пару пельменями. Ну и, конечно, упомянутый ранее «Русский квас» с русским квасом, сваренным женой хозяина Леной. Кстати, она выиграла тендер на поставку этой кислой национальной гордости россиян во все прочие русские заведения. Жаль, что сейчас ресторан меняет владельца. Вася решил в следующем сезоне попытать бизнесменское счастье на более хлебном юге штата. Семья, понимаете ли, дочь подрастает, расходы растут, и вольный фриковский дух пасует перед напором семейной и отцовской ответственности, а может, годы берут своё? Заставить же пить квас индийца трудно, они говорят, что очень вкусно, но на лице видна вся гамма эмоций, и чтобы тот допил стакан до конца — дело невиданное. Ещё одно очень забавное блюдо, придуманное русским поваром Митей, это борщ-

пюре — необычно, но вкусно. Во всех ресторанах обязательно присутствует табличка: «Но смокинг» и ещё какая-нибудь со смыслом, типа «...оставьте драгсы всяк сюда входящий...». Что абсолютно не препятствует ритуалам курения чалома, а также «стаканным церемониям», когда кусочек гашиша, раскатанный колбаской, поджигают, подвешивая в стакане на зубочистке, а затем накрывают другим стаканом. Собирающийся дым «отхлёбывают», приподняв верхний стакан.

Арамболь, пожалуй, самое интернациональное место, при этом самое русское в своей ценовой категории. Оно пестрит вывесками на многих языках мира, от иврита до китайского. Поэтому ежегодный фестиваль фриков и фриковского искусства проводится именно тут. Рассказывать о нём надо отдельно, действо это впечатляющее. Готовятся к нему несколько месяцев с начала сезона, а проходит он в начале февраля с карнавальным шествием и театрализованными представлениями вдоль моря в сторону Мандрема. Но Гоа обладает странной особенностью — если в этом году были популярны Арамболь или Анжуна, это не значит, что на следующий сезон ситуация повторится. Посмотрим, что год грядущий нам готовит...

Флимаркет в Анжуне

Флимаркет означает «блошиный рынок», как и во всём мире, блохи тут имеются, но его основной профиль не ограничивается только этими насекомыми. Работает он строго по средам с утра и до захода солнца. Ни одного прибывающего в Гоа даже на неделю не минует участь посетить его, даже если он проживает в самом дальнем отеле на юге штата. Это действительно любопытное зрелище, правда, оно на любителя. Но один-то раз посетить стоит, хотя бы для того, чтобы составить впечатление.

Рынок довольно близко передает сущность гоанской и даже индийской атмосферы. Туда съезжаются торговцы из других штатов, цыгане, тибетцы. Проживающие тут иностранцы продают свои изделия, которые порой можно назвать произведениями искусства. Уторченные фрики — одна из трансформаций хиппи — предлагают миксболы из скорлупы кокосового ореха (весьма необходимая в хозяйстве вещь для смешивания табака и гашиша). Устраивают здесь выездную торговлю и держатели больших ювелирных магазинов. Здесь же работают несколько ресторанов-шеков, в том числе и «ЧайКоффСкий» (не путать с одноименным рестораном-близнецом в Моржиме). Я бы их пронумеровал для наглядности, но не хочется обижать владельцев, каждый из которых первоисточником считает себя. Когда-то они были партнёрами, потом разошлись и остались каждый при своём, теперь в Гоа стало два заведения, у которых даже логотипы одинаковые. Естественно, что фирменными у обоих является стандартный набор блюд из русской кухни: окрошка, борщ, пельмени, квас и квашеная капуста, правда, приготовленные непальскими поварами. В ресторанчике, выходящем на пляж, иногда играют живую музыку, помнится, выступал тут и международная знаменитость Прем Джошуа.

Чтобы добраться до всей этой вакханалии, вам придется немало попотеть. Сначала за десять рупий припарковаться во всеобщем стаде машин и байков. Не забудьте поточнее запомнить место расположения вашего транспортного средства. Далее к вам неожиданно подойдет с озабоченным лицом человек, покачает головой и, указывая на ваше ухо, начнет причитать и удивляться, как это вы вообще ещё живы и как вы допустили подобную запущенность своих ушей, слава Богу, что здесь оказался он и только он может помочь вам в вашем безвыходном положении. Если вы замешкаетесь, то он эффектным жестом напёрсточника извлечёт из вашего уха коричневый кусочек серы. Многие, ранее

не посещавшие Азию, попадают на эту уловку, тогда за каждый «извлеченный» из вас кусочек вы заплатите некую сумму денег и, довольный, с чувством полученной пользы, пойдете дальше. Приключение началось. Потом вам придется преодолеть довольно плотную толпу пеших торговцев с неизменными барабанами, павлиньими перьями и уродскими слониками, змейками, яйцеобразными магнитами, которые дребезжат при подбрасывании, и многим другим. Всё это вам будут активно предлагать путём сования в лицо или куда позволит достать продавец, — обычно это подростки, причем не самых высоких родителей. Есть и просто попрошайки, и различные «кормящие матери», и инвалиды, правда, без привычной россиянам камуфляжной формы — жарко. Таким образом, добравшись до центральной части, вы, наконец, оглянитесь, проверите на сохранность свои сумочки и кошельки, утрёте пот, попьёте водички и будете отовариваться. Торговаться надо со всеми и везде, кроме ресторанов, иногда цены можно опустить в десять и более раз, особенно под конец торгового дня. Тибетцы, чей основной бизнес — серебро хорошего качества, цены сбрасывают неохотно, процентов на тридцать-сорок, форенеры стараются вообще не сбрасывать, ну, если не покурили перед этим. Поэтому с ними тоже лучше иметь дело к вечеру, когда они уже расслабленные в предчувствии вечернего пати, здесь же, неподалёку, на берегу у ресторана «Кёрлис».

Нагруженные покупками и загруженные впечатлениями вы можете зайти передохнуть и подкрепиться в «ЧайКоффСком» у Кирилла или в другом шеке, только не задерживайтесь до заката или уж посидите подольше, когда рассосётся глобальный затор из вывозящих оставшийся товар продавцов и поздних посетителей. Дороги в Гоа узкие, местами две машины разъезжаются с трудом, представляете, что творится, когда сотня байков, людей, коров, рикш, такси и грузовичков решают в одно время сорвать-

ся с места и двинуться в одном направлении — к флимаркету ведёт только одна дорога.

Сладкое озеро

Спускаетесь на пляж в Арамболе по центральной улице, она там одна, остальные — это проходы между домами, по которым только на байке можно проехать. Слева, метрах в шестидесяти, увидите ресторан «Русский квас», вам туда не надо, вам в противоположную сторону, направо, вдоль моря по краю горы, с которой периодически взлетают парапланеристы. Примерно через полчаса ходьбы (быстрее вам не дадут дойти продавцы из расположившихся вдоль тропы лавчонок и ресторанчиков-шеков зазывными: «Пасматры-ы») вам откроется довольно большой, красивый, уютный песчаный пляж, с двух сторон окруженный горами. С третьей его закрывает пресное озеро, называемое в народе «сладкое». В Индии всё, что не солёное, называется сладким. Это относится как к озерам, так и к сливочному маслу, хотя сахара никуда не добавляют. Просто в нём нет соли. Озеро образуется запруженной рекой примерно метрах в шестидесяти от кромки прибоя. Это очень удобно — после морских ванн ополоснуться в пресной воде. Вода в озере прогревается до довольно высокой температуры, однако живность в нём присутствует, наверное, её термостойкая разновидность. Местность вокруг покрыта застывшими потоками лавы, свидетельствующими о вулканическом происхождении этих мест. И в октябре наблюдаются странные с точки зрения неспециалиста явления. При ярком солнце и температуре воздуха выше тридцати градусов вода у поверхности значительно холоднее, чем у дна. Иной раз горячо дотрагиваться до ила ногами. Как нас учили в школе, горячее поднимается вверх, а холодное опускается. То ли у при-

роды своя школа, то ли законы физики не действуют на территории Гоа, но на качество гашиша пенять точно не приходится, и без употребления одного аномальные явления не проходили. Ближе к середине ноября «шайтан» отступает, и успокоившаяся публика балдеет в горячем поверхностном слое, опуская ноги в прохладный кайф и безбоязненно попыхивая косяком. Рыбки, обитающие в «шизанутом» озере, тоже не дружат с «крышей», они наглеют до того, что могут забраться в плавки... некоторым нравится. А если положить руку или ногу неподвижно, то через какое-то время рыбки подплывают и начинают делать вам пиллинг, обкусывая старую, помертвевшую кожу, некоторым тоже нравится, но щиплются они иногда ощутимо.

В сезон здесь, как и в любом пляжном месте, строят временные шеки и целые бамбуковые поселения для приезжающих. Цены оригинальны настолько, что москвичи обхихичнутся: от двух долларов за день в зависимости от удаленности «удобств во дворе» и крутизны подъема к вашему шалашу в традиционном смысле этого слова. Здесь же самые низкие цены на наркотики, что, соответственно, отражается на их качестве. Полиция в эти края не добирается — далеко и потливо шагать сюда по жаре, на машине или байке не проедешь, поэтому временами их можно встретить в самом начале пути, около скал, прохладно или с тоской смотрящих на людей в плавках. Этим пользуется разношерстная толпа наркодилеров. Торгуют тут «товарами повседневного спроса» — гашишем весьма сомнительного качества, марихуаной, она в Гоа просто «никакая», говорят, местные растят её в горшках, на пальмах, подальше от посторонних глаз, поближе к солнцу. Поверить в это трудно, ибо на такой жаре полив необходим два раза в день, с гоанским «трудолюбием» это несовместимо. МДМА, ЛСД, экстази лучше здесь не покупать — гарантий, что, употребив сей дар цивилизации, вы наутро проснетесь в нормальном самочувствии, если

вообще проснётесь, нет. Да и вообще, проводить эксперименты со своим здоровьем и психикой лучше, покупая препараты у проверенных дилеров, каковыми для россиян, естественно, являются соотечественники, ведь выбор здесь велик. Ещё один бизнес, которым тут озабочены выходцы из СНГ, — катание на парашуте. Стоит это удовольствие тысячу рупий (двадцать два доллара) за полчаса, с посадкой или без, всё зависит от мастерства инструктора или судьбы — лицензию на подобный аттракцион здесь спрашивать, а тем более показывать, не принято.

Как и на любом пляже в Гоа, вас обязательно атакуют корабейники, причем если торговля барабанами и «дурью» — дело для настоящих мужчин, дам до этого товара не допускают, то тряпки, трубки, чаломы, серебро — вне половой дискриминации. О методах борьбы с ними читайте подробнее в рассказе «Чало». Далее, если повернуться к морю задом, к озеру передом, то левее в гору пойдёт тропа. Тропа петляет по джунглям вдоль реки, питающей Сладкое озеро. Примерно через полчаса петляний вы попадете к дереву Баньян, каких тут немало. Но это особенное, хотя оно не самое большое из баньянов, всего пара-тройка соток по площади, его знают на всех континентах под именем «Дерево Битлз». По преданиям, сюда приезжал Джон Леннон с Йокой Оно, недавно был Шнуров со съёмочной группой, и обещал приехать Валера Жуков из однофамильной группы. Этому дереву мы уделили отдельный рассказ.

«Катюша»

Игорь Ганди долго сопротивлялся переезду из Калангута, но он сломался. По первости он тоже спорил с бывалыми, «местными» иностранцами, что раз подался жить в Индию, надо делать это среди индийцев, впитывать обычаи, порядки, знакомиться с

кур где-то еще, а сюда привозили на машине обычно часов в шесть утра. Это был единственный минус. Но, во-первых, уши все равно лучше затыкать ватой, так как слышимость в португальских домах лучше, чем в панельных (благодаря конструкции, которая работает, как дека в музыкальных инструментах), а во-вторых, в Гоа быстро высыпашешься, если не шляться по пати со всеми вытекающими последствиями от традиционного принятия вовнутрь различных препаратов. Плюсы же выражались в свежей курятине, непривычно вкусной после московских бройлеров, выращенных на гидропонике. Продукты тут пока имеют натуральный вкус. Даже шампиньоны, трудно сказать, на чем их растят, по вкусу не напоминают полиэтиленовый пакет.

Хозяин, сорокалетний гигант в индийском понимании, под метр восемьдесят, католик, с по-россиянски большим золотым крестом на цепи, так ловко орудовал огромным мачете, разделявая бестолковых курочек, что те не успевали даже чирикнуть. По гоанским меркам это был маньяк-трудоголик. Он сам выбирал покупателя птичек, взвешивал их в живом виде, обездвигив нажатием пальца куда-то в их пах и переплетя перьями крылья. Отдавал мальчишке-помощнику, чтобы тот перерезал им горло и бросил трепыхаться в большую бочку. Сам он по каким-то причинам в убийстве участия не принимал. Дальше, в Индии вообще так принято, чтобы не ощипывать, сдирал с них кожу и при помощи страшного ножа разбирал по составляющим частям, если какой ресторан заказывал кусками для карри. Или, поймав на столе скачущее сердце, он складывал съедобные внутренности обратно в тушку и запаковывал в полиэтилен. Кроме этого, он лично забирался на манговые деревья, чтобы прощупать спелость плодов, лично процеживал уксус из тоди, сока кокосовой пальмы, и шелушил кокосовые орехи, очищая их от внешней волокнистой мочалки, сам гнал вонючий самогон — феню, гордость гоанских синяков. Впрочем, существовал

ещё один минус такого соседства: переехав в Сиолим, семья Ганди стала очень редко ездить на рыбный рынок, настолько удобно и просто иметь в соседях куриную ферму.

Семья «курятника» была не самая большая по индийским понятиям, но солидная для католического Гоа — с ним жили его престарелые родители. Имелись ещё пятеро братьев и сестер, живших в разных уголках Индии. А суммарное количество внуков у стариков равнялось пятнадцати плюс ещё два правнука, одного из которых, новорожденного, было обещано впервые представить обществу на предстоящем скоро праздновании золотой свадьбы вышеупомянутых стариков.

Семья Игоря Ганди, как единственные в округе форенеры, была приглашена отдельно специальным приглашением, отпечатанным на очень красивой, с тиснением, открытке. Праздник вообще был подготовлен на широкую ногу, с оркестром, кетрингом, специально построенным навесом, состоящим из полотен красного, рыжего и других традиционно индийских цветов, увенчанным весёленькими рюшечками. Игорь отметил это, так как на далекой родине занимался как раз подготовкой и проведением подобных мероприятий, работая в нефтяной компании в качестве «советника по креативным вопросам», как он сам обозвал свою должность, и даже прописал в визитке. На деле его креативы заключались в организации пьянок-гулянок, мальчишников и праздновании дней рождения «больших пацанов», любивших расслабиться после трудовых подвигов на ниве пополнения государственного кармана нефтедолларами. Поэтому ему было с чем сравнить. Конечно, масштабы, размах, манеры и финансирование немного отличались от нефтянических, так ведь и сфера деятельности гуляющих, доходы и национальная стилистика тоже другие.

В приглашении английским по белому было написано: «Мистер Игоп...», далее разъяснялось — сбор гостей осу-

ществляется с семи до восьми часов вечера. Это означало, что раньше девяти смысла приходить не было, да к тому же, если встать на цыпочки, легко заглянуть в чужой двор и действовать по обстановке. Что Игорь и делал, расхаживая по двору абсолютно голым из-за жары.

Когда количество гостей, по примерным подсчётам, приблизилось к тридцати, решено было присоединяться. Надев длинные штаны впервые за последние полгода и майку, не порезанную по последней фриковской гоанской моде, они направились к соседям. Проскочить незамеченными и тихо сесть в уголке не удалось, среди собравшихся началось шушуканье. Знающие люди самодовольно объясняли несведущей деревенщине, что это — нейборс, то есть соседи, к тому же из холодной Раши, то есть России, где сейчас погода как во фриче, то есть холодильнике. Некоторые кивали с пониманием, другие — с состраданием, трепали по голове и за щеку Илью, младшего Ганди. Он, не любивший этот индийский знак внимания, стойко терпел, предвкушая обещанный, как положено в праздники, торт. С тортом издевательски тянули. Бородатый тамада весьма интеллигентного вида, как позже выяснилось, тоже родственник, довольно умело вел мероприятие, вполне на уровне Сергея Минаева или ОСП-студии. Выполняя официальную часть, он мучил публику перечислением достоинств и жизненных достижений девяностотрехлетнего (мужчины в Индии не спешат жениться) Антона-Николая и восьмидесятиоднолетней Катрины. В том числе поименно назвал всех детей, внуков и правнуков, последнего из которых вынесла необъятных размеров мама в брючном костюме. Индийской женщины должно быть достаточно, чтобы не копать в постели, разыскивая её, к тому же полнота, жирок являются признаком достатка. Ну, а тучность, жирность — частый спутник богатства, и прятать его от окружающих — просто кощунственно. Минимально допустимое количество жировых

складок на животе у женщины среднего класса должно равняться трем, именно столько их обычно видно на открытом взору окружающих участке, где заканчивается нижняя часть сари и начинается короткая блузка или топ.

Антон-Николай уже плохо передвигался самостоятельно. Традиционный проход по кругу, когда собравшиеся посыпали златобрачующихся лепестками роз, удался ему лишь благодаря помощи одного из сыновей. Зато потом, когда его усадили в кресло и дали микрофон, он довольно членораздельно сказал благодарственную речь, также поименно перечислив всю свою родню, периодически заглядывая в шпаргалку. Мама, очень шустрая, сухонькая старушка, ограничилась тремя словами на английском и целованием последующих поколений, что способствовало сокращению официальной части, ибо муж её уже мирно дремал в кресле. Вообще, Игорь впервые увидел старейшего члена соседской семьи, на люди его редко выводили, шутка ли — дожить до такого возраста. Поэтому, когда Ганди взял слово, чтобы поздравить «молодых», он начал издалека. Речь была продумана заранее. После традиционных восхищений количеством детей, прожитых вместе лет и бодрости юбиляров, начался развес лапши о старой русской традиции ныкать с подобного мероприятия бутылку водки, для того чтобы, отмечая следующий, платиновый юбилей, торжественно открыть её. И все присутствующие тут гости, собираясь здесь же через десять лет, непременно должны будут отведать из этой бутылки, вспомнить сегодняшний день и так далее, и тому подобное. С этими пожеланиями он вручил бабе Кате бутылку водки «Русский Стандарт Платиновая», подчеркнув, что даже в названии символично упомянут металл, именем которого называют следующий, шестидесятилетний юбилей совместной жизни как в России, так и по всему миру. Всё это он высказал хоть и медленно, но на одном дыхании, чтобы не забыть и ничего не перепутать, так как говорить речь на английском

языке, в микрофон, да ещё на столь специфическую тему ему пришлось впервые, и оказалось не так просто, как думалось сначала. С мыслью о том, что он даже представить себе не мог, что придется присутствовать на подобном мероприятии в далекой, не до конца родной ему стране, и он достойно выдержит это испытание, не ударив в грязь лицом и постояв за честь России, Игорь, подумав, три раза по-русски поцеловал старую черную женщину, отчего слезы выступили у неё на глазах.

Сам слегка растрогавшись, он сел на место под удивлённо-одобрительные взгляды окружающих, и странная тишина несколько минут стояла над собранием. Потом бородатый родственник снова начал тамадить, отпуская не очень понятные для русского менталитета шутки. Выступил сводный хор из детей и внуков, под баян и две гитары они исполнили песню собственного сочинения в честь стариков. Официанты разносили маленькие рюмочки со знаменитым гоанским портвейном, имеющим вполне португальский вкус благодаря тому, что делается он по старинке, без применения новых технологий, как ещё триста — четыреста лет назад научили завоеватели, такой же ром семилетней выдержки и много-много хорошей и вкусной еды. Чревоугодие, как и на любимых Игорем юрпоративках, перемежалось выступлениями артистов, правда, всё больше самодеятельных, из родственников, как, наверное, когда-то в Раше в деревнях. Паузы заполнялись музыкальными отбивками, похожими на те, что играют во время хоккейных матчей, а отбивки — танцами.

Во время одной из возникших пауз оркестр заиграл «Катюшу». Игорь, начавший уже задумываться о том, как незаметно свалить, удивленно обернулся на Валентину.

— Ты слышишь, что они играют?

— «Катюша»? — с сомнением спросила она.

— Она, и смотри, как чётко играют, надо им слова написать. — В его голове уже звучали строчки из знаменитой песни.

Он подошел к оркестру, который уже закончил играть, и музыканты перекуривали, кто в прямом смысле, марихуаной, кто отхлебывал из бутылки пиво.

— Спасибо, хорошую русскую песню вы исполнили, вы её специально выучили, чтобы порадовать нас?

— Да, да, конечно, — ответил тот, кто выглядел главным. — А какую именно?

— Ну, «Катюшу».

— А, ну да, конечно, — радостно заулыбался тот. — А какая из них «Катуша»?

— Последняя, конечно. — Игорь, зная гоанскую привычку соглашаться со всем, что говорят или спрашивают люди, стоящие выше по положению, сообразил, что тот соглашается, абсолютно не понимая, о чем идет речь.

— А, последняя, да, да, конечно, только это не «Катуша», это старая индийская песня про девушку Кути, которая провожала своего любимого, раджа забрал его в войско, воевать с врагами, пришедшими захватить их землю. Это очень старая песня. Мы её очень любим.

«Бред какой-то», — думал Ганди, усаживаясь обратно возле жены. Он достал припасенный косячок, специально сделанный для случаев, когда придется курить на людях, — смешанный с ароматными травами гашиш. Это было собственное ноу-хау Игоря, запах от него напоминал аюрведические сигареты «Нирдош», и никто не задумывался о наркотической сущности такой сигареты. Ведь на самом деле курение марихуаны в Индии нелегально, и в таких штатах, как Керала, Тамилнаду, с этим очень строго, но на севере полиция не сильно обращает на то внимание. В Гоа же плюрализм употребления гашиша и психоделиков поднят на более высокий уровень, и возмутить полицию может лишь набитый доверху багажник, тогда они могут заподозрить вашу причастность к наркобизнесу, а этого не любит ни одна

полиция мира, — кто же жалуется конкурентов. Количество же в одну-две толы (тола — одиннадцать и шесть десятых грамма) не вызывает у них большого удивления. Но афишировать всё равно не стоит.

— Бредятина какая-то, — закурив, обратился он к Вале. — Они говорят, что это не «Катюша», а какая-то народная индийская песня.

— А я и не удивлюсь, в русском столько слов из санскрита. — Она взяла косяк и глубоко затянулась. — У них «Веды», у нас «ведать» — знать, и счет до десяти тоже похож.

— Счет — это другое, а играли «Катюшу»... и на укурку не свалишь, мы гашиш тогда ещё не употребили, когда её слушали, бред какой-то.

Праздник шел полным ходом, то ли широкая гоанская душа, то ли гашиш, то ли наркотики алкогольной группы делали своё дело, но веселящийся народ не заметил исчезновения тихо слинявшей русской семьи. Илья, так и не дождавшись торта, начал воспитанно капризничать на ухо маме, папа же с мамой, придя в благодатно-сонливое состояние после выкуренного, захотели принять положение погоризонтальней — тут быстро устаешь от жары и впечатлений. Они выбрались из-за стола и, через толпу танцующих пробравшись в свой двор, заперли ворота на замок. В Гоа запрещено шуметь после десяти часов вечера, но конечно же в подобных сегодняшнему случаях делается исключение, и соседская гулянка продолжалась до полуночи. Игорь ушёл в дальний угол их полгектарного сада, где они устроили уютное лежбище из матрасов. Далее, за забором, начинался пустырь, лальмовая рощица спускалась по дюне почти к самой полосе прибоя. Тут можно было негромко включить музыку на ноутбуке, что он и сделал, дожидаясь любимую, укладывающую спать их сына.

Он выбрал диск группы «Жуки», подаренный ему перед отъездом лично руководителем Валерой Жуковым. Почему-то ему

именно этот диск оказался более всего подходящим для сегодняшнего настроения. Пришла Валентина с фонариком, надевающимся на голову, в луче которого мутный от летящей пыльцы и влажности воздух казался густым, как жидкий кисель. Когда она легла рядом, Игорь обнял её, они сделали музыку чуть громче, раскурили трубку, и, затягиваясь по очереди, думали каждый о своём, а может, и об одном и том же, — за семнадцать лет совместной жизни они научились думать об одном и том же синхронно, не сговариваясь. Там, за дюной, шелестело волной Аравийское море, ароматный дым гашиша приятно затуманивал голову, отшумевшие соседи угомонились, и лишь собаки перебрехивались, приобщившись к празднику подъеданием остатков со стола. Надрывный, узнаваемый голос Валеры Жукова, затянул: «... э-э, и я её батарейка...». Слова песни плавно выплывали из ноутбука и, покачиваясь, плыли над дюной, огибая пальмы, смешивались с журчанием прибоя, создавая ощущения сюрреалистической несурзаицы подобного положения. В такие минуты приходили мысли, что агенты матрицы не дремлют, перенеся их всей семьёй сюда. Что они делают тут, в шести тысячах километров от родины? А может, сейчас они покурят и проснутся в своем Бутово на одиннадцатом этаже, а за окном — мокрый снег середины апреля и рыжие жилеты узбекских дворников, копошащихся у метро «Бульвар Дмитрия Донского», столь похожие по цвету на одежды погонщика слониhi Шакти, часто проходящей к их забору попить воды из шланга, когда Игорь поливает сад. Да и погонщик по виду чем не узбек? А может, так выглядит ностальгия? «Нет, — сказал себе решительно Игорь. — Наша родина — планета Земля... Надо все-таки будет записать в Раше «Катюшу» и дать им послушать. Пусть посмотрят, блин, чья это старинная народная песня...»

«... А у любви у нашей села батарейка...» — разносился над Гоа надрывный, по-русски печальный голос Валеры Жукова.

Немного о животных

— Вот скажите мне, Василий, — пристал к Васе Ботаник. — Почему в Гоа люди все такие улыбочивые, дружелюбные? Остановишься в раздумьях на перекрёстке, притормозят, спросят, не заблудился ли, куда проехать надо... А животный мир?

Вася отложил «Гоанский комсомолец», в котором с озабоченным видом изучал раздел биржевых котировок, и обычная ехидная полуулыбка вернулась на его лицо.

— Чего там у нас с животным миром произошло?

— Ну, это, злой он тут какой-то.

— Это с чего же вы, Аркадий, взяли, что он тут злой? — Вася достал из гашишницы кусочек знаменитого «Васинога» гашиша, который он привозил из Непала. Там, высоко в горах, он лично прослеживал за его изготовлением. Гашиш этот, разновидности полан, был настолько мягким, и липким, и очень крепким, что курить его среди дня мог только гоан с очень большим стажем и высокой степенью толерантности. Он отщипнул добрый кусочек, насадил его на кончик ключа от байка и начал греть зажигалкой. Кропалить такой гашиш просто невозможно. Когда кусочек расплавился и начал капать в миксбол на выкрошенный туда предварительно табак, Вася указательным пальцем по восьмёрке начал перетирать его с табаком, готовя смесь для курения бонга. Бонг — небольшой кальян, обычно забивается на одну-две, ну три затяжки. Если приколотить его «грамотно», то больше-то и не надо. Минуту после такого напаса сидишь, с трудом соображая, что это было. Обычно в Джусике, где они сидели в это солнечное утро, принято было курить чалом. Объяснялось это тем, что чалом, или чилом, это уж как кому нравится, можно курить гораздо большему количеству народа. А в Джус центре всегда найдутся «хвосты». Или знакомые, или просто сосед по столику, или турист, которого сюда привезли на экскурсию посмотреть

иную ЖИЗНЬ, которой тоже могут жить люди. Для некоторых из них подобные дегустации являются первой и последней пробой конопли. Но никто не обещал им в Гоа лёгкой жизни. Вася не любил чалом, это ещё более тяжёлая артиллерия, чем бонг. Да и по традициям из чалома можно курить только гашиш сорта чарс. Любой другой, положенный в него, — это осквернение данного нам Богом приспособления для употребления этого растения. Ведь именно чалом и курит Бог Шива. А курит он исключительно чарс — смолу с соцветий живого куста. У Васи не было чарса, у Васи был лишь полан. Вася не любил чалом, ритуалы его курения и последующей чистки каждый раз после употребления — дело хлопотное и на любителя. Да и «хвосты» лишние отпадают, увидев у тебя бонг лишь на пару затяжек.

— Вас, сударь, кто обидел?

— Во. — Ботаник гордо показал забинтованную руку. — Бандерлоги гадские. Отъехал я на Парадиз Бич, решил трипануть. Расположился там у входа в «Реди» форт. Ну, там, где речка впадает. Съел печеньку с капелькой. Сижу, жду прихода, природой наслаждаюсь. Сходил, поплавал. Рыбок таких интересных наблюдал, каких обычным зрением и не увидишь. Малюсенькие такие, прозрачные совсем. Улыбаются мне. Под кислотой зрение по-другому настраивается, как будто спектр воспринимаемых глазом волн расширяется...

— Ты, это, сейчас с кем разговариваешь? — спросил Вася сквозь облако выпускаемого дыма, передавая бонг Ботанику. — Ты это кому объясняешь?.. Туристу, что ли?

Он кивнул в сторону толстого, килограммов под сто пятьдесят, парня лет тридцати, который, слушая вполуха, вожделенным взглядом провожал переходящий из рук в руки курительный агрегат.

Одет он был в шорты по колено, панаму и майку с узкими бретельками на плечах с изображением Че Гевары и под-

писью «Гоа». Эту майку он купил на развале, когда посещал найтмаркет в Арпоре в ночь с субботы на воскресенье. Сначала он поел суши и момо у прилавка с надписью «Куку Зен Гарден», потом познакомился со странным человеком в круглых очках, которого все звали Ганди, также поедающим эту еду и смеющимся вместе со странным китайцем по ту сторону прилавка. Он о чем-то сказал азиату, и тот вытащил снизу тарелочку с двумя роллами. «Ага, вот они, суши с ядой», — сказал Ганди, съел одну, а второй угостил нового знакомца. По вкусу — роллы как роллы. Но через полчаса началось что-то странное. Сначала всё вокруг стало оранжевым, потом люди стали двигаться рывками, как будто им не хватало пикселей и их матрица перемещалась в пространстве, оставляя за собой размазанный след. Голоса их разносились откуда-то издалека глухо, но очень доходчиво. И смысл их был настолько понятен и логичен, что трудно было не последовать их совету, на каком бы языке они ни изъяснялись. Продавец барахолки — стокового развала с майками, некондицией и браком текстильной промышленности — показывал на ценники, висящие сверху, и объяснял, что всё это — «очень чип», любая вещь, в зависимости от кучи, стоит всего лишь от тридцати пяти до семидесяти пяти ... Но разве может воспалённый отдыхом в Гоа мозг в первом часу ночи вот так сразу определить, о какой валюте идёт речь? Туристу показалось это дорого для Индии. Ведь он привык мыслить категориями долларов и евро. И любой ценник «в заграницах» проецировался в мозгу через призму этих категорий. Но гостеприимный продавец развёл руками и сделал обиженное лицо, втолковывая, что кволити ну уж очень гуд, а у него сегодня полный «но бизнес», и если он купит у него майку с национальным героем Гоа, то потом будет благодарить Бога, что они встретились в этой жизни. Доллары Турист оставил в гостинице, но торговец пересчитал по хорошему курсу и взял рупиями.

И вот теперь в этой майке он сидел в том самом Джус центре, в котором изображённый на ней национальный герой сиживал тут же, потягивая неизменный «оранж джус», попыхивая чаломом, и пописывал свой программный роман «Старик и морфий». Так объяснил ему продавец. И мощный восторг от чувства приобщения к великому искусству переполнял душу Туриста. Отчего очень хотелось курить.

— Достанется, достанется, не переживай, я много набил, — продолжал Вася, прочитав его мысли. — Даже Турист знает эффекты ЛСД, ты к теме ближе...

Ботаник тоже затынулся, секунд шесть подумал и продолжал:

— Ну вот, решил я прогуляться. Форт осмотреть. Иду, бананами лакоплюсь, серотонин в крови восполняю. И тут навстречу выходит косяк обезьян.

— Что вы говорите... — прильнул к бонгу Турист. — А покажите на карте это место.

— Место известное, — вставил Вася, отнимая бонг. — Короче, он их бананами кормить начал. Ошибка, достойная американского туриста. Они думают, что любая обезьяна сразу видит, что они граждане супердержавы, и если их кто обидит, на тех Буш сразу авианосец «Нимиц» наслёт. Они не врубаются, что это дикое животное, а не игрушка, выпущенная в Чайне.

— Ничего подобного — остановил его Ботаник. — Никого я не кормил. Более того, увидев их, я спрятал бананы за спину. И это стало моей ошибкой. Надо было их сразу все съесть.

— Не, не успел бы, всё равно отнимут, — вмешался Турист. — Я читал в Интернете, что они настолько кровожадные, мышат едят...

— Это я даже видел. В октябре, по приезде, открываю наш дом в Анжуне на флимаркете, а в нём черепица на крыше разобрана, сидят два ханумана, или кто они там, на стене, ловят

крысят. Там гнездо крысиное на стене было. Так аккуратно берут мыша за задние лапы и хвостик, дёргают в разные стороны и вынимают вместе с позвоночником, на котором голова, кишочки. Прямо, как мы креветки чистим, и сидят, трескают, протеином балуются. На меня — ноль внимания. — За столик подсел Кирилл. — Здорово, мужики. Извини, что перебил. Аникет, один арбузный без сахара и льда.

Аникет, младший сын хозяина Джус центра «У Ганеша», «разливающий», «главный по сокам» и просто весёлый парень, мигнул обоими глазами, глядящими в разные стороны, и пошёл выполнять заказ. На самом деле в посёлке Чапора находятся два Джус центра. Один называется «У Ганеша», им управляет мужская половина семьи Ганешей, и «У Скарлет», соответственно, там банкует тётя Скарлет и её немногословный муж. В народе всё это именуется нераздельно — «Джус центр». А уже далее выбор идёт между ними. У каждого есть свои поклонники, утверждающие, что, например, клубничный Ганеши бодяжат водой и кладут сахар, а Скарлет, типа, честная. Другие говорят, что кашторэпл у Скарлет невкусный, а стаканы хуже помытые. На самом деле и там, и там соки отличные, а стаканы по всей Индии споласкивают одинаково условно. Сок, он когда из пакетиков и разных фирм, имеет различие во вкусе и качестве. По одной рецептуре одной химии побольше, по другой — другой. А когда его из фрукта выжимают, то вкус варьироваться может в зависимости от места произрастания, куста, на котором рос, сезона, полива, солнца и кучи других факторов. Но он всё равно хороший, потому как природой даден. Все замолчали, обдумывая. Кира только что пришёл, не курил, поэтому был не в теме. Его опус про приматов-монстров поверг всех в различные настроения, возбуждая разные фантазии, подстёгнутые активным веществом конопли. Некоторые представили эту картину в красках, с продолжением и весёлыми подробностями. Турист был напуган.

— Извини, Аркаша, извини, что обламываю, к слову пришлось, — вновь повторил Кирилл, доставая курительные принадлежности. — Я вам больше скажу — за прошлый сезон у нашего дома собаки трёх телят загрызли. Ну, одного корова ночью родила в кустах. Тот, ясен пень, не жилец был. Они стаей мамку отогнали и такое пати устроили — я аж из дома выходить не решался. Всю ночь рык стоял. На утро выглядываю, а у порога голова с открытыми глазёнками и копыта аккуратнo сложены. Наверное, за беспокойство оставили... или у них принято добычей делиться...

— Ничего, я привык, — спокойным голосом ответил Ботаник и продолжал, не обращая внимания на отход от темы: — Так вот, ошибка моя была в том, что я не предусмотрел их тактики, когда увидел этих двух. Я спрятал бананы за спину. А сзади, как выяснилось, находился совсем маленький ханумашик. Он, гадина, с разбега даёт мне пинка. Мне, конечно, не больно, но ведь обидно. Я поворачиваюсь, чтобы вразумить обидчика, и получаю уже более вразумительный пендаль от этих двух обломов. Один из них, наверное, вожак стаи, пахан какой-то. Здоровый, сволочь. Выхватывает у меня фрукты. А второй, который поменьше, отвешивает со всей дури. Я, уже без бананов, с ободранной рукой, поворачиваюсь к ним. И получаю от мелкого. Я к нему — мне большие «пацаны» выписывают. И так раз пятнадцать. Ну, жопа-то — хрен с ней. Хотя тоже неприятно. Но руки... ведь они рук не моют, ногти не стригут и клыки не чистят. А клыки у них, я вам скажу... вот так я, человек, который всеми фибрами своей души изучает и защищает природу... вот таким вот образом... от братьев моих младших... а гангрена, а бешенство?

Разговор перетекал уже в более философскую плоскость... Стоит немного узнать историю этого достойнейшего человека, учёного и естествоиспытателя, волею судьбы оставшегося здесь жить после окончания его контракта с индийским зоологичес-

ким институтом, по приглашению которого он несколько лет проработал в национальных заповедниках. И вот осел в Гоа.

Ещё когда он работал в институте в городе Бангалор, ребята из строителей, которые занимались запуском цеха по сборке Су-29, пригласили его на недельку отдохнуть от «настоящей» Индии в Гоа. Место это озадачило учёного ярким отличием видового ряда привычной глазу картины восточного колорита. «Востока» тут было поменьше, да и «Запад», волной накатившийся сюда, какой-то гротесково-карнавальным. Европейцев встречалось много, все они были странного вида. Ездили на нестандартных мотоциклах. С загадочными причёсками или вообще без таковых. В непонятных одеждах или обернувшись тряпчочкой. Все в пирсинге, у некоторых татуировка заменяла одежду и косметику на лице. Они постоянно курили наркотики, пили наркотики, ели наркотики, нюхали их, делали инъекции, капали в глаз, засовывали под язык и вели себя недостойным звания человека образом. Обо всём этом он прочитал заранее в местной прессе, Интернете и услышал от знакомых. Гоа его не разочаровал, а со временем даже удивил. Всё вышеперечисленное он здесь нашёл. Но понял, что тот, кто видит в Гоа только «это», то ли просто плохо видит, то ли конкретно за «этим» сюда приехал и другого не замечает. То ли просто человек недалёкий. Оказалось, что живут тут люди очень разные и интересные. Много художников, целителей всех мастей, йогов, магов, шаманов, учёных, тунеядцев, раздолбаев и прочих творческих личностей. Но больше всего было диджеев и писателей или и то, и другое, вместе взятое в одном лице, таких тоже хватало. Более того, диджеями были практически все, а писателями — через одного. Пёстрый видовой ряд развесёлых индуистских храмов здесь был разбавлен чёрно-белой строгостью католических соборов. Не встречались буддисты в рыжих одеждах. Очень редко попадались бородатые муслимы в круглых тубетейках. Сикхи в

тюрбанах были лишь заезжие, на отдых. Но над всем этим летал густой и ароматный дух полной свободы и искренняя энергетика дружелюбия и плюрализма.

Аркадий (тогда прозвище Ботаник к нему ещё не приросло) был биологом. Он изучал различные виды животных, их совместимость между собой, ареалы распространения. Его научные работы пользовались успехом в узких кругах яйцеголового сословия по всему миру. Поэтому, когда он с видом, напоминающим Паганеля из известного кино, поднимался на гору, разделяющую посёлки Арамболь и Мандрем, и узрел на ветке птицу из семейства туканов, он немного офигел. Он не был орнитологом, специалистом по птицам, но был свято уверен, что тулканы водятся только в Латинской Америке. Он сделал чёткие фотографии. Послал их своим друзьям, спецам по пернатой части. Они ответили, что в Индии могут встречаться представители этого семейства. Но данные фотки сделаны где-то в Амазонии, эта порода чисто латиноамериканская. Ему стало интересно. Он ушёл в эту проблему с головой. Перерыл кучу литературы. Полез в учебники истории. Там наткнулся на документы, проливающие свет на путешествия Колумба. И... обалдел, откуда «растут ноги». Несколько лет он писал свой научный труд, изредка улетаая в Рашу, чтобы продлить визу, закупиться «Беломором» и концентратом кваса. Труд его был более глубокий и историчен, нежели зоологические исследования.

Он выяснил, что Колумб, отправляясь в Индию и открыв Америку, слукавил. Он был в Индии. Он нашёл туда морской путь. ОН ОТКРЫЛ ИНДИЮ. И сделал это гораздо раньше, чем его распиаренное путешествие, закончившееся истреблением индейцев. Он заранее понял, что ожидает объекты его открытий. А открыв для себя Индию, он протусовался тут месяц. Оставил часть экипажа строить себе поселение и всё подготовить для него, Христофорова, переезда на ПМЖ в сей благодатный край по выходе на пенсию. Пришвартовался испанец недалеко от устья реки, при-

мерно в том месте, где сейчас стоит на мели сухогруз с надписью «Москва ДМБ 93» в Кандолиме. Когда команда высыпала на берег, вонючие и горячие испанцы бросились соблазнять местных девушек, обещая жениться и увезти их в Европу. Тем было абсолютно «фиолетово», что жениться, что не жениться, что Европа, что другая «...опа». У всех родившихся на том берегу всё было ХОРОШО. А для более близкого общения с вонючими европейскими мужиками — в те времена в Старом Свете мыться было грешно — у них имелись различные благовония, курительные травы и «кандомы», сделанные из каучука, выделяемого джек-фрутом при разрезании. От этого азиатского ноу-хау и пошло название посёлка. Только теперь это слово трансформировалось в «кондом». А городочек так и остался Кандолимом со всеми вытекающими из этого последствиями. И сейчас там живёт куча похожих друг на друга и на предка Христофора людей. Весёлых и горячих. Ведь тогда не было современных технологий и электронного тестирования изделий, они часто рвались и приходили в негодность. Зато тут росли невиданные доселе европеоидами растения, вызывающие различные эффекты в организме человека. Одни успокаивали, другие возбуждали, третьи показывали за закрытыми глазами различные страшные и красивые сцены, четвёртые вызывали непреодолимое желание обладать женщиной, и не одной, одновременно. Соответственно, женщинам — мужчиной. Короче, конкистадорова крыша отъехала в сторону. Он строго-настрого запретил команде упоминать где-либо о месте, в котором они побывали. Некоторых пришлось повесить на рее для наглядности перед командой, так как казнить в этих краях было не принято, а вид казни мог шокировать непривычных аборигенов. Он сложил на корабль семена некоторых растений, образцы флоры и фауны, немного специй, табака, мёда дикой индийской пчелы, кондомов, алмазов, сапфиров и прочей ерунды. Поймал в районе Мандрема двух туканов, на развод, и

отчалил на историческую родину. Там, объяснив, что по морю до Индии не добраться, и что больше он вокруг континентов не плавун, ибо очень переживает за корабли и людей, которых потерял во время шторма у Мыса Доброй Надежды, он скинул по дешёвке камешки придворным барыгам. На вырученные песеты прикупил под Севильей фазенду на берегу реки Гвадалquivир. И зажил человеческой жизнью, выращивая заморские растения за высокой стеной. Через несколько лет, постоянно отбазариваясь от различных предложений сплавать за тридцать земель, он понял, жизни ему тут не дадут. И какой-нибудь другой кабльеро в конце концов повторит его вояж. Прогресс неизбежен. Цивилизация придёт в Индию. Ну а дальше история всё наглядно показала.

Так оно потом и получилось, какой-то шустрый пожиратель портвейна из страны имени портвейна скоро нашёлся. Чтобы оттянуть этот момент, он сделал вид, будто сломался и не в силах устоять перед заманчивым предложением сгонять пограбить какой-нибудь соседний континент. Ему снарядили бригаду кораблей. «Большие пацаны» и прочие олигархи дали бабла на раскрутку проекта. И величайшая афёра в истории человечества началась. Он опять ломанулся искать морской путь в загадочную восточную страну. Так он официально позиционировал цели своего вояжа. На самом деле по выходе из Гибралтара он сунул под компас браслет, подаренный ему на прощание гоанкой. Тогда ещё не знали принципа полураспада или тщательно это скрывали. Браслет был сделан из какого-то металла, который сегодня бы назвали радиоактивным. Или то был принцип магнетизма, Аркадий плохо разбирался в точных науках. Стрелка компаса сошла с ума. Приставленные «глаза» из королевских спецслужб ничего не поняли. А после остановки на Канарах, на Лас-Пальмосе, где командор накурил их выращенной на даче «травой», им уже всё стало глубоко «до кастаньет» — и заморская тусовка, и

политика короля и святой инквизиции, у них наступила полная шанти. Он вытащил из-за голенища сапога подаренную гоанским вождём карту, составленную индийскими учёными. На ней были стрелочками проложены пути из различных точек земного шара в другие различные точки. В том числе и путь из Европы в Америку. Учёные с Индостана давно изучили географию планеты Земля. Командор составил по ней свою собственную карту, где изменил очертания континентов и перепутал стороны света. Так, ни шатко, ни валко, употребляя из Христофоровых неиссякаемых запасов, они и дочапали до дикого американского берега.

По дороге сложилось американское название конопли, которую в Индии называют хеш. Информация об этом событии стала доступна мировой истории только благодаря исследовательской деятельности русского учёного. На головном корабле экспедиции служили два матроса. Одного звали Хуан, другого... Мария. Мария, естественно, было прозвищем, а настоящее имя испанца история умалчивает. Но оно и не важно — в историю он навеки вошёл под именем Мария, так как был гомосексуалистом и составлял пару вышеупомянутому Хуану. Их называли семьёй, у темпераментных жителей полуострова Иберия такое не возбранялось. Вон, у них и папы, и кардиналы, и епископы баловались однополый любовью похлеще, чем это принято сейчас. Так их и звали: Мария с Хуаном. А когда они украли у Колумба очередную жменю «дури» из мешка, и это стало заметно, первооткрыватель устроил дознание. Всех построил и начал проверять карманы. Смотреть, у кого глаза красные и вид довольный. Он заметил пропажу, когда полез утром за шмальной, чтобы скрутить джоинт. До этого он не курил и был ужасно зол. Поэтому, не найдя ничего у моряков, он вернулся в свою каюту и начал приколачивать большой чалом, чтобы успокоиться и спросить у Бога Шивы, как ему жить дальше и стоит ли вообще продолжать путь, имея в соратниках столь вороватый народец. Он уже конкретно пыхнул

и даже начал задавать Шиве вопросы. Но в это время влетел его юнга, держа в потном кулачке жменю «бошечек». «Нашли, нашли», — кричал тот, озадачив и капитана, и Шиву. Капитан был уже добрый, но резкий поступок юного моряка огорчил его. Ему приходилось строго выдерживать имидж кровожадного завоевателя, ну и не расхолаживать команду до кучи. Уж больно большая историческая ответственность лежала на нём. Поэтому юнгу тоже потом повесили на всякий случай. «Ну и кто таков у нас вор?» — спросил Христофор. «Так эти же, Мария с Хуаном», — ответил мальчонка. «Ах вот кто крысячит! — заорал командор. — Мария и Хуан!!!» Его крик услышали аж на арьергардном корабле экспедиции, находящемся в трёх морских милях. Им послышалось в одно слово: «Марихуана». Когда они при помощи флажковой азбуки и сигналов огнём выяснили причину гнева исторической личности, к конопле так и пристало название. «Чего покурим?», — спрашивали друг друга матросы, а потом и индейцы в Америке. «Марихуаны», — отвечали спрашиваемые, с улыбкой вспоминая двух отвязных педерастов. Первую известную истории однополую пару связали вместе и пятнадцать раз протасили под килем корабля для сохранения имиджа первооткрывателя. Но на девятый раз они были уже мертвые. Поэтому по окончании экзекуции их не стали вынимать из воды, а просто обрезали верёвку, чтобы не заморачиваться с похоронами. А получивший в Америке признание канабис стали называть марихуана. Ведь до этого исторического случая коноплю там не знали. И ещё много чего другого, что великий мистификатор якобы привёз из Америки в Европу. И табак, и шалфей предсказателя, и картошку, и помидоры, и псилоцибиновые грибы. До Колумба они сидели там, возле своих кустов коки, жевали листья, носились, как заведённые, чтобы вырастить ещё как можно больше коки. Снова её пожевать... и так по кругу в течение многих, многих тысяч лет. А шанты у них не было. Как это часто бывает с

историей, она оказалась немного грустная. Но всё это чистая правда, подтверждённая ворохом документов из архивов.

Аркадий пытался опубликовать свой труд, достойный нобелевской премии, но кто же даст переделывать такую удобную всем знакомую Историю. Так и живёт человечество ничем не подтверждёнными мифами, не зная, откуда берётся суть вещей. нобелевскую премию ему не дали, хотя он даже распланировал, на какие исследования её потратит. Поэтому главными студентами и слушателями профессора были посетители Джусика, сидящие босиком под святым деревом, являющимся также неотъемлемой частью местечка под названием Джус центр. Только они могли понять учёного. Особенно после того, как он угощал их мастерски заколоченными чаломами. Он стал авторитетным гоаном. Прочий гоапипл с уважением называл его Ботаником, не делая различий между отраслями науки. Люди любили его.

Они ещё некоторое время поговорили на близкие к естественным наукам темы. О змеях, которыми богата гоанская земля. Сидящий за соседним столиком старейший из гоанов, двадцать пять лет живущий тут ташкентский грек Тэо, даже посоветовал, прежде чем надевать обувь, заглядывать в неё. Вдруг там притаился змеёныш. А ходить по Гоа надо шаркая, отпугивая мамашу. Вспомнили дикобраза, перебегающего через «нижнюю дорогу», ведущую в Сиолим, на которого чуть не наехал Ганди, показывавший застрявшую в штанине иглу. Обсудили насекомых, заползающих в не предназначенные для этого места. Упомянули о настенных лягушках-липухах, устраивающихся на дневной сон в кухонной посуде. Оценили колоритную пару лысого повара Андрея, бывшего шеф-повара московской «Шангрилы», и его жену модельного роста, красавицу Надежду, которых в народе называли Жирафа и Пятачок. Обсудили фанатичную активность и «попадосы» «зелёных» гоанов, гроздьями открывающих в этом сезоне рестораны. Попеняли на ментовские замашки бывшего

гаишника Андрея Ивушкина, который, воспользовавшись привезённой из России формой с полосатой палкой, «разводил» у тумбы на анжунском перекрёстке оторопевших русских туристов, разъезжающих без прав. Уже начали собираться опухшие евреи, «зажигавшие» двое суток в клубе «Вест-Энд» и прибредшие оттянуться знаменитым «хибру чаломом». Уже искали место для парковки микроавтобусики с потными людьми в панамах, одним из экскурсионных пунктов которых было посещение развалин крепости Чапора и заповедника фриков — Джус центра. День начинался, как всегда, размеренно и умиротворённо. Вдруг взгляд Туриста сконцентрировался на чистеньком бежево-белом пёсике с красным ошейником, трусившем со стороны рыбного порта.

— Вот она, та псина, которая утверждает, что заканчивала Оксфорд. — Он чуть не сбил указательным пальцем очки с носа Ботаника. — Она ещё советы мне давала, к какому врачу лучше обратиться, когда я с байка упал. Ещё гундела, чтобы, мол, не ходил к аллопатам, залечат антибиотиками.

— Какой Оксфорд, — засмеялся Вася. — Это же Чубик, он в Моржиме живёт. То у Ивушкиных, то у Ганди, то в «Нашей Раше» подхарчится у Мистера Дэ. Да и мы его здесь всё время самосами подкармливаем, он щенок ещё, организм растущий. Каждое утро у него заплыв через дельту реки, назад по сиолимскому мосту пешком или кому на «хвост» сядет, кто на скутере едет, он только внизу, между ног сидеть может, верхом сажать пробовали, сваливается.

— Здравствуй, здравствуй, Чубася, — потрепал пса по голове Ботаник. — Мы сегодня ещё не завтракали?

— Доброго утра, господа, — не совсем человеческим голосом, но очень чётко произнесла собака, по-русски обращаясь ко всем столикам. — Разрешите представиться тем, с кем мы ещё не знакомы. Чубайс Анатолий Борисович, специалист.

Глаза Туриста стали закатываться, ему явно поплохело.

— А с вами, товарищ, мы на днях виделись, у вас был инцидент на дороге? — повернулся пёс к побледневшему человеку. — Вам что, нехорошо? Я же вас предупреждал: местные эскулапы всех пичкают антибиотиками, понос у вас или золотуха. В Индии перепроизводство этих препаратов. Здесь они самые дешёвые в мире. Вот сверху и спустили разнарядку скармливать всем антибиотики горстями.

Послышался звук падающих со скамейки ста пятидесяти килограмм Туристического тела. Очнулся он на постаменте, возведённом вокруг дерева, украшенного лентами и гирляндами цветов, которое все почему-то называли Храм. То, что привело его в чувство, оказалось длинным, тёплым и шершавым языком, вылизывающим его ноги, начиная от ступней и выше, вдоль обожжённых солнцем икр, в обрывках грязных бинтов, с узором протектора от колёс мопеда лихого японского самурая. Жвачным животным не хватает соли, получаемой из пищи, человеческий пот и сочащаяся лимфа восполнили её недостаток. Вернувшееся было сознание вновь покинуло его. Криворогий бычок, дежуривший возле заднего входа в Джус центр в ожидании ведра с очистками, дослизал остатки марли, рыгнул и, навалив кучу, вернулся к месту своей постоянной дислокации, откуда чётко просматривались служебные входы-выходы обоих буфетов. Недонастроенное подсознание Туриста показывало попеременно странные картины из разных действительностей, в которых он побывал за последние несколько дней. То курящие чалом собаки с красными глазами крутили лапой у виска, а самый здоровый кобель в тёмных очках, приспустив их и показав пустую правую глазницу, покачал головой из стороны в сторону, как делают индийцы в знак согласия, и нежным баритоном пропел: «Ача, май френд. Ну что же вы, батенька, попускаться надо». Потом Турист понял, наконец, где находится.

Даже сумел повернуть голову, отчего заныли «зашкуренные» ноги. Рядом сидели евреи и итальянцы. Пили соки, курили, темпераментно обсуждали... За тем столиком, откуда его принесли под дерево, оставалась та же компания. Лишь добавились новые персонажи. Семья участника предпенсионной группы «Ну-Ну» Володи с женой Ольгой и дочерью Алёной, впрочем, более похожих на фриков. Турист не был с ними знаком, но всплывающие в памяти фрагменты из передачи «Утренняя почта», в которой на пике популярности группы часто мелькало Володино поп-лицо, усиливало ощущение нереальности событий. Ведь всё это происходило в шести тысячах километров от Останкино. Пёс Чубик, Анатолий Борисович, как специалист, вылизывал брошенные в пыль стаканчики от мороженого. «Господи, — думал Турист, опуская босые ноги на землю и влипая в свежую ароматную кучу коровьего говна, — когда же всё это закончится? Господи, ещё почти сутки до самолёта. Прилечу и сразу на обследование. В какой-нибудь институт тропических болезней, на полное обследование. Консилиум врачей... и чтобы психиатр среди них был обязательно. Господи, как они тут живут? Боже, больше ни ногой. Лучше нормальная Турция или Европа. С нормальным «олл инклюзив», с нормальным бассейном в гостинице, с нормальными «Макдональдсами» рядом, с нормальными людьми вокруг. Боже, и ни одной говорящей собаки...»

Первый сон Веры Павловны

Она прилетела ещё до начала сезона через Бомбей, по-нынешнему — Мумбай. Сняла простенький домик и зажила активной жизнью уставшего от современной цивилизации человека. До поры. Таких немало собирается в здешних краях, многие настолько успешно маскируются под «граждан Вселенной», что даже такие опытные «гоанцы», как Игорь Ганди или Вася Самрастит, не могут распознать в них соотечественников, пока те не заговорят по-русски. Одна возрастная московская пара уже третий год проживает в Индии, практически не общаясь с земляками. И никто даже не заподозрил бы их в «русскости», если бы не случайное соседство с Игорем по креслам на чартерном рейсе, летящем в Москву в середине апреля. Как выяснилось, оба отправлялись в Рашу, чтобы соблюсти индийский закон, дающий право на пребывание на территории страны не более полугода без регистрации. В полете он рассказал Ганди о том, что имел отношение к нефтяному бизнесу, лишь после этого Игорь узнал его, так как сам длительное время проработал в «Лукойле». Они нашли целую кучу общих знакомых и целый воз общих причин, побудивших их уйти с работы и уехать из Москвы. Теперь Геннадий, так его зовут, купили с женой в Гоа участок земли, завели кроликов, каких-то экзотических кур и живут в десяти километрах от моря, среди местного населения, редко-редко выбираясь тусоваться к шумному побережью. «Мы стараемся поменьше общаться с иностранцами, особенно с россиянами...» — определил он свою позицию.

Вера Павловна раньше тоже имела отношение к олигархам, вернее, к гламурной жизни, популяризируемой нынче даже на обложках школьных дневников и в сборниках ПДД и поэтому столь притягательной для молоденьких девушек. До поры. Потом молодость проходит, расплачиваться за гламурную атрибутику становится все сложнее. Здоровье начинает напоминать,

что тот запас его, который дала тебе природа и родители, не бесконечен. Силикон от жары перетекает в один угол губы. Если раньше трёхдневные загулы легко переносились в вертикальном положении, то теперь уже хочется прилечь на диванчик. А кокаин уже не является лучшим средством опохмеления. Богатый любовник становится бывшим, просит съехать со снятой им для тебя квартиры. Другие мимолетные увлечения или женились, или поменяли свои мобильники. А банально зарабатывать на жизнь проституцией не позволяют врожденная гордость и изменившаяся фигура. Тогда подруги подсказывают выход из положения. Можно поехать поработать танцовщицей-завлекательницей на курорт, где множество увеселительных заведений. И какой-нибудь из них будет бороться с твоей помощью за клиента. Но конкуренция с молодыми в дорогих европейских местах заставляет зрелых девушек под сорок перебираться подальше, в арабские или азиатские страны. Там белый цвет кожи имеет более весомое значение, чем молодость. А изъяны в фигуре становятся, скорее, достоинствами — на Востоке свои представления о женской красоте. Многие выходят таким образом замуж или находят себе постоянных ухажёров, независимо от количества уже имеющих у них жен. Короче, каждый живет и выживает по-разному, и не наше право их судить.

Настоящая фамилия Веры Павловны была Бухаркина. Причём, как утверждала её обладательница, изначально без буквы «к». Но после начавшихся репрессий, связанных с революционной и антиреволюционной деятельностью её родственника, их роду пришлось фамилию подправить, прикинувшись крестьянами с отягощенной алкоголизмом наследственностью. Это была первая трансформация. Потом она вышла замуж за студента питерского мединститута индийской национальности. Что в дальнейшем предопределило выбор будущего места жительства. Фамилия студента была Кумар. И молодая жена иностранца решила взять

себе двойную фамилию, тогда это было модно, а странность словосочетания её несколько не пугала — молодость, молодость. Это была вторая трансформация. Знай она раньше о направляющей энергетике слов и имён, возможно, и подумала бы. Но что сделано, то сделано, студент со временем стал доктором. Они развелись, он остался работать в Санкт-Петербурге, а она вместе с двойной фамилией оказалась в конце концов в Индии. Прежнее её имя было Катя, а Верой Павловной она стала уже в Гоа, когда по утрам, часов в двенадцать — для многих утро тут наступает не раньше полудня — подъезжала на своем старом, чадящем байке к Джус центру в Чапоре и радостно восклицала: «Я сегодня такой сон видела...» — «Ну вот, сейчас очередной рассказ о снах Веры Павловны слушать будем», — приветствовал её народ, рассказываясь вокруг. Ей протягивали раскуренный чалом, она затягивалась и начинала... Это была уже третья трансформация...

Сон первый (нацифистский)

Збигнев Бжезинский, как всегда элегантный, во фраке, но по требованию военного времени сшитом из камуфляжного материала, и рыжем спасательном жилете поверх него, с юношеским задором выпрыгнул из вертолёта. Пригибаясь, он подошёл к сидящему с ведёрком попкорна на пластиковой бочке чернокожему солдату.

— Кто старший? — спросил бывший вице-президент.

Солдат оглянулся, вокруг была лишь пустыня, и только пыльное иракское солнце пыталось сесть в сиреневую дымку.

— Я, капрал Вайд.

— Что, поляк? — обрадовался известный политик. — У меня есть друг Анджей, твой однофамилец, а может, вы родственники?

— Никак нет, — отчеканил солдат. — Рота морской пехоты специального назначения...

— Расслабься, солдат, — прервал его Бжезинский. — Мы не на плацу. Я прибыл сюда с секретным личным заданием президента. Моя миссия — укрепить боевой дух борцов за демократию во всём мире. И начну я с тебя, послушай, сынок, какую я расскажу тебе историю. Она ободрит тебя, поднимет твой боевой дух до небывалых высот и вдохновит на новые подвиги во имя мира и демократии. Подвисься.

Винты вертолётá замерли и обвисли. Летчики вылезли из кабины, чтобы размять ноги, и тоже подошли послушать рассказ старика.

— Только не курить, снайперы вокруг, — предупредил их капрал.

Пилоты вздохнули, спрятали сигареты за ухо и, порывшись в кабине вертолётá, вытащили оттуда несколько больших ведёрок с попкорном. Они уселись на ту же бочку и приготовились слушать.

Бжезинский начал.

«Люди во всём мире любили Америку. Они жалели её и всегда сочувствовали. Сами же американцы, как люди хорошие и хорошо кушающие, в массе своей всегда были добряками. Немного мешала наследственность, вернее, некоторые её дурные черты. Ведь население нашего континента формировалось из эмигрантов со всего света. А кто подаётся в эмигранты? Те, кто по каким-то причинам не пригодился на родине. Или родина стала для них непригодна. И потянулся к нам в поисках лучшей доли народец, за душой у которого не было ни гроша. Или с камнем в душе. Или просто преступники и казнокрады. Или разбойники, которые решили на чужом добре руки погреть. В общем, именно они и сотворили наше великое государство. Повоевали, пограбили, постреляли и ощутили себя нацией. А что делает в

первую очередь народ, осознавший себя нацией? Правильно, убирает конкурентов, то есть исконных жителей, и завоёвывает соседей, будь они неладны, чтобы территорию расширить и рабочую силу подешевле найти. Не самим же работать, для этого есть мексиканцы, пуэрториканцы и прочие латиносы, со своими каналами Панамскими и другой ерундой. Ну, с каналом-то мы быстро разобрались, его-то сразу прибрали. А вот с местным населением пришлось повозиться. Для начала решили на своих индейцах потренироваться, упразднить их, к чертовой матери. Так как взять-то с них уже было нечего: что смогли — давно отняли, вот и решили напоследок хоть скальпы снять. Ну, а для семенного фонда сотню-другую оставить пришлось — демократия, все-таки, мы её уже тогда строить решили. А как эта демократия разовьётся, глядишь, и им применение найдем, вот хотя бы в военных целях использовать будем. Куда же демократия без войн? Только войны хороши, когда их на чужой территории ведёшь, подальше от своих границ, как наш мудрый президент и делает. Ещё индейцев хорошо в качестве собак-ищеек использовать, наркотики искать или след брать, нюх у них зверский был. Одна беда — только новое поколение в резервации подрастёт, так кто-нибудь обязательно с них скальпы снять норовит. То ли привычка такая выработалась, то ли скальпы так ценились, не знаю, а может, решили, что им так идёт больше, ходить без скальпов, только лет через сто произошла у индейцев мутация на генном уровне, и стали они совсем лысыми. Чтобы снять нечего было, без волос-то кусок кожи кому нужен, такой и с задницы содрать не проблема. А тех волосатых, что мы в кино видим, так это парики, Голливуд в Китае заказывает. Факт сего генетического перерождения и на психическом здоровье нации сказался. Стали и у афроамериканцев волосы выпадать, обратите внимание, сейчас у семи из десяти негров, извини, кап-рал за прямоу, лысины от рождения. Ну да ладно, годы шли,

нация укреплялась, расширялась. Тут и ирландские бандиты подтянулись, и итальянская мафия корни дала. Алеутов вместе с Аляской за карточные долги прибрали, евреев бобруйских сагитировали переселиться, Бобруйск, правда, пришлось в Белоруссии оставить. За что теперь Лукашенко каждый день перед сном Бога благодарит, он же на территорию США не въездной. Тут и мировые войны подоспели, и их во благо американской нации употребили. И тем оружие продадим, и этим... А там Корея, Вьетнам — в общем, работы у нации хватало. Про самураев с островов вообще молчу, давно пора было из них полигон сделать, и ведь начали уже в тысяча девятьсот сорок пятом, и первые две бомбы удачно так в цель попали. До сих пор последствия радиации изучать можно, так нет, не стали до конца доводить, а ведь какая польза для науки была бы... Эх, вспоминать — одно расстройство. Теперь эти косоглазые вон какие прыткие стали, а ведь могли бы до сих пор демократии служить. Ну, ничего, тут ещё Иран, Сирия есть, опять же Корея Северная. С последними вообще поспешать надо, а то ещё сами вымрут с голодухи, так и не послужив делу мира. Как хорошо было во времена, когда Советский Союз существовал. Всё чётко и понятно. Есть враг, вот он. Демократии у него нет, значит, очевидна цель — её туда внедрить, и ведь внедряли же. А теперь с кем дело иметь приходится, я вас спрашиваю? Как прежде было: пошёл в Голливуд, взял заштатного актёришку из тех же бобруйских, Беню Ладина какого-нибудь. Загримировал, бороду приклеил и в Афганистан, «шурави» стращать. Кончилась лафа, таки этот сукин сын начал свои еврейские штучки выкидывать. Зажил той жизнью, которую мы ему, как легенду, придумали, фюрер в таблетках. Звонит он президенту и говорит: «Всё, мол, надоело по горам афганским скакать с «калашниковым», тяжёлый он, а я уже не мальчик. Ты сам по такой жаре в чалме порассекай, посмотрю я на тебя. Или делай мне по вашим космическим технологиям

чалму с кондиционером и автомат облегченный, например, из обшивки термостойкой от шаттлов, тем более что они у вас всё равно разваливаются, или ты мне не друг больше, и срал я на вашу демократию с башен-близнецов. Как они там, кстати, всё в порядке?» — «Да ничего вроде, — отвечает ему президент. — Стоят, родимые, только что-то «боинги» вокруг разлетались — к дождю, наверное. Надо будет в метеоцентр позвонить, чего там с погодой, а то я на ранчо в обед собирался». — «Думаю, скорее к грозе!» — засмеялся Беня и положил трубку. Не понял тогда президент, и не мудрено, ведь в Джорджей их с папой потом переименовали. А изначально всех мальчиков в роду называли Дэбами, а фамилия их рода была самая простая, народная, американская — Билл. Так и жил род Биллов, неся и утверждая демократические принципы на благо Америки и всего мира. Папа Дэба-младшего ещё в начале своей карьеры на самолёте летал. Летал, правда, недолго и недалеко, с берега на авианосец, который в ста метрах от него находился, самолёты на тот самый авианосец перегонял. Но однажды промахнулся мимо палубы и сел на капитанскую рубку. Да ещё шасси выпустить забыл. Да ещё с высоты метров триста. Да ещё с выключенным двигателем. А так как лететь-то недалеко было, то горючего у него были полные баки. Но авианосец был наш, американский, и сделан был он из того материала, который практически не тонет. Он лишь пополам расколослся и осел двумя половинками на дно, в ста метрах от берега неглубоко было. Так и торчит там до сих пор. Команда из воды вынырнула, капитан голову поднял: что за шутки, что за Перл-Харбор, вашу мать? Видит, на мачте, из воды торчащей, висит на парашютных стропах лётчик.

— Кто такой? — кричит.

— Майор военно-воздушных сил США Дэб Билл, — отвечает тот.

— Ну и шутки у тебя, ну ты и Дэббилл!

Так и приклеилось к нему, что теперь его имя и фамилию стали произносить слитно, и одна буква Л пропала. После этого случая многие в мире таким образом ругаться стали, на людей, которые ошибки допускают. Только не все знают, откуда это пошло. Ну и вы молчите, это государственная тайна, я вам доверяю. Фамилию они взяли мамину девичью, и всё бы было в порядке для дела укрепления демократии... Но узнал про эту историю Бенья, обнаглел окончательно. Звонит он президенту и говорит: «Предлагаю сделку — я твою Америку в покое оставляю, а ты мне поляну на Ближнем Востоке расчистишь, ведь мы же не халявщики, мы же партнёры. Уже все меня в этом регионе любят и уважают. Окромья стервеца Саддама. Как кость в горле, не пускает он меня, сука, с моими ваххабитами к себе. Говорит, что выкормыш я американский и жидомасон. Наверное, на образование моё гарвардское намекает, почему-то считается, что все выпускники Гарварда масоны. А мне Ирак уж страсть как нужен. Единственная страна такая упёртая осталась, ну, за некоторыми исключениями. И светская, и талибов не жалует, и богатая, и порядок там, один недостаток — нет в ней демократии. И папан твой тоже Саддамку не любит, тот ему, видать, бабла с нефтяных контрактов не отчинял, и с русскими дружбанится. Ты бы побомбил их малость и пару сотен тысяч солдатиков послал, тебе не убудет, народу и бабок у вас до хрена, а людям польза выйдет. А как тирана ненавистного уберёшь, страна в руинах будет, тут и мои пацаны подтянутся. Да чего там мои, они такие же мои, как и твои, многие в ЦРУ обучались. Мы там свое государство ваххабитское учредим и американцев во всём мире больше пальцем не тронем. Я тебе зуб даю, ну, может, только слегка, чтобы подозрение не вызывать. И ещё пуцу твоих в Афган мак растить, под бок к России. А то там талибы всё вытоптали, на что мы с тобой жить будем и спецоперации проводить? И главное, никому не расскажу, откуда ругательство пошло, сам знаешь какое,

с папкой твоим связанное». На том и порешили, к обоюдному удовольствию. Да только не сдержал слово, подонок. Опять обманул он доверчивый американский народ. Жалко ведь, так и дурят нас все кому не лень вот уже более двухсот лет. А ведь мы людям добро несём. Ведь мир становится лучше, и если мы остановимся в нашем движении ко всемирной демократии и не убьём всех к чертовой матери, нас просто разорвут на части, ведь вы же знаете, как относятся к Америке в этом глупом мире. Так что за работу, парни, нас ждут великие дела, не время сидеть сложа руки, вперёд».

Старик поднялся, достал из-за пазухи американский флаг, развернул его, гордо поднял над головой, и с песней «Америка, Америка...», кряхтя, растворился в густеющих сумерках пустыни, подав пример солдатам. Через несколько секунд они очнулись от эмоционального напряжения, вызванного рассказом Бжезинского. Со слезами гордости за свою родину они бросились догонять ветерана Белого дома, патриотично захватив недоеденные ведёрки национального достояния — попкорна.

Второй сон Веры Павловны

Вера Павловна любила всё большое. Мужчин, машины, деньги. Теннис также не стал исключением. Она и сама неплохо играла. В бытность свою любовницей одного окол властного чиновника постоянно посещала корты в спорткомплексе «Валери», что неподалёку от Серебряного Бора в Москве. Тогда это было не просто модно, тогда отсутствие любви к этому виду спорта в лучшем случае могли расценить, как не соответствующее статусу светской девушки и женщины государственного человека. В худшем могли инкриминировать измену родине. Это, конечно, образное выражение, но относиться к теннису индифферентно было весьма непатриотично, примерно так же, как критиковать мэра Москвы за уничтожение бассейна «Москва» и воздвижение на его месте целлулоидного аналога храма с пластмассовыми барельефами. Ведь Президентом России был Борис Николаевич Ельцин — главный мировой знаток и ценитель этой игры. Поэтому самой большой утратой для Веры Павловны было отсутствие на индийском телевидении спортивного теннисного канала. Подобного тому, что существует в России на «НТВ+». Это единственная программа средств массового оупения, которым она дурила себе голову на родине, иногда смотря новости, чтобы быть в курсе событий, дабы поддерживать светские разговоры на клубном уровне. Вере Павловне часто снились сны, героями которых были её кумиры. Иногда она сама участвовала в сновидениях в различных ролях. Но самыми главными персонажами являлись её любимые Налбандян и Сафин. Первого она уважала за странную для аргентинца фамилию и эротичное имя. Второго — за мужскую статью и красоту, а также благодаря врожденному патриотизму.

Она лихо подъехала к Джус центру, чуть не задавив телёнка, не первый день промышляющего возле него грабежами оставленных без присмотра на байках сумок со съедобными покуп-

ками, пнула его ногой и плюхнулась на скамеечку. Привычная компания во главе с ташкентским греком Тэо подвинулась, чтобы даме было удобней, и передала ей раскуренный чалом. Та сделала глубокую затяжку и поведала почтеннейшей публике:

— Сегодня опять про теннис снилось, наверное, навеял рекламный плакат с изображением Марии Шараповой. Я вчера в Панаджи ездила, там перед мостом установили. Маша какие-то часы всем втюхивает, «Ролекс», кажется.

— «Ролекс» — это разве русские?— удивился Тэо.

— Это на Спасской башне русские, а «Ролекс» вражеские, хотя стоят примерно так же, как куранты. Но дело не в этом. Мы что сюда часы обсуждать собрались?

— Нет, концепцию твоих сновидений уяснить, — в тон подыграл ей грек.

— Ну так молчи и слушай, потомок Эллады узбекского разлива, — и она начала свой рассказ.

Сон второй

(спортивно-патриотический)

Когда выдавались редкие дни отдыха во время перерывов в турнирах, Марат Сафин и Давид Налбандян любили собраться вместе, попить пива, потрендеть про девчонок, покурить травки, ну и просто расслабиться. Вот и сейчас они сидели на даче у одного из них и пили пиво. Когда пиво закончилось, Налбандян достал большой калebas, сделанный из высушенной тыквы, и предложил заварить матэ. Как истинный латиноамериканец, он очень любил матэ и никогда не расставался с любимым, подаренным ему ещё дедушкой и ставшим фамильной реликвией калebasом — сосудом, в котором заваривают бодрящий тонизирующий напиток, и с бомбижьёй — металлической соломинкой

с просверленными дырочками, препятствующими попаданию в рот заварки при питье.

— А чего, годится, — резонно заметил Марат. — Только зачем пустой пить, давай туда листьев коки покрошим, у тебя есть, я знаю, ты всегда из бутылочки коковый чай отхлёбываешь в перерывах между сетами.

— А я и не отрицаю. — Давид полез в большую сумку с запасными ракетками и прочими необходимыми теннисисту мелочами. — Вот листва тебе, иди на кухню, банкуй, плита газовая, спички возьми. Только не забывай — коку кладут, как закипит, потом сразу выключай и накрывай крышкой, и лишь через минуту сыпешь матэ.

— Есть, кабальеро, ты пока пару джойнтов накрути. «Беломор» кончился, забивать некуда, а в твоей волшебной сумке, небось, есть «Ризла», «травку» я на подоконнике в комнате оставил.

Несколько минут каждый из них занимался своим делом.

— Может, звякнем Морезме? — нарушил деловую обстановку вопрос Налбандяна.

— А чего, пусть подтягивается, она — свой парень, — ответил Сафин. — Она мне тут вообще по секрету сказала, что, как играть перестанет, сделает себе операцию по смене пола и будет на пенсии натуральным пацаном рассекать.

— И я толкую — бабки есть, пол сейчас поменять — как «два пальца об асфальт», правда, говорят, что туда сюда менять часто вредно, — размышлял Давид. — Но я не думаю, чтобы она злоупотребляла этим.

— Она мне эсэмэс прислала, — появился Марат с калебасом напитка. Он достал из кармана мобильник и стал щелкать кнопками на трубке стоимостью пятнадцать тысяч долларов. Трубка по дизайну была явно женская. Когда-то он одолжил её у Девенпорт, потому что свою потерял. Вернее, утратил, как

формулировал сам Марат, рассказывая друзьям эту историю. В тот злополучный момент он в упорнейшей борьбе выиграл последний решающий гейм, а с ним и весь матч, у Родика. Эмоции настолько захлестнули его, что он послал в зрительские ряды мячики из кармана, потом бросил ракетку, потом сорвал с себя напульсники, потом достал из другого кармана мобильник, с которым не расставался даже во время игры, ожидая звонка от мамы, и задурил его. Потом сорвал майку, трусы... Уже после сорванной майки сердца некоторых болельщиков женского, и не только, пола, стали не выдерживать выплеснутого в кровь адреналина... Далее у Марата начались большие неприятности. С исками о нанесении морального вреда, приведшего к ухудшению здоровья, и так далее, и так далее, обратилось в суд несколько миллионов американцев. Телефон, естественно, не вернули, хуже того, теперь всему миру стала доступна его телефонная книжка. Телефоны из неё можно было купить в Интернете. Журналисты дозванивались до тех поклонниц, чьи номера нашли в памяти трубки, и задавали пикантные вопросы. Оказалось, что двести сорок три девушки по всему миру ждут от него детей. И у многих на руках имеются справки о результатах генетической экспертизы, подтверждающие его отцовство. Когда же Марат примерно подсчитал размер причитающихся с него алиментов...

Но тут вмешалась мама, она оформила сына дворником на стоянку автомобилей в нефтяную компанию «Лукойл» на скромную зарплату в три тысячи долларов. А все призовые стали переводить в благотворительный фонд, зарегистрированный на острове Мэн, основной задачей которого была борьба за освобождение самцов императорских пингвинов от высиживания яиц под девизом: «Каждому яйцу теплый инкубатор». Далее по привычной схеме деньги обналичивались...

Многие арабские страны, в которых официально разрешено многоженство, призвали Марата принять их гражданство и вы-

ступать под их флагами. Жириновский предложил ради такого случая, чтобы таланты не уезжали из страны, поменять статью в Конституции и ввести многоженство в России... В общем, шороху было по всему миру достаточно. Сафин даже не выступал целый год, сославшись на травму. Он уехал в Непал, покорил там несколько восьмимысячников, в том числе и Эверест. Прошёл трёхнедельный курс повышения квалификации коноплеводов. Но через год всё утихло, и лишь изредка всплывали вопросы, связанные с этой темой, которые брали на себя семейные адвокаты.

— Во, — нашёл Марат. — «Надумаете с Додиком пыхнуть, приглашайте, целую нежно, ваша Амелька-Карамелька...»

— Звони, звони сейчас, покурим плотненько, чудить поедем все втроём,.. для начала давай этому Родик-уродик гадость сделаем. Я чего ему проиграл тогда — он, сволочь, такие гримасы на корте корчит, что смех разбирает, специально отвлекает, гад. А эта кепка его американская, как же я их ненавижу...

— Правильно, правильно, — завелся Сафин. — Моресмо его тоже терпеть не может, он у неё девчонку увел когда-то...

Из кустов появился Федерер в майке с надписью: «Don't drink and drive, lets smoke and flay».

— Так, нормальненько, они тут без меня дунули уже, — расплылся он в широкой швейцарской улыбке.

— Чего «дунули», чего «дунули» сразу?! Пиво мы пьём, кстати, всё закончилось... вот чаю заварили... — сделал удивленные глаза Налбандян. — Ты бы сбежал, здесь супермаркет за углом...

— Здравствуй, Рожа Федерер, борода из ваты... — Сафин обнял коллегу. — Не знаю, как у вас в Швейцарии, не бывал, а у нас в Татарстане в гости с пустыми руками не ходят... Правильно, Додя? — обратился он уже к Налбандяну.

— Он что, татарин? — улыбнулся Роже. — Вроде фамилия армянская, паспорт аргентинский, просто какой-то гражданин Вселенной.

— Деревня ты альпийская, образности не понимаешь.

— Во, прикольно, ты, что ли, татарин? А я думал, ты из «Лукойла».

Марат серьезно посмотрел на него.

— «Лукойл» — это контора такая, а не страна. Нефть тусует по всему миру. И там другой Сафин был, продюсер, кажется, толковый, у него даже дочь запела. И он мне не родственник.

— Ну, не скажи, — парировал Федерер. — У нас в Швейцарии в банках столько бабла их лежит, продюсеров ваших из «Лукойла»... по количеству на бюджет развивающейся страны хватит.

— Наговоры... брехня, — Марат отхлебнул матэ, — ты сам их видел, бабки эти, считал? Ну вот и не тренди, сыр вонючий. Всё бы вам на Россию наезжать. Сначала в ЕС вступите и франки свои оловянные на нормальную валюту поменяйте. А то что же получается: франки, значит, французские. Они что же вам свои старые передали, как младшеньким, когда на евры перешли? Секонд-хенд, что ли? И долго вы этим лягушатникам жопу лизать будете?

— Так, а за тримминг ответишь... — привстал швейцарец.

— Давай, давай, — Марат отложил калебас. — Ну что, засало, гвардеец ватиканский?

— Пацаны, вы чего, остыньте! — вмешался Налбандян. — Вы на корте свои понты разводите, а то ты, Марат, всё ракетки о землю ломаешь, как просрешь, а ты, Рожик, слезу пускаешь, как баба, по каждому поводу, выиграл или проиграл. Некрасиво это, и вообще мы на отдыхе...

Наступила неловкая пауза...

— Ну вот, коп родился... — засмеялся Давид, сглаживая ситуацию. — Ты Амельке звонить хотел?

Сафин набрал номер.

— Недоступна, дурочка, ну и как хочет, звоню Пирс, ей голландозы такой сканг подогнали на прошлой неделе, она угощала, бошку сносит...

— Да ну её на фиг, — запротестовал Давид. — Она как улыбнётся, у меня не то что аппетит, всё либидо пропадает. Давай кого-нибудь из ваших, Машку, например, пригласим...

— Для кого Машка, а для кого Мария, — загундел Федерер. — Гоблины вы невоспитанные.

— Ой, вы только гляньте, — опешил Марат. — Чего с тобой, это же не твой размерчик, под твой стандарт её в бигмачной год откармливать надо. Видел я твою словачку или кто она там. В три раза шире Маруськи будет.

— Слушай, мы с тобой пятнадцать минут вместе, а ты уже задолбал меня!

— Пацаны, — вмешался Налбандян. — Ну, сколько можно. Рожик, давай вали за пивом, наконец. Марат, дай ему дёрнуть как следует, а то он нам все мозги вынет, европеоид занудный.

Он достал из столика трубочку и кусок гашиша размером с теннисный мяч.

— Мароккеш? — поинтересовался Федерер со знанием дела.

— Фигакеш. Лично Марату король Непала презентовал. Он когда был в Гималаях, мастер-классы проводил в монастырях и храмах. Вот теперь шлют с благодарностью. Видишь, специально мячи теннисные из гашика скатывают и в коробочки подарочные со всякими мудрыми изречениями упаковывают, уважают.

— Ты бы поделился кусочком с товарищами? — не унимался Роже.

— Хорош клянчить, знаешь, какой волк тебе товарищ?

— Во-во, — поддержал аргентинца Марат. — Чего-то ты сам не сильно делишься. У вас в лабораториях и ЛСД, и МДМА толковый бодяжат. Небось, сам из первых рук берёшь, а нам ни слова...

— Да ты что, я эту психоту, да ни за что, покурить — святое, а это — нет. Ну, на дискотеку сходить, колёсико ещё можно

закатить. Но я уже на дискотеках год не бывал. Некогда, тренируюсь. Ну, для секса там ещё... но, опять же, очень редко... Да вы и не спрашивали никогда. Если будут предлагать, конечно, звякну...

— Ага, смотри, как засуетился, как ёж на сковородке, — засмеялся Давид.

— Не ёж, а уж у нас говорят... — поправил его Сафин, глубоко затягиваясь и почти не выпуская дыма. — Мы чего сидим-то, кого ждём, мы чего сделать-то хотели? Поехали уже, наконец, к этому Родик-уродик, в почтовый ящик ему наложим. А то вы тормоза какие-то, скучно с вами, нет у вас русского полёта души...

Они ещё затянулись по разу, встали и направились к даче Родика.

Третий сон Веры Павловны

— Вот и заканчивается сезон, май пришел на гоанскую землю, надо бы в Рашу слетать на лето, — ностальгически произнесла Вера Павловна, приветствуя собравшийся в Джус центре народ. Народу поубавилось, многие уже подались пережить мансун в Непал, на север Индии или в Европу. — Что-то и сны уже про наши края начались, и персонажи все знакомые. Будете слушать, о чем сегодня снилось?

Пипл не возражал, наоборот, все только и ждали её приезда с рассказом о новых, необычных сновидениях.

— Тогда слушайте, — удовлетворенно произнесла она и начала свой рассказ.

Сон третий

(политико-миротворческий)

Украинский президент посмотрел в зеркало, покачал головой и прослезился. Каждое утро он повторял эту процедуру, надеясь увидеть изменения к лучшему, но двойник в зазеркалье если и менялся, то уж точно не позитивно. Каждое утро в памяти всплывали картины воспоминаний того года в его жизни, когда «точка невозврата» ещё не была пройдена... А ведь он предупреждал американских и европейских советников из его предвыборного штаба... Всего пару небольших пластических операций, и хватит, сейчас наука чудеса творит. Чутка морду испоганим, визажистов со студии имени Довженко позовём, у них вон какие гримерные чемоданчики из Голливуда имеются — любой шрам, чирый, фурункул, шанкр, в конце концов, как настоящий налепить могут. И стану я мучеником в глазах народных, молва пойдёт про «руку Москвы», «след Кремля», «щупальца ФСБ». А что эти козлы? Нет, давай, чтобы всё натуральней было, последние

разработки американских лабораторий, опробовано на скунсах, заключенных в Гуантаномо и посетителей «Макдональдс». Три капли на стакан, поколбасит, как с «кислоты», а они будут кричать: «Ой, отравили, ой, убили, вороги...» А когда через месяц пройдет, можно сказать: «Вот что любовь народная и лекари заморские демократические творят...» Хорошо ещё, блин, хоть бабок заработал на этой революции долбаной, хоть здесь не всё трендэж оказалось, и впрямь эти их фонды революционные денег дали. Двадцать процентов законных комиссионных с того бабла я себе сразу на счет отчинил, потом-то хрен дождёшься... Будет, как с зельем их волшебным из цэрэушных лабораторий — колбасило так, что до сих пор флешки всплывают в голове, а струпья на морде так и не прошли ни через месяц, ни через год... Может, правда, эта стерва с косой пластмассовой что-то намутила, от неё всего ожидать можно. Может, плюнула в стакан слюной своей ядовитой, гадина. Может, бабку или Чумака какого нашла, и стакан мне заговорили, теперь пойдй разберись... Надо было сдать её тогда прокуратуре российской, глядишь, ещё бы бабла срубил, не послушал я умных людей. Теперь весь гонорар на лекарей уходит... Они, может, и заморские, только колледж медицинский заканчивали где-то под Бердичевым, прежде чем свалить в Америку.

Жоржик тоже жмотом редкостным оказался, сволочь. Ну как не понимать примитивнейшие вещи — революция, независимо от её цвета — проект долгосрочный, требующий постоянных финансовых вливаний. Первый этап — разрушение — они оплатили, потом созидать надо, они хотят, чтобы мы это делали бесплатно или на свои? Да где же это видано, чтобы хохол задарма своих братьев русских невзлюбил, а уж жопу ЕСу и пиндосам без смальца лизать — вообще нонсенс!!! Да не было такого в истории Вильной никогда. Некоторые историю нашу с опереттой сравнивают — абсолютно примитивный взгляд, смотреть надо

шире: оперетта — жанр устаревший, снобский, чуждый революционным массам, а мы ближе к народу стать хотим. И историю понятней делаем, просто, без затей, и жанры различные, как в мюзик-холле. Чего только наши братья-акробаты тяжеловесы стоят, вот сейчас они докторскую диссертацию защитят, бокс по возрасту оставят, мы их к политике приобщим. Старшего министром культуры сделаем, он по рингу вон какие коленца выделывает, значит, танцует хорошо, младшего — здравоохранения, он медицину изнутри знает, после нокаутов лечился много.

А вчера влетает ко мне в кабинет эта подруга «дней моих майданных», как всегда без стука и в форме донецкого шахтёра. Коса набекрень, орет: «Я всё придумала, всё со всеми обговорила, все согласны... и недорого... короче, нам надо объединиться в одно государство с Грузией. Всё сходится, революции у нас родственные, финансирование из одного источника, руководство общее, и инструктора одни и те же так и шныряют между нашими столицами, а руководители стран дружат семьями. Что ещё надо? А вот тут-то и начинается моё ноу-хау, слушай внимательно и лучше присядь, а то упадешь, потом меня обвинять будут в твоей падучести. Так вот, а надо нам, отгадай с трёх раз... правильно — объединяющее начало, а именно... самое главное — впереди... Сделаем мы Президентом нашей объединённой страны под рабочим названием УкраГруз... братьев Миладзе... каково? Оценил, предвижу твои сомнения, сейчас я их развею. Итак, обычно принято идти по традиционному пути и делать президентом страны одного человека, ерунда, мы великая европейская нация и имеем право на свой собственный, отличный от других путь развития. Почему России можно иметь свою «суверенную демократию», а нам нельзя свой оригинальный дубликатизированный институт президентства? Тем более, у нас это очень распространено, поодиночке и умишка не хватает, и сил, и здоровья, а два брата — грозная сила, одно це-

лое, «боевая единица». Посмотри на Миладзе — бизнес один на двоих, фамилия одна, кстати, грузинская, по прописке — хохлы. Россию знают, как свои пальцы, бабла из неё столько качают, что твой «Нафтогаз» не сравнится. Что ещё надо? А как звучит — Президент Демократической Республики УкраГруз господин Миладзе, в лице Константина и Валерия, правда, красиво и оригинально? И жить им можно будет одному — в Киеве, другому — в Тбилиси, очень удобно. Двухликий транснациональный Янус, братья Стругацкие отдыхают. Другой вопрос, куда после этого вас с Плейбойчиком пристроить? Придумаем, вы люди в политике опытные, наши работодатели вас без дела не оставят. Тебя, думаю, главой Международного валютного фонда определить можно. Ну а Мишутку — в ООН, человек он южный, темпераментный, там такие нужны, только к деньгам его лучше не подпускать — другим ничего не останется».

«Нет, надо решительно что-то делать, — подумал президент, — надо срочно лететь на Кавказ к Братцу Кролику — ещё одно прозвище, которым ласково называют они между собой грузинского президента. Надо обсудить с ним, что это надумали там за нашими спинами. Да и лекарство он «от лица» обещал, может, хоть оно поможет. Кстати, надо расспросить его, что же произошло в тот злополучный момент. Ещё до «Морковной революции», когда с генералом тем гзбэшным коньяком оттягивались. Пузырёк-то с зельем цэрэушным на столе стоял. Помнится, ещё обсуждали возможные пиарные ходы, которые советники американские предложили: «Три капли на стакан... и гундеть, мол, убили, отравили и так далее...», может, нельзя в горилку было капать, а может, какая сволочь дусту подсыпала в солонку, куда мы салом лазили, в политике всякое случается... Может, конечно, с количеством капель переборщили, считать-то уже никто не мог... тут рекомендации от спикера парламента поступали, они даже всей Радой этот вопрос обсуждали в течение

двух недель и большинством проголосовали за принятие закона о том, чтобы чиновники и прочий государственный люд принимали вовнутрь только отечественную алкогольную продукцию.

Может, и впрямь ратифицировать? Только пусть нормы потребления укажут, дам им ещё месяц на обсуждение, не больше. А то Немиров телефон оборвал, интересуется, кому госзаказ достанется на производство горилки «Радость Рады» для государственных служащих. Как же быстро у нас инсайдерская информация распространяется — не успели ещё тендер объявить, уже звонки с вопросами: «Сколько надо денег дать, чтобы этот тендер выиграть?» Да сколько ни дай кому надо, уже всё выиграли. И звонят-то, придурки, по городскому, как будто нет на свете промышленного шпионажа, а российская ФСБ — это так, пэтэушники-практиканты.

Да, горилка-горилка, сколько же ты бед принесла? Как вспомню, после той пьянки колбасило по-взрослому, даже в студенчестве «кислота» так не брала, целый месяц снилось, как «Баба Юля» с оранжевой косой на шабаш летала, оседлав меня на манер борова, ужас какой-то. Может, и впрямь она — ведьма, как этот прихвостень московский говорит? А потом ещё хуже стало, всё лицо язвами покрылось, хоть Шрека без грима играй. С Жоржем по телемосту общаемся, он, сволочь, всё хихичет, юморист. А мне-то уже не до смеха. Нервняки душат, уже и завещание составлять начал. Наконец, эти «локомотивы демократии» врубились, что тошно мне, того гляди, педикюр откину... Тут Жора сжалился и говорит, типа, приезжай к нам, у нас тут бабка есть потомственная, то ли «вуду», то ли «не вуду», короче, из афроамериканцев, «чертовщиной» ихней в совершенстве владеет. Прилетел. Было у меня подозрение, что всё это фуффло, но чтобы додуматься своего госсекретаря бабкой-колдуньей переодеть?! Хотя взгляд у неё — Ванга бы позавидовала... до толстой кишки пробивает. Ну, пошаманила, я вида не подаю, что врубился, она

черного петушка притащила, башку ему откусила, кровь цыплячью на меня льёт, а сама в конвульсиях забилась, глаза закатила, кричит неистово: «Хворь твоя не людская, хворь твоя — проявление порчи антидемократической, врагами наведённой. А спасти тебя может лишь цвет оранжевый да ЕС с НАТО животворящим. Но знай — вступить в них надо всей страной, для чего надобно экономикой рыночной признаться и стандартам соответствовать. Ну, с признанием экономики я тебе помогу, а вот со стандартами самому повозиться придётся. Ибо по упитанности населения Украина ваша не то что от Америки далека, но даже до Кипра с Албанией не дотягивает. А уж с количеством «Макдональдсов» на душу населения у вас вообще полная хрень. Так что работы непочатый край, зато, как все условия выполнятся, мир вас в эти конторы примет, тогда будете жлобным россиянам оттуда, из ЕСа, фиги крутить и поролоновую задницу Верки Сердючки показывать».

Нет, надо срочно к нашему розовощёкому «братцу-плейбойцу» ехать обсудить наболевшее, пока инструктора американские не выдули у него весь стратегический запас «Киндзмараули», которое, по последним исследованиям грузинских учёных, является лучшим в мире лекарством от всех болезней, особенно у грузинского и братских ему народов. Так что уж президента братского народа точно избавит от угрей этих проклятых. А Россия пусть думает, что она вино фальсифицированное ввозить запретила, ей же хуже, что её граждане без такого снадобья остались.

Попросил он у сына своего ключи от машины, той, что одноклассница ему подарила за то, что во время диктанта списывать давал. Дал сын ключи, вышел президент во двор, а какая именно машина, спросить-то и забыл. Стоят их там десятки, у сына класс большой, отличник он единственный, списать многие просят, охламоны. Вот он, не дурак, со всех гонорар тачками-то и берёт, в духе ценностей рыночной экономики воспитан. Пощёлкал гла-

ва государства кнопкой центрального замка на брелочке, к ключам прикреплённом, — ни одна не открывается, даже не мигает. Плюнул он, вернулся в дом.

— Покажи мне, сынку, от какой машины ключ мне дал, что-то не разберусь я, бардак ты у нас во дворе перед домом устроил. Какой-то музей автомобильный под открытым небом...

— Ой, да вы, тату, не в тот двор вышли, тот хлам, шо вы видели, я давно в детдом отдать собираюсь, пусть сироты в эти машинки играют... Вы, батьку, вон на том дворе побачьте, где у нас песочница детская. В правом углу той песочницы экскаватор шагающий стоит, на котором дед Панас нам с сестрёнкой куличики лепит... Вот за тем экскаватором и шукайте. Там ещё дорожка есть, бетоном выложенная, на той дорожке нужную вам колымагу я и оставлял в последний раз.

Вышел он в тот двор, на который сын указывал, сел на электрокар — в ногах правды нет... Заехал за песочницу, а там и впрямь стоит на дачной взлётно-посадочной полосе «Боинг 747». Не сказать, чтобы новый, не сказать, чтобы большой. Сыну-то нормально в Киев на занятия летать, а для первого лица государства скромновато. Но времена сейчас не простые, на А-380 для президента страна ещё не заработала, не покупать же на свои. Как же всё меняется! Мы в студенчестве сорок рублей стипендии имели да ещё с них алименты платили. Если бы не фарцовка джинсами и продажа водки по ночам возле стоянки такси, разве выбился бы в люди?! Сидел бы до сих пор где-нибудь в ЦБ да подписи на гривнах выводил по восемь часов в день...

— Только вы, батьку, — прервал его размышления сын, — прежде чем куда-нибудь отправляться на нём, моторчики проверьте, центральный провод посмотрите, колодочки тормозные... Мне этот антиквар дочка подруги вашей революционной впарила после свадьбы со своим рокером кельтским, это его бывший. Он на нём на гастроли гонял, вы же их, клоунов, знаете.

Как они в гастрольных турах куролятся: квасят, наркотой балуются, девчонок наберут, за штурвал пускают... Потом самолёт в порядок приводить замучаешься. Я три раза химчистку салона делал. Тем более, от этой семейки, сам знаешь, всего ожидать можно. Яблоко от прилавка далеко не катится, как ваши друзья кавказские говорят. Вы тогда с генералами горилку откушивали, кто на кухне хозяйничал, кто вам фужеры споласкивал? Сопоставьте факты: это ещё хорошо, что только рожа ваша струпьями пошла, это даже прикольно, да и американцы за своего принимают, говорят, сын нашего Шрека у славян в президентах ходит. А что будет, если ниже пойдёт? А если ещё ниже... не дай Бог! Как страной-то управлять после этого будете?

— А ты, сына, у меня умный, как дипломат, большим политиком станешь! — сказал Президент растроганно. Он украдкой смахнул скупую отцовскую слезу, поцеловал отпрыска в лоб и в гордой уверенности за будущее своей страны поднялся на борт «Боинга». Усевшись в кресло, он вытянул штурвал на себя, дал газу и помчался на Кавказ.

Сколько раз говорил он Братцу Зайчику, давай вместе насядем на Жору, пусть он ещё грошей выделит на «фундаментальные объекты демократии», мы бы на эти баблосы туннель между Киевом и Тбилиси прорыли. И ответвление бы в Балтийские страны сделали, они-то совсем Европа уже. Сразу преимуществ сколько? В гости бы друг к другу ездить. Под землёй-то ни ГАИ, ни светофоров, ни пикеты антинатовские не мешают. И экономическая выгода большая, не надо самолёты, дорогостоящие в эксплуатации, гонять. Можно так же выход в Белоруссии сделать, чтобы антинародному режиму газеты западные и журнал «Америка» подбрасывать в целях пропаганды демократических ценностей. А с ГАИ, помнится, вообще цирк вышел, я же её после революции отменил, на хрен. И кто бы мог подумать — хуже не стало, правда, и лучше тоже... Через какое-

то время пришли ко мне бывшие работники этой, с позволения сказать, инспекции, челом бьют, говорят, всё заberi, зарплату, премии, погоны, оставь только фуражку и палку полосатую. Мы себе сами на жизнь заработаем, да ещё с тобой делиться будем. Пришлось обратно их собирать. Ведь не для себя, для народа стараюсь, у них семьи, дети, родители-пенсионеры. Им иначе не прожить, это нам, мужам государственным, зарплаты хватает, что из-за океана шлют. Я на Мишку вообще удивляюсь. За тот оклад в пятьсот «мёртвых президентов», что ему конгресс США выделил, он такую красивую революцию сделал, а какую страну строит? Ну, на «банановую республику» по климату не дотягивает. Зато на «розовую» — вполне. Только всему миру разъяснить придется, что название не по цвету, а в честь революции, которая, в свою очередь, от названия цветка происходит. Иначе их за лесбиянов принимать будут. Но ещё лучше — «Батоновая», они же там все батоно, вот и страна пусть в честь них самих и называется. Мне один умник, сенатор от штата Аляска, предложил нашу Украину сделать «рыжиковой республикой», они нам по гуманитарке мицелия пришлют — засыпать им весь Майдан в Киеве и стать главным мировым производителем этих грибов. Всю Европу ими завалим, с русскими по бартеру за газ рассчитаемся, короче — перспектива. Одна беда — сделали мы анализы, оказалось, что сорт этот, который на Майдане расти может, генномодифицированный. Что Европа, что русские брать отказались...

Так летит президент над лесами, над полями. Вспоминает и планы, как ему обустроить Украину, обдумывает. Решил сделать крюк небольшой. Посмотреть, как там спорная коса Тузла себя чувствует. Не ушла ли под воду, не подмыли ли её россияне? А то у них в ФСБ ребята ушлые, могли такой приборчик изобрести, который мысли на расстоянии читает. Залезли к нему в голову и идею про подземный туннель стырили. Теперь с материка

метро рюют. Оглянуться не успеешь, как они на косяк станцию откроют. А попробуешь протест предъявить, они скажут: «Ты чего, братан, пузыришься? Это наша конечная станция Бутовской линии метро. Давай отсюда за прудик сваливай...»

Вроде тихо всё над морями, нет никаких признаков подземных работ. Дальше обогнул он российские территориальные воды и вошёл в воздушное пространство Грузии. Вот и садовое товарищество, где дача грузинского президента, облетел он несколько раз вокруг неё, покачал крыльями, разрешение на посадку запрашивая, вышел Михаил с флажками и просигнализировал — можно, мол. Приземлился украинец в огороде, там как раз между грядок дорожку плиткой выложили. Вышел он из самолёта, а навстречу уже друг его спешит. Обнялись они, поцеловались.

— Давно не видел тебя, мой страшный брат! — с юмором молвил грузин и сплюнул на всякий случай. — Да и дозвониться возможности не было. Опять этот подлый Чубайс электричество вырубил. Вот уже неделю без света сидим, все мобильники разрядились. Я тут на гору лазил, пытался так до тебя докричаться. Но ты не слышал, небось, в Брюссель ходил, в НАТО стучался?

— Дома я был, слышал всё, только отвлечься не мог. Лекаря мне австрийского прислали прыщи лечить. Методу он новую разработал. Я его инструкции конспектировал. А потом замотался, сам знаешь, какая у нас собачья работа. Ты ничего не слышал про метод лучевого воздействия?

— Это когда тебе в глаза всю ночь фонарём светят? Так мы его при допросах используем с тех пор, как товарищ Берия «лампочку Ильича» изобрёл. Хороший метод, эффективный, но терпения требует, на третью ночь только действовать начинает. Зато потом во всём признаются.

— Слушай, да вы там с вашей службой безопасности маньяки какие-то, я про медицинские процедуры говорю.

— А, про медицинские не знаю. Нам из Америки таблетки присылают, мы ими лечимся, правда, просроченные в основном, но американские даже просроченные помогают, так как у них всё самое лучшее в мире.

— Хорошо сказал, жаль, Жора не слышит, — поддержал его президент Украины. — Только в меня уже никакие не лезут, а вот на австрийца надежда осталась. Мне его нетрадиционный подход понравился, вот послушай.

Он достал из кармана пиджака мятый листок бумаги, надел очки на самый кончик носа и стал читать: «Собрать сало в количествах чем больше, тем лучше». Про количество это моё примечание. «Сало брать от свиней, разводимых в зоне, пострадавшей от радиоактивного заражения после взрыва на Чернобыльской АЭС. Натопить в бочку больших размеров». Я решил использовать ту, в которую газ на хранение закачивают, больше не нашёл.

— Так, — оживился грузин. — И как же сало с газом реагирует?

— Это другой вопрос, я им не занимался, что я тебе — химик, что ли? Так вот, газ там был российский, который они немцам уже продали. Я не знал и решил тару освободить, ну не в атмосферу же выпускать, неэкологично. Потом Гринпис все мозги вынет своим нытьём. Тут чеченцы из Лондона звонят, говорят, давай купим у тебя, чтобы добро не пропадало. Потом-то мне рассказали, какой они креативный теракт придумали, снимаю перед ними шляпу. Они этим газом шарики резиновые надувают уже два месяца, потом в Москву повезут, якобы продавать как воздушные на Рождество. А сами на Красную площадь вынесут и взорвут все сразу. Конечно, Спасскую башню не снесёт, но куранты на ней, по расчётам специалистов, встанут. А это значит, коллапс начнётся в России, ведь они до сих пор по ним все часы сверяют. Инертность мышления россиян их и погубит, наши аналитики спрогнозировали крах экономики в течение нескольких

дней. Хаос, народные волнения, коммунисты на защиту Мавзолея встанут, самолёты вовремя не взлетят, поезда не поедут, влюблённые на свидания опоздают, а это значит, семьи новые не создадутся. Соответственно, дети новые не народятся, что приведёт к демографической проблеме, и так далее, я в детали не вникал, но Россию уже можно будет в расчет не брать, как государство. А вот их месторождения весьма полезных ископаемых мы с Америкой и ЕСом поделим по-братски.

— Слушай, как умно придумано, это кто же такую операцию гениальную разработал? Я всему лондонскому «чеченскому правительству в изгнании» грузинское гражданство выпишу. Метрики выправим хорошие, что родились в городе Гори, дворянские звания дадим. У нас ведь как, все князья, у кого лошадь и кинжал есть. Да, вот это ты мне добрую весть привёз. Но что мы всё о делах да о делах. Ты же гость мой, дай мне моё кавказское гостеприимство проявить. Сейчас пить, гулять будем. Только ты в дом не спеши, там ещё пахнет немного. Я как шум двигателей твоего аэроплана услышал, попросил домик протопить, чтобы гостя достойно встретить. Не будут же президенты двух великих европейских держав в холодном доме встречаться. А тут, как назло, дрова кончались, мои молодцы кизяком буржуйку растопили. Давай прогуляемся немного, пока проветрится. А я тебе один анекдот короткий про абхазов поведу, Хавчик Солана на банкете рассказал. Кстати, это наш пацан в НАТО, у него грузины в роду были, или баски, наши учёные говорят, это одно и то же. Так вот... слушай.

В одной грузинской деревушке в Кадорском ущелье живёт один очень старый дедушка, больше ста лет, и всё живёт. Там бои вокруг, бомбёжки, мародёры абхазские, а ему всё по фигу — живёт. И вот прослышали про это продажные российские телеканалы и решили очередную антигрузинскую фальшивку состряпать. Посылают незаконно на грузинскую территорию,

временно оккупированную бандитскими формированиями, свою съёмочную группу, делать так называемый репортаж об этом достойном долгожителе. Возглавляет её сопливая девчонка-журналига... приехали, их встретили, как полагается, стол накрыли, песни-шмесни, танцы... ну, ты наше грузинское гостеприимство знаешь. На третий день камеру поставили... ты не так понял, которой кино снимают... и эта сопливая говорит дедушке: «Вы такую, блин, жизнь длинную прожили, многое испытали, наверное, у вас есть что вспомнить... вот расскажите, пожалуйста, какой-нибудь весёлый случай из вашей многолетней судьбы. Тот отвечает: «Да, был такой случай... помнится, в тысяча девятьсот семнадцатом году пошёл как-то в горы и заблудился коза дяди Реваза. Мы взяли вина, зелени, баклажанов, шашлык-машлык и пошли в горы искать... три дня искали!» Журналистка слушает внимательно, подбадривает, лицо умное делает. «Три дня искали — нашли... Дядя Реваз эту козу имел, я имел, Автандил имел, Дато маленького знаешь?.. и тот имел... вот какой смешной случай вышел в тысяча девятьсот семнадцатом году». Журналига в шоке, оператору говорит, что снимать не надо, в эфир не пропустят, ну и так далее. Потом спрашивает у старика: «Да, это, конечно, весёлый случай... а вот... не припомните ли вы ещё какой-нибудь... повеселей?» Тот отвечает: «Да, был такой случай... ещё веселей... помнится, в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году пошёл как-то в горы и заблудился жена дяди Реваза. Мы взяли вина, зелени, баклажанов, шашлык-машлык и пошли в горы искать... Три дня искали — нашли... Дядя Реваз имел, я имел, Автандил имел, Дато маленького знаешь?.. и тот имел... Вот какой ещё веселей случай вышел в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году...». Девчонка чуть не в слёзы... Потом успокоилась, говорит дедушке: «Вы понимаете, это всё очень весёлые и интересные случаи, но в России цензура, и такой репортаж не пропустят в эфир, вспомните какой-нибудь другой

случай...» — «Да, был такой другой случай... Помнится в тысяча девятьсот сорок первом году пошёл как-то в горы и заблудился дядя Реваз. Мы взяли вина, зелени, баклажанов, шашлык-машлык и пошли в горы искать... Три дня искали!.. Нашли... Дядя Реваз... нет, он не имел... я имел, Автандил имел, Дато маленького знаешь?... и тот имел... Вот какой смешной случай вышел в тысяча девятьсот сорок первом году...» Тут эта дурочка совсем растерялась, думает, раз у него все смешные истории такие, может, тогда сделать лирический репортаж, пусть о чём-нибудь грустном расскажет, и говорит: «Дедушка, ну, хорошо, весёлых историй мы послушали много, очень они забавные, вспомните что-то такое грустное, печальное...» — «Да, был такой грустный и печальный случай в тысяча девятьсот шестидесятом году, пошёл как-то в горы и заблудился я сам...»

Они под руку обошли вокруг дома, грузин втянул ноздрями воздух и воодушевлённо произнёс.

— Ну вот, вроде не воняет уже. Я смотрю, не очень тебя мой анекдот повеселил. Да, он немного философский, но зачем же всё сразу на себя проецировать? Сейчас мы с тобой за стол сядем, вино пить будем, шашлык-машлык покушаем, мне Нино на представительские нужды половину своей кошки выделила. Времена, сам знаешь, тяжёлые у нас. Эти спонсоры хреновы обещают горы золотые, а платят что? Центы. Смешно. Помнишь, у меня министр был? Они с подругом вместе жили, холода пришли, они себе отопительный сезон открыли. Говорил я ему: углём топи, уголь кончится — дрова бери, дрова кончатся — кизяк используй. Так он, грамотей, что придумал. Говорит, человеческий кизяк горит лучше, ярче, и теплоотдача у него больше. Энергетик нашёлся. Начали они с подругом тот кизяк на зиму заготавливать. Наложат, понимаешь, в формочку, эстеты, и сушат на балконе. Потом в спальне возле буржуйки складировуют, ноу-хау у них такое.

Так, за разговорами, они вошли в дом. Помещение уже более-менее проветрилось, Михаил достал припасенные на торжественный случай ароматические палочки, зажѐг их и расставил по углам дома.

— Сейчас совсем вкусно пахнуть будет, сандал из Индии, с Гоа прислали, заодно духов злых выкурим, вдруг русские негативную энергию направленным излучением наслали, говорят, и от этого помогает. — Он взял из угла веник, выдернул из него один прутик, разломил пополам. — Сигару хочешь, дорогой?

— Спасибо, бросил, как проблемы дерматологические начались, а ты кури, мне не мешает. Пить только хочется, налей чего-нибудь, — сказал главный хохол, с недоверием глядя на половинки вениковой сигары.

— Э... пить-шмить, я же не дорассказал тебе ту историю про министра до конца. — Грузинский президент спрятал меньшую половину за ухо, вторую вставил в рот и зажѐг. — Я к тому моменту уже договорился с абхазами о восстановительном воссоединении наших территорий в единое государство, как того требует историческая справедливость и чаяния наших братских народов. А тут запашок с балкона и от буржуйки министерской к ним потянуло. Говорил ему, аккуратней, а он — роза ветров, роза ветров, всё на Турцию снесѐт. Что ты думаешь, какой они вой подняли? Они потребовали созвать внеочередное заседание ООН, комиссии-шмамиссии международные вызвали, мне ноту прислали, будто мы используем химическое оружие с целью принудить их к сожительству. И в Агагский трибунал этой прокурорше, как её зовут, забыл, Дуля С Понтом, что ли, наступали. Так прямо и написали, провокаторы, у меня даже с собой ксерокопия есть: «Камар жопа, госпожа хорошая, в то время, пока вы по лесам и морям разыскиваете бакланских... нет, здесь плохо пропечаталось — балканских военных преступников, в вашем будущем штате Джорджия, названном так в честь

всем известных заокеанских президентов, творится геноцид братского нам джорджианского народа. Обратите внимание, чем там правительство питает свой народ, если его каловые массы при сжигании в высушенном виде в буржуйках выделяют такой смрад и копоть? (Ты только обрати внимание, как подробно всё расписывают, подлецы, ну точно, у них российские эксперты по запахам, или шпионами всю Грузию мою наводнили.) Все мандариновые деревья вдоль границы осыпаются и более не плодоносят. А это восемьдесят процентов ВВП нашей цитрусовой республики. Просим Вас в кратчайшие сроки рассмотреть вопрос о прекращении гуманитарных поставок сои, рапса и прочих агротехнических культур, а также продуктов их переработки, в том числе масел, в сопредельную республику ЕУД (Европейский Уезд Джорджия), бывшую Республику Грузия. Или предоставить инструкторов и обучающий персонал, способный разъяснить населению ЕУД технологии использования вышеупомянутых технических культур, в том числе и в качестве горючего, без предварительного пропускания через человеческие организмы. В случае игнорирования международной общественностью нашего заявления оставляем за собой право симметричных ответных действий. Обращаем ваше внимание, что нашими диетологами разработана уникальная рецептура питания с использованием воды сероводородных источников курорта Мацеста, семечек цитрусовых с высоким содержанием соединений синильной кислоты, торена из просроченных военных аптек, со складов бывшего СССР, сырых размолотых соевых бобов и некоторых других специфических веществ. Выделяемый человеческим организмом газ после принятия вовнутрь этой смеси сродни применённому в восьмидесятые годы прошлого столетия Саддамом Хусейном во время боевых действий в Иракском Курдистане. Для демонстрации серьёзности нашей решимости предлагаем провести управляемый боевой пук малой мощности

добровольцами из контингента миротворческих сил. Согласие участвовать в эксперименте выразили военнослужащие российского и гондурасского контингентов голубых касок. В качестве подопытных предлагаем использовать джорджианский батальон спецназа «Горные Коалы», чьё еженощное пение и хороводы дестабилизируют обстановку на границе в районе реки Ингури. Президент почти признанной республики Абхазия. Подпись. Копия... в ЕС, ООН, ВОЗ, ОПЕК, НАТО, Институт питания...»

Грузин номер один глубоко затянулся, стряхнул в ладонь пепел.

— Вот разьебисни мне, брат, разве тут не налицо вмешательство России в эту историю? Разве не налицо откровенный фистинг в целостность суверенного государства, в его внутренние дела?

— Ну, если подумать, на фистинг не дотягивает, хотя тебе виднее. Вообще, извращением попахивает. Тут юристы хорошие нужны, американские, они тебе эту историю в плоскость сексуальных домогательств запросто переведут. У них в этом вопросе опыт большой. И озабоченность проблемой имеется. — Украинский президент взял у грузинского раскуренную сигару и тоже затянулся. — Тут хорошенько подумать надо, позвони Жоре, может, можно здесь выкрутить что-нибудь типа сводничества, организации притонов, в конце концов, может, и на алименты подать сможешь?

— Это я первым делом сделал, Жора своих уже напряг. Мне только тот министр хренов всю фишку обгадил, старый передаст.

— Куда же больше, ещё что-то выкинул?

— Да уж, выкинул... этот премьер... его мать, министр, так затопили со своим подругом, что угорели, к чертовой матери, вместе с любимым котом, полугаем и ещё девятью человеками охраны... Так утром и не проснулись... Да, вот такие дела... но

умер он, как настоящий революционер, в борьбе, хоть и спал при этом. Революция требует жертв. Ну, и царство ему небесное, давай помянем друга...

— Это точно, но ведь жизнь продолжается. Мне по такому поводу тоже анекдот вспомнился, Березовский, кажется, рассказал. Типа, как тост на похоронах. Короче, провожают в последний путь скончавшегося, и этот, как его, тамада, что ли, ну, в общем, речь зачитывает: «Хочу вылить за нашего друга, там, Гиви, например. Он жил, как мужчина, и умер, как джигит, во сне, с улыбкой на лице, не то что эти тридцать три обосравшихся пассажира его автобуса». Ха-ха-ха.

— Вот это верно, вот это в точку попал, у нас полстраны ещё те «пассажиры», чего ты только для них не делаешь — всё равно недовольны.

Они сделали ещё по затяжке.

— Слушай, я же перебил тебя, про хранилище газовое ты не договорил, — всломнил грузинский президент.

— А чего там больно рассказывать-то. Ну, собрал я сало со всей страны, как сказано в инструкции. В основном чернобыльское и оказалось. Как положено, натопил в ту бочку и сидел по три часа в день. Вроде как пройти угри должны были через месяц. Месяц сидел, два, три. Салом весь пропитался, скользким стал, аж трусы надеть не мог, соскальзывали. Ну а результат ты сам видишь на лице... теперь и сала нет, и газа, и сам подскальзываюсь.

— Да, нехорошо получилось...

— Более того, Газпром «счётчик включил», от фьючерсного урожая «майдановских рыжиков» в оплату долга отказался. Я им национальные реликвии — пушки Богдана Хмельницкого предложил, тоже нос воротят. Видишь ли, их эксперты определили, что это подделка. Якобы на Криворожскстале они отлиты в этом году по индийским технологиям. Даже на металлолом не

берут. В общем, Путин сказал: «Бери газ где хочешь, хоть из возобновляющихся источников, хоть биологический. Мы тебе по эсэнгэшным тарифам горох поставлять будем. Корми свою президентскую партию и прочих соратников, идите в хранилище и напукивайте нужное давление в газопроводе. Если к концу года не успеете, пеняйте на себя. Всю оставшуюся жизнь будете в шарики воздушные пукать и к плитам их подсоединять». Как ты думаешь, к чему бы это он про шарики намекнул? Знает, что ли, про чеченцев?

— Да, вот это он тебя взял на понт, а может, и впрямь раскусил. Старый кагэбэшник, вон у него лицо какое непроницаемое... пожалуй, ты попал, брат.

Они помолчали немного.

— Дай, что ли, закурить...

— Да вон, возьми.— Грузин указал на веник в углу, достал из-за уха вторую половинку прутика и прикурил от бычка. — Вот уж точно — перспектива...

— Ты попить-то налей всё-таки.

— Зачем попить, сейчас я тебе настроение поднимать буду, один раз живём, пить-гулять будем. — Он вскочил и лезгинкой прошёлся по двору. — Что, дорогой, вставай, я тебя в спецхран отведу, душу порадуем. «Хванчкары» попьём, «Киндзмараули» и «Псоу» эти командосы пиндосские выжрала. Ну, ничего, «Саперави» водичкой разведём, сахару добавим, в студенческие годы и не такое пивали. Помнишь, вермут за рубль девяносто семь, в «огнетушителях», от него не только язвы на лице были, бутылка из тонкого стекла плавилась, стаканы пластиковые не выдерживали, потому из горла пить приходилось. Может, тебе по принципу «клин — клином» поможет? Ты не унывай, дорогой, мы с тобой ещё не одну революцию заколбасим. Ты что думаешь, я здесь, а не в поместье своём в Калифорнии сижу — с жиру бешусь? Нет, нас ждут великие дела, мы ещё раскрасим

карту этого вонючего СНГ в красивые тёплые тона, и в розовый, и в рыжий, а кого и в красный, если придётся. Правильно, дорогой?

Ещё целую неделю над благодатной грузинской землёй раздавались тосты. Грузинские напевы перемешивались с полными грусти и любви украинскими песнями. Услышав их, грузинский спецназ на переднем рубеже обороны от сепаратистов пустился в пляс. Поддавшись единому порыву, американские инструкторы из подразделения «морских котиков» бросили тренировку и стали лихо отплясывать джигу, не обращая внимания на гидрокостюмы и маску с ластами. Страна ликовала. Так вершилась история. История вступившего в свои права двадцать первого века.

Четвёртый сон

Веры Павловны

— Ну, здарсьте, господа хорошие, — приветствовала Вера Павловна почтенное собрание, снимая запалённые мотоциклетные очки.

— Где это ты три дня пропадала? Уж не случилось ли чего? — целуя её в щёчку, спросил Миша по прозвищу Доктор. — Помощь не нужна?

Кличку он получил в знак дружбы от Игоря Ганди. История эта длинная, к Вере Павловне отношения не имеющая, поэтому — вкратце. Начнём с того, что любимый Мишин анекдот звучал так: «Пациентка говорит доктору: «Ну, пожалуйста, доктор, поцелуйте меня...» — «Что вы, дама, даже не просите!..» — «Доктор, я вас умоляю, один раз...» — «Девушка, возьмите себя в руки...» — «Доктор, ну хотя бы в щечку... один раз...» — «Вы поймите меня, сударыня, я давал клятву Гиппократу... по хорошему... я даже трахать вас права не имел...» Именно этот Миша упоминался в рассказе про Дерево Битлз. И именно в него вселялся Лорд Шива. Некоторые утверждают, что вышеупомянутый Бог так и не покинул Михаила до конца. В этом нет ничего удивительного. Если Шива нашёл вашу душу интересной для себя, и душа ваша готова для общения с Богом, и в ней есть для НЕГО место, то ещё не факт, что по вам психушка плачет. Миша узнал, что такое психушка, не понаслышке. Причём если определённая часть читателей этой книги также имела сей нетривиальный опыт, то уникальность Доктора заключалась в том, что географически это учреждение располагалось между северным тропиком и экватором, примерно семьдесят пять градусов к востоку от Гринвича. В местечке Пернем, провинция Бартез, штат Гоа, Индия, планета номер три (Земля), Солнечная система, Галактика (Млечный Путь). Трудно сказать, какие чувства оста-

вили подобные заведения, находящиеся в других точках Вселенной, в душах уважаемых читателей. Провинциальную больничку Доктор охарактеризовал коротким и ёмким словом — «Жесть». Правда, не исключена вероятность, что то было слово Шивы. Михаил одевался скромно, неприметно, как многие гоаны, во что-то среднее между туникой и шортами, которые со стороны вполне напоминали юбку. Доктора в нём выдавала лишь связанная еврейской подругой шапочка, на манер национальной кипы, с красным крестом. И объёмистая сумка с таким же крестом, полная различных веществ, имеющих свойства улучшать настроение и выравнивать самочувствие.

— Помощь... кому же из нас не нужна помощь. Я вот тут занемогла намедни. Спину прихватило. Мне первая Васина жена, Ольга, посоветовала сходить к какому-то невшибенному врачу, у вас в Арамболе живёт. Джуманжи, что ли. Или ещё как-то. Трудно запомнить.

— Киргиз этот? — со знанием дела сказал Доктор Миша. — Вот уж воистину — врач! Знаешь происхождение этого слова? От «врать» оно получилось, поэтому «врач» — это тот, кто врёт постоянно... к нормальным докторам такие слова лучше не применять.

— Во-во. Я-то по имени думала — индус. Думала, Баба какой-нибудь продвинутый. А он киргизом оказался. И сам же по этому поводу прикалывается. Говорит, что кармы исправлять может. Вот, свою уже исправил. «Думаешь, — говорит, — это хорошая карма, киргизом родиться? А теперь вот — преданный Кришны».

— Знаем мы его, — недобро улыбнулся Мистер Дэ, хозяин «Нашей Раши». — Прохиндей он, и комиссионных обещанных за моих клиентов не дал. Его за язык никто не тянул, сам предложил, а теперь прячется от меня, шаман картонный. Ну, пусть это на его кришнаитской совести останется. Тебя-то он в чём набебекал?

— Да не сказать, что набебекал. А вот чуть не отравил — это было.

— Так ты к нему за «дурью», что ли, обращалась? Ты же лучшая подруга Доктора, для тебя цена — по графе «Самый близкий друг», раздел: «Суперопт», — удивился Доктор.

— У тебя такого зелья нет. Типа чистит организм, называется — яда, — погладила его по голове Вера Павловна. — Сам, говорит, в Гималаях собирал, на спирту настаивал, и сам со своей женой пьёт.

— Ну, это-то заметно, они заторможенные какие-то.

— Так я задаю ему логичный вопрос, какая доза и что будет, если весь пузырьёк хрюкнуть? — продолжала она. — Он отвечает, что с пузырька можно «ласты склеить» на фиг. Мне интересно стало, я в Интернет полезла. И что бы вы думали это такое?

— Вытяжка из опиума? — почуял тему Миша.

— Если бы. Это аконит, растение такое. На Раше им волков раньше травили. В гомеопатии применяется, а гомеопатия — она ж вся на отварах базируется, только дозы малюсенькие... давление повышает конкретно... с передоза парализуется дыхательный центр...

— А в чём же прикол? — не понял Дэ.

— Прикол в том, что всё это я прочтала только на следующий день после того, как приняла на грудь сорок пять капель и весь остаток дня встать не могла. Он предупреждал, чтобы больше не накапывала. Но и про меньше не говорил, урюк. Я же прилежный пациент... дура конченная... губы немеют, мутит, в глазах круги фиолетовые, а потом стены начали менять цвет и вибрировать. Я думала — трендец, за мной пришли. Всё молоко у хозяйки выпила, душ весь облевала. Хорошо, что опыт имеется... Продышалась, как учили...

Она приникла к протянутому чалому и, успокоившись, продолжила.

— Это я, баба здоровая, вылетела из своего тела и болталась не пойми где всю ночь, хорошо, что хоть вернулась обратно. А он ведь при мне свою хрень таким тёткам прописывал, по сто пятьдесят килограмм весом, у которых на лбу пропечатано: «двести двадцать на сто двадцать семь» — я давление имею в виду, а не характеристики трансформатора. Им аконит гипертонический криз вызвать может, и как в Киргизии такие деятели нарождаются? «И рак лечим». Я-то уж потом поняла, ведь насторожили меня тогда эти слова. Но, блин, то ли спина так болела, что мозги отнялись, то ли кликуха эта кришнаитская — Джуманжия, доверие вызвала — короче, лоханулась я по полной... хотя, чего расстраиваться, ведь живой осталась после такого опыта... Зато где я во сне в ту ночь побывала, что видела-а-а-а...

— В параллельной реальности? — съехидничал Дэ.

— Нет, реальность как реальность, вполне обычная, наша... а вот время... Будущее... дай точно вспомню год. Двадцатый, должно быть...

— Век-то какой? А то, может, лучше всё-таки к нашему Доктору обратиться?

— Век — наш, двадцать первый...

— Ну и как, жизнь-то на Земле ещё будет? — с грустью осведомлённого человека спросил Доктор.

— Будет, куда же она, на хрен, денется... только вот какая? — глубоко философски заметил Мистер Дэ.

— Могу поведать, — прозвучал задумчиво-безразличный ответ.

— Ну наконец-то... а то что мы, по-твоему, здесь час с тобой лясы точим, а?.. Мы думали, пропала наша Павловна. Приглядываемся, может, её цунами прежней жизни унёс... может, олигарх от последнего брака, эсэмэску жалостливую прислал, в Барвиху зовёт, типа «всё прощу...»? Ан нет, вполне жива, здорова и в своём уме... и сны документальные продолжает видеть...

Сон четвёртый (патриотический, политико-футуристический)

Авралы на Руси — дело привычное. Это даже не дело, а стиль жизни. Нам всё время надо жить в режиме достижения какой-либо цели, желательной, но недостижимой. Иначе, чего доброго, добьёшься, и потеряется весь смысл жизни. Такое иногда случается даже у очень богатых, говоря современным языком, успешных, людей. Они думают, что они успешные, потому что успели разбогатеть и тем самым возвысились над окружающими, не успешными. Какие-то окружающие тоже сумели разбогатеть, и тоже думают, что они возвысились. В том числе и над теми, которые, в свою очередь, думают, что они возвысились выше, лучше и правильнее других. Начинается подсознательное, а иногда и сознательное соревнование между ними. С показом окружающим своей неограниченности возможностей и доказательствами, которые иногда заканчиваются летальным исходом, в том числе и насильственным. Но это жизнь, и как многие считают, нормальная и закономерная. Только это не законы природы, это не законы вовсе, а примитивное проявление рядового человеческого эго. Как и у американцев, теперь у нас должно быть всё самое большое: храмы, патриотизм, машины, яхты, самолёты, состояния, достижения, победы. Особенно спортивные. Они дают возможность даже самому неуспешному почувствовать свою причастность к успеху. В коллективе. В составе этно-территориальной общности под названием страна, нация и так далее... можно по-разному разделять людей. А когда мозги заняты соревновательством, нахождением способа достижения цели (целей), они, мозги, перестают думать о чём-то другом, ну разве что ещё об удовольствии иногда. Некоторые находят удовольствие, сродни сексуальному,

в достижении успешности, и это постепенно вытесняет из жизни любовь. Кому-то и такое нормально. А может, здесь обратная связь? Может, стремление к успешности — проявление подавленной в человеке сексуальности? Слава Богу, что люди используют всего несколько процентов своего мозга. У одних этот процент стремится к нулю, таких большинство, у других зашкаливает за десять. Такие скорее понимают, как стать успешными, и быстрее находят метод разбогатеть. Они изобретают способы, как заставить менее успешных помочь им в этом. Способов много, можно, к примеру, выставить эталоном свою жизнь и внушить всем — дерзай, и ты станешь таким же. Главное, чтобы помощники не задумывались, что жить можно как-то по-другому. Что жизнь — не только борьба за успешность и благосостояние. В ней ещё есть кое-какие другие аспекты. А если у всех зашкалит за десяток процентов? Кто тогда пойдёт в помощники? Когда гонят стадо, желательно, чтобы баран видел зад впереди идущего и не оглядывался по сторонам. А то, чего доброго, заинтересуется, что это там, в соседнем лесочке? А ему: «Не нарушать строй, в лесах лишь голодные волки...» Тогда он идёт смиренно, держит дистанцию, щиплет травку, нагуливает мясо, прекрасно воспроизводится и даёт шерсть с гордостью за всё стадо. Ведь наша шерсть самая шерстяная в мире. Поднимаясь по лестнице успешности, баран со временем может стать очень успешным, если задействует все выделенные Богом проценты для достижения успеха. Он может стать руководителем стада. Тогда его хвалят, дают звания, регалии, приглашают в правительство, если он ещё не имеет к нему отношения. Некоторые начинают управлять государствами, устраивают войны, чтобы стать ещё успешней, ведь война — бизнес успешных. А что является валютой в этом бизнесе? Отгадайте с трёх раз... нет, конечно же не ты, читатель, ведь ты успешен!!! Проблема в том, что стать успешным — не означает перестать быть бараном. Можно и шерсти

со временем давать всё меньше, ведь это не дело успешного барана, свою лучше пригладить, пусть отдуваются те, которые — совсем бараны. Как сейчас говорят, лузеры. И самому начать её стричь с других, не выходя из стада, тоже ещё ничего не значит. При этом не факт, что ты перестаёшь быть бараном. Вот почему количество успешных должно быть регламентировано. Представьте, что станет с миром, если вдруг все задействуют более десяти процентов своего мозга. Все смогут стать успешными. И тогда настанет катастрофа. Мир взорвётся. Потеряется смысл успешности. А значит, существования. Чего же тут успешного, если такой же успешный сосед может точно так же, как я, купить себе дом на Рублёвке, яхту, космический корабль, десять тысяч гамбургеров... к чему стремиться? Да и кто будет производить эти тысячи гамбургеров, работать узбеком на строительстве рублевского дома, ведь не успешные же люди, им из офиса выйти некогда. И тогда настанет конец света... пардон, что-то меня из сна в реальность выкинуло, больше не повторится...

Публика от такого посылала сидела притихшая, Вера Павловна достала из сумки-пояса пачку трубочного табака, бумагу «Ризла», машинку для сворачивания сигарет и занялась изготовлением успокоительной соски.

— Что-то у меня с утра настроение какое-то... аналитическое... — прокомментировала она. — То ли Ошо начиталась, то ли яда в организме до сих пор бродит, короче, нервняки меня одолели.

— Ты береги себя. И Ошо, и Гурджиева — их тоже дозировать надо, — вставил Дэ, — регламентировать, так сказать. Любые книги, в том числе и Библию, писали люди, а люди не застрахованы от ошибок. Как тот же Гурджиев говорил: «Хватит пользоваться чужими мыслями, пора высасывать их из себя...», ну, или что-то в этом роде... Вот Ганди, Игорь который, так и сделал. Начал книгу писать про Гоа. Давал отрывки читать, кстати, неплохо получается...

— Во, идея! — загорелись глаза у Доктора. — Мож, их с Веруней Павловной в соавторы случить? Она ему сны вещать будет, а он их записывать и художественно оформлять. А потом в книге своей пропечатает. Одна проблема, как потом гонорар делить будут: поровну или по-честному?

— Хорош, Доктор, не сбивай девушку, она и без тебя забывает всё, — пресёк развитие темы Мистер Дэ. — Ты, прям, как не доктор говоришь, а как ветеринар какой-то. Что за выражения — «случить», чему вас в больничках учат? Ну, Веруся, не томи... продолжай...

— Точно, шёл 2020 год, второе февраля. Время было выбрано не случайно. Во-первых, если написать эту дату в цифрах (2020.02.02), выглядит красиво и символично. Зеркальная магия цифр получается. Добавьте ещё час назначения озаменованного события — двадцать ноль-ноль, самый прайм-тайм. Многие усмотрели в этой арифметике такую СИМВОЛИКУ, что впору было заворачиваться в простыню и тихо-тихо ползти на кладбище. Некоторые восприняли эти цифры эпохально, как знак свыше, будто бы в этот день свершится НЕЧТО. Другие утверждали, что написание этой даты — есть зашифрованный код в двоичной системе исчисления, используемой в другом мире или более развитой цивилизацией. Разгадав этот код, человечество получит такие ЗНАНИЯ, что обретёт МИР и СОГЛАСИЕ на ЗЕМЛЕ, и все МЫ заживём в НИРВАНЕ. Привлекали сюда и пророчества Ванги, и Майя, и Нострадамуса с их предсказаниями КОНЦА СВЕТА и началом НОВОЙ ЭРЫ. И Гиперборейцев с Атлантидой. И фень-шуй, и видения БУДУЩЕГО у ВИДЯЩИХ, поевших ВОЛШЕБНЫХ ГРИБОВ. Все они были по-своему правы. Очевидно, что ДАТУ этого СОБЫТИЯ утверждали не только имиджмейкеры КРЕМЛЯ, кремлёвские Креативщики, Правительство и Государственная Дума, но и более значимые личности на более серьёзном уровне, по сравнению с тем, в котором барахтаемся

мы, ПРОСТЫЕ ЛЮДИ, Президенты, Парламентарии, Олигархи, Банкиры, Генералиссимусы, Министры и Директора Мясокомбинатов. Уж ко второму февраля россияне, по статистике, должны были прийти в себя после праздничного марафона, как цунами пронёсшегося по одной шестой части мировой суши, начавшегося в конце декабря года минувшего. Остаточные волны которого, многократно повторяясь с переменной силой, ещё долго накрывали её. Да, добавьте предвкушение отмечания Дня защитника Отечества, переименованного из Дня Советской Армии, за прекращением существования таковой. Теперь совершенно официально предоставлялся повод выпиться законно, ведь под понятие «защитник Отечества» можно легко подвести любой род деятельности, вплоть до криминального, независимо от того, имеешь ты отношение к армии или нет. Короче, время было выбрано самое удачное. Хмурое, депрессивное веселье, с таким энтузиазмом и суетой внедрившееся в мозг месяц назад, в основном выветрилось. Самое время было поразмыслить о будущем, соответственно, донести сии размышления до МАСС. Ибо основная задача ВЛАСТИ — побыстрее донести плоды своих размышлений до МАССЫ. Ну конечно, не всех размышлений, а только тех, что под грифом «Для общего пользования». Потом убедить её в исключительной правильности своих умозаключений. Ведь различных умных ухарей пруд пруди вокруг ВЛАСТИ, и стоит тебе зазеваться, этакий пострел опередит, и разгребай, и разворачивай потом МАССЫ в нужном тебе направлении, а это — какие ж «бабки»? Правда, у медали вторая сторона имеется — когда что-то разгребать надо и «бабки» на то тратить, оно ж и тебе прирастает. Гляньте на мэров городов, где идут крупные стройки, прокладываются новые транспортные магистрали, большая потребность в стройматериалах — там и мэр свеж, любит природу, круглолиц, уверен в себе, и семья при деле. А возьмите городок, где бюджетных средств не вы-

делено даже на кольцевую автотрассу, вокруг него... — совсем другая картина. Конечно мэр, он и в Усть-Колгейтске — мэр, по всем «семи признакам», но.... ! ... масштабы. Что вы хотели — думать надо, работать. Короче, взять ВЛАСТЬ порой куда проще, чем потом её удерживать. Но, знать, она того стоит, раз столько суеты вокруг неё происходит.

Милицейские машины и прочая спецтехника перегородила Васильевский спуск ещё в шесть часов утра, хотя выступление президента было назначено на восемь часов вечера. Ближе к Собору Василия Блаженного, на брусчатке стояли два вертолётa КА-60 «Диплодок» с работающими винтами, из личной охраны первого лица государства. Шума двигателей слышно не было, как не было видно и вращающихся лопастей, наука в то время уже далеко продвинулась вперёд, особенно в области военных технологий. Лишь лёгкая позёмка, создаваемая потоками воздуха, состоящая из скрипучих крошек — спутников крещенских морозов, выдавала их боеготовность. Очертания собора нечётко проглядывались сквозь сиреневого отлива стену, сделанную из «лунного стекла» — прозрачного сплава, изготовленного из минерала, найденного на Луне. Стена эта поддерживала Купол — грандиозное сооружение, накрывшее собой практически весь исторический центр города, начиная с этой стороны Москвы-реки. Под ним оказалось Москворечье, знаменитое своими офисами и развлекательно-торговыми центрами, воздвигнутыми на территории некогда культовой советской гостиницы и мирно соседствующими с историческими памятниками российского средневековья, весь Кремль, естественно, Солянка, Маросейка с Покровкой вплоть до Садового кольца, улица Чаплыгина, и далее по Бульварному кольцу, обходя комплекс зданий ЛУКОЙЛа. К западу от Кремля Купол простирался от Кропоткинской набережной до Зубовского бульвара, поглотив под себя и храм Христа Спасителя, и

Остоженку, и Сивцев Вражек, и Старый Арбат. Новый Арбат остался под открытым небом, так как и в те времена являлся объектом стратегическим, по нему в разных направлениях ездили трудиться Слуги Народа. К тому же в стародавние времена он задумывался и строился как взлётно-посадочная полоса, на всякий непредвиденный случай. Проспект клином врезался в Купол и заканчивался у стеклянной стены в начале Воздвиженки. Дальше шли различные входы-выезды правительственных коммунических, обслуживающих Кремль. Купол продолжался над Поварской и далее вдоль Садового кольца, включая Герцена, Бронные, часть улицы Чехова и Петровки. Купол был снабжён глобальной системой кондиционирования, человек, попавший внутрь него, должен был строго выполнять «Свод Правил Купола». Внутри даже запрещалось курить. Всё пространство ежедневно обрабатывалось специальным реактивом, создающим под сенью Купола идеальную чистоту. Естественно, весь транспорт был экологически безупречным. Милиционеры ходили в белых тапочках-чешках и серого цвета лосинах. Верхняя часть тела была облачена в специально разработанную Домом Зайцева куртку, изобилующую карманами, портупьями, крючками, карабинами и прочей спецерундой, столь необходимой блюстителю порядка. Отдавая дань своему полувековому стилю, Вячеслав сделал воротник стоечкой с обязательным белым платком на шее, эполетами и аксельбантами. Это было авангардное решение в области разработок полицейских униформ. Милиционер Купола напоминал в верхней части помесь командос с гусаром. А снизу — солиста балета, что внушало больше уважения к нему со стороны высокообразованных охраняемых им граждан. Сработан весь гардероб был из «гаммакивлара» и стопроцентно защищал даже от лазерного оружия ближнего боя. Зевак пускали только в выходные и праздничные дни, и то по особым «Допускам». Поэтому в обычные рабочие дни работы у стражей Купола было немного,

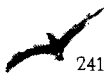
ибо количество их соответствовало количеству оберегаемых. А попасть служить сюда было очень почётно. Здесь располагались государственные учреждения, офисы самых крутых контор, некоторое количество жилых зданий. Напротив ФСБ красовался, занимая сотни гектаров площади, огромный водоём — Московский Океан, обрамлённый кокосовыми пальмами, с пляжами и тихими лагунами, затерянными в переулках вдоль Мясницкой. Белоснежный песочек пляжа гостиницы «Метрополь» окрашивался по вечерам всеми цветами радуги, отражая иллюминацию Большого театра, на другом берегу залива Майи Плисецкой. Большой театр представлял из себя Культурный комплекс, где наряду с традиционными спектаклями, проходящими в главном зале старого здания, можно было отдохнуть, послушать хорошую музыку, спуститься под землю, где располагалось крупнейшее в мире казино, занимающее двенадцать этажей. Ниже уютно расположились три этажа ресторанов, баров, банкетных залов, боулингов, детские комнаты с бибиситтерами. Ещё ниже залегали транспортные артерии и проходы к ним. Далее, на поверхности, на месте стоявшего ранее Госплана взирал на деяния рук своих и своих последователей восемнадцатиметровый Юрий Михайлович Лужков, высеченный из цельной глыбы, доставленной с Луны, по метру за каждый год пребывания у власти. Осеня поднятыми вверх руками бухту имени себя. По задумке автора монумента, друга и соратника великого мэра, скульптора Церетели, Юрий Михайлович держал в обеих руках по кепке, третья была надета на голову. Креатив сей олицетворял многоголовость Власти и напоминал: «Всё под контролем», о чём гласила надпись на постаменте. Взор «власти» по своей целеустремлённости мало чем отличался от изваянных автором в предыдущих работах. Каждые шесть часов по Океану проходила пятиметровая волна, пронося по всей его длине звено сёрфингистов-ихтиандров «Русские Аквавятизи». Круглосуточно пополняя городской

бюджет туристическими Рублесами гостей Столицы. Москва — город неспящих. Въезд под Купол, или в Московию, был ограниченным и производился по пропускам, через подземные шлюзы, чтобы поменьше тревожить климат внутри сооружения, обходящийся государству в «конкретный» Рублес. Влажность, давление были постоянными круглый год. Температура воздуха поддерживалась строго двадцать семь и шесть десятых градуса — оптимальная для хорошего самочувствия всех конструкций и обитателей Купола.

Москва перестала быть городом в прямом, обывательском смысле этого слова. Здесь работали и отдыхали. В Москве уже почти никто не жил. Ну разве что обслуга и те, кого нужда заставляла, — сказочно богатые люди. Таких были единицы, да и квадратный метр земли в Городе стоил «реальных» денег. Дешевле было купить себе астероид в Поясе, размером со всю Москву, но уж больно отпугивала людей удалённость и отсутствие инфраструктуры в тех краях в те времена. Метры эти, в столице, торговались не в Московских Рублях, а в Системарных Рублесах. Те, кто застал советские времена, помнит вожделенные магазины «Берёзка», где «барыжили» за «полосатые» и «безполосые» сертификаты. Вот примерно по тому же принципу сформировалась валютная система, после крушения доллара и обесценивания евро. Московский Рубль, наряду с другими сильными, такими как Индийская Рупия, Китайский Юань, стал главенствующей на Земле валютой и официально считался первым номером в международной системе ценностей. То касалось Планеты-Матери, как называли Землю старые романтики, на чьей памяти происходили стремительные и глобальные перемены в жизни этой планеты. Системарные же Рублеса — являлись Абсолютной Валютой Солнечной Системы. И обладателю этой валюты были открыты все двери в этой самой Системе. Ну, та же история, что и с обладателями «безполосых сертификатов»

в СССР, являвшихся эквивалентом таких сильных некогда денег, как Английский Фунт, Сшавый Доллар и прочих европейских Марок, Франков-шманков, которые потом упразднили. Заработать же вожделенные Рублеса можно было, лишь имея отношение к Всемирным Программам Системарных Исследований и непосредственной работой на строительстве и обслуживании Системарных Комплексов. Туда входили и рудники на Луне, где добывался тот самый минерал — Лунтик, совершивший революцию в технологиях «стелс» и позволяющий добиваться различной степени «прозрачности» любых неживых объектов. Были даже сообщения, что уже появились результаты экспериментов с животными. В лаборатории Заповедника Мутантов, на единственном сохранившемся от Британских островов куске суши, сумели сделать прозрачными двух овцеглистов, с применением вещества, выделенного из лунного минерала. Овцеглист — милый, пушистый кольчатый червь, продукт недавней любви человечества и Генной Инженерии. Когда-то английские учёные, стараясь повысить производство шерсти, решили «синженерить» новое животное, обладающее волосатостью знаменитой британской породы овец, длинное, чтобы этой шерсти было много, быстро воспроизводящееся, низкое и удобное по форме для механизированной стрижки и прочего ухода. Пробовали вживлять гены анаконды. Вышло что-то непотребное — бронированная, хищная, водоплавающая овца, жутко агрессивная и жрущая пастушьих собак вместе с хозяевами. После того как острова ушли под воду, «овцедоки» обрели свободу и стали быстро плодиться, жируя в сытных тёплых течениях, повернувших в северные моря и несущих тропическую живность. Их яйца не могли разгрызть даже касатки. Естественных врагов не было. И теперь Мировой океан стал таить в себе новые «приколы». Человечество любит делать себе surprisy. Исследования продолжили с другой стороны, «пришив» овечьи гены к бычьему цепню, и получилась

довольно обаятельная тварь, если не относиться предвзято к одному из её составляющих, максимально подходящая под заказ шерстепромышленников. Вот их и сумели сделать прозрачными и назвали, по привычке, обоих — Долли. Специалисты утверждают, что эксперимент был намного удачней, чем об этом писали масс медиа. Половина овцеглиста — прозрачная, а половина — вообще невидимая, ведь, никому не дали пощупать, заканчивается ли сам червь с окончанием его прозрачной части. Соответственно, растущая на этой половине шерсть — тоже невидима!!! Можно себе представить важность добываемого на спутнике минерала, особенно применительно к областям науки, связанным с военными разработками!!! В условиях космических тягот и лишений добыча полезных ископаемых, таких как «волшебный» минерал, или «Марсолин», с соседней планеты, которую в народе называли Луковка, а её спутники Фобос и Демос — Спартак и Чемпион, соответственно, после того как она была целиком выкуплена российским нефтяным концерном и вознаграждалась в валюте — Системарный Рублес. Предъявлять её к оплате можно было только в комплекте с «Удостоверением НОСИТЕЛЯ». Владелец такого удостоверения мог с полным правом относить себя к ИЗБРАННЫМ, к элите, короче, к ЛЮДЯМ, качественно отличающимся от других в лучшую сторону. Рублеса, так же как и Удостоверения, естественно, являлись предметом спекуляций, фальсификаций и различных уголовно наказуемых деяний, связанных с понятием «диффисит». В общем, вспомните «Берёзки» и прочие спецраспределители благославенных времён...

Президент бодрый, с загадочной улыбкой на лице, значение которой вот уже двадцать лет является предметом обсуждения во всём мире, вышел из Президентской двери, расположенной прямо за Мемориальным комплексом, начинающимся от главного входа в Институт Бальзамирования и Консервации. Он обогнул входящий в комплекс Мавзолей Ленина и вступил в зону ви-

димости объективов прессы. Могучие, низкорослые кокосовые пальмы, заказанные в Керальском заповеднике биотехнологий, нашедшем способ выращивать растения всех цветов радуги, высаженные таким образом, что бы получился Российский флаг, обрамлённый легендарными голубыми елями, создавали уютный полукруг, внутри которого была возведена студия. Студия оформлялась по-простому, чтобы обстановка в ней походила на домашнюю, не обяывающую к официозу. Трибуна присутствовала, но не бросалась в глаза, оттенённая чайными столиками из «Лунного стекла», сервированными сверкающими, как бриллианты, приборами из того же материала. На трибуне, приклеенный как можно незаметней, красовался рекламный стикер компании «РусПепсико», генерального спонсора трансляции, а также множество стикеров поменьше, фирм, осуществляющих информационное, рекламное, научное, техническое и прочие спонсирования ПРОЕКТА. Президент, помахав видеоискателям, прошёл к трибуне и стал перебирать приготовленные там для него бумаги. Трансляция уже шла, показывая всему миру рабочие моменты: установку света, проверку звука, олицетворяя тем самым братские взаимоотношения, некий междусобойчик, когда и «низы» — могут и «верхи» — хотят, или наоборот. Когда Президент подготовился окончательно, искусственное освещение Купола погасло, погрузив всю Красную площадь в кромешный мрак, отчего в вышине зажглись искусственные созвездия, удачно смоделированные компьютером, отвечающим за «звёздное небо». В полной темноте патетически вступил Гимн России. Потом «солнца» вспыхнули с удвоенной силой, олицетворяя начало Новой Эры, и изумлённой телепублике предстала заполненная народом Красная площадь. Отгороженная VIP зона, в которой находилась подготовленная для выступления Первого лица площадка, тоже не пустовала. Рядом с чайными столами, благоговейно слушая Гимн, стояли несколько человек. Камера

выхватывала крупным планом знакомые лица, со стекающими скупыми слезами, собравшихся вокруг Владимира Владимировича людей. Их было около сотни. Появились они в прямом смысле этого слова из-под земли, благодаря вращающейся многослойной конструкции полов студии. Эффект же присутствия толпы на площади поддерживался мощным процессором Главного Мозга Купола (ГМК). Имидж Президента, конечно, менялся с годами. На этой теме даже защищались диссертации, целые институты работали над его образом, как внешним, так и внутренним. Пробовались различные «схемы», — от эпохального, положившего начало строительству в Чечне мирной жизни: «...мочить...» и портретов в стратосферном гермошлеме до отпустившего бородку пейзажиста, решительными мазками запечатляющего на холсте маковки церквей, на фоне гостиницы «Космос» или Бочарова Ручья. Сегодня Президент был в образе собравшегося на фазенду высокопоставленного дачника, любящего поработать своими руками. Он оделся в свободные брюки фирмы «Хэмп», кроссовки от Юдашкина и оливкового цвета рубашку той же фирмы и из того же материала.

— Ну что, господа-друзья-товарищи... Я так думаю, мы больше никого ждать не будем? Эсэмэски пригласительные всем отправляли... — пошутил он. — «Гайдарята» с «немёнками», смотрю, встали «на крыло» большой политики, тут как тут. Алла Борисовна, видать, приболела, дай ей Бог здоровья... её певец Басяськин с Алсу представлять будут. Старая гвардия не подводит, вся в сборе?.. Пожалуй, начнём...

Он помахал рукой, оборвав возникшие было аплодисменты «смеховых консервов», смешавшиеся с реальными. Краем глаза глянул в веер бумаг на трибуне и продолжил своими словами:

— Я в курсе, что до широких масс доходят всякие несуразные слухи о сути намеченного на этот важный для России час события. Слово «важный», не даёт того представления, как

радикально поменяется мир с этого момента. Никто и не думал скрывать, что речь пойдёт о РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ (далее — РНП), его Целях, Концепции, методах достижения, внедрения и пропаганде. А также, что покажется с первого взгляда непонятым, увязка РНП с вступившим в силу проектом «Россия — энергетический гарант Мира». Более того, я вам скажу, что настало время подведения итогов, и вы скоро поймёте почему. Я бы сказал, промежуточных итогов... Хочется, чтобы этот день запомнился всем нам не только тем, что, сколько и как мы свершили за прошедший период, но и тем, что мы задумали воплотить в будущем, по какому пути развития мы пойдём дальше. Не будем отвлекаться на прошлое, на наши достижения, «вчера» — нет, есть «завтра», а как мы будем жить завтра, зависит, естественно, от того, как мы жили вчера... В индийском языке хинди «вчера» звучит как «кал», а «завтра» знаете как переводится на хинди? — «Кал». «Завтра» в индуизме тоже «кал», вот и делайте выводы: и «вчера» — «кал», и «завтра» — «кал». Сделано много, бюджет трещит, не побоюсь этого слова, от нефте- и газорублесов, рост ВВП составляет девять и три десятых процента, ну, не надо объяснять все детали, скажу только, что это опережает подобный показатель Китая на один и две десятых процента, но это ещё проверить надо, это официальная статистика... Я сейчас хочу сказать о другом... о России... Что нам мешает стать ещё сильнее... ещё значительнее на мировой арене?.. А ничего... практически, ничего... вот, говорят: «Иметь — значение, играть — роль», а попробуйте углядеть глубокий, философский, я бы сказал, смысл, если поместать менями, простите, поменять местами глаголы в этих выражениях. Что получается? «Играть значение, иметь роль»! Вдумайтесь, вдумайтесь. «Играть значение» можно по-разному, «играть можно В Значение», я уже не говорю про то, как можно «ИМЕТЬ Роль». Но... пусть Нашу Роль оценят потомки. А мы сегодняшним нашим

ПОСЛАНИЕМ к тем самым потомкам, откроем новую эру в витке развития Цивилизации, на пути ко всеобщему Процветанию и Благоденствию. Скажу прямо, без обиняков: РОССИИ нужен НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ! Оригинальный, самобытный, не похожий ни на одну прежнюю идею... дающий России возможность стать лидером не только в Роли мирового разработчика геологических ресурсов, но и Новатора, и законодателя в области качества и культуры жизни сограждан... И такой проект — есть. Он разработан нами... Его окончательное название — «РУССКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА». Полный текст проекта будет опубликован в прессе завтра. «Кал», как говорят индусы, и задача всех без исключения СМИ — донести до внимания каждого россиянина его смысл... вот квинтэссенция его сути: «Легализовать и популяризовать величайшую на Земле сельскохозяйственную Культуру — Коноплю, вернуться к истокам нашей славянской самобытности и культуры». Это — вкратце. Я не ошибся, связав Канабис с нашей Славянской Историей и Культурой, и вы поймёте это позже. Надо сделать Хэмп, как ещё ЕЁ называют, не просто сельскохозяйственной Культурой номер ОДИН, Символом, Душой нашего государства... Мы внесли на рассмотрение в Госдуму предложение, законодательно закрепить Конопляный Лист, как Национальный Символ. Возможно нанесение его на Государственный Флаг России, но по этому вопросу сейчас идут дебаты с МИДом Канады, они утверждают, что у них исключительное право на изображение листьев на флагах. С гербом тоже не всё ещё решено, я считаю, что неэтично выставлять напоказ символику самодержавия, скипетры, там, державы... и, прочие имперские амбиции, которые, на мой взгляд, выражены в коронах, венчающих головы орла... Почему одна корона большая, а две — маленькие? Почему две головы у орла?.. Что, двоевластие, троевластие?.. Что может подумать законопослушный гражданин? Некоторые находят скрытый смысл и связывают это с кадровой

диалектикой власти, не даст мне соврать Премьер-Министр Медведев! Наши обмены «властными креслами» были инициированы народом, одобрены референдумами и выборами. Но я бы хотел убрать саму почву, для подобных инсинуаций... заодно помочь протянуть друг другу руки примирения, людям, стоящим по разные стороны пропасти, разделившей их на два лагеря. Я имею в виду коммунистов, чей средний возраст... — Он покачал головой. — И Партию Зелёных, чей средний возраст значительно уступает последователям Ленина. Благодаря этим разногласиям блокируется работа Думы, и в каком вопросе, смешно, ей Богу... прямо по Гамлету: «Пить или не пить?» Естественно, коммунисты за Водку... Зелёные — вы, сами понимаете... Так вот, мы поддержали предложение молодёжного крыла Компартии, способного идти, по нашей просьбе, на компромиссы. Они предложили — вернуть официальность Гербу СССР. Поменять устаревший символ самодержавия на модернизированный, как говорит молодёжь, обгрейденный, Герб СССР. Под модернизацией я понимаю замену колосьев пшеницы на ветки Конопли, а в остальном меня всё устраивает в советском Гербе, ну, может, ещё какие-нибудь мелкие детали...

Представители молодёжного крыла Компартии встали и дружно запели на мотив «Марсельезы»:

*Обовьём мы весь мир Ганджуба-асом,
Соберём спелых «бошек» пыльцу,
Чтобы Мир наш стал снова прекра-асен,
Джоинт дружбы свернём подлецу...*

— Ну хватит, хватит, не дети уже, поберегите силы на народные гуляния... Объявляем завтрашний день праздничным, имени НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА, отныне второе и третье февраля являются выходными! — Над площадью громыхнула фонограмма «Ура-а», но Владимир Владимирович жестом руки

её решительно обрубил. — А творчество, что вы сейчас слышали, это — импровизация, регламентом не предусмотрено... не могут без этого — выходцы из КВН и «Комеди Клуба», это у нас фракция Маслята, так развлекается... соколы Маслюкова...

Владимир Владимирович дождался, пока стихнет возбуждение, и продолжил:

— Не секрет, что люди, не употребляющие алкоголь или употребляющие его в разумных количествах, тяготеют к этой древнейшей из всех возделываемых на Земле сельхозкультур.

Не будем даже брать в пример работников творческой нивы: писателей, художников, скульпторов... с ними всё ясно, достаточно глянуть на их произведения, сразу понятно, «кто есть ху». Не надо далеко ходить... — Он махнул рукой в сторону Кремлёвской стены и улыбнулся. Достаточно попасть за эти стены... что мы увидим?.. — Он сделал паузу. — Большинство в правительстве... чего греха таить... и Сам Президент... не прочь вечером, если дела позволяют... пригубить косячок-другой. Не каждый день, ясно дело. — В глазах Президента появилась грустинка воспоминания. — Было, правда, когда я резидентом в Германии служил, сидел на чердаке, в Мюнхене, по несколько месяцев соблюдал режим радиомолчания, в эфир не выходил. Словом перекинуться не с кем. Крыша едет... В аптеку не пойдёшь — вычислят. В винный — тоже. Конспирация: все, кто водку берут, могут попасть на заметку, а шнапс их, вонючий!.. Словом, сменщик мой куст в горшке какой-то оставил, мы на него антенну крепили. Так я потом в тайнике «Библию коноплевода» нашёл, с картинками. Мне того куста, а он метра под четыре вымахал... чердаки у немцев высокие, застеклённые... до конца командировки хватило. Три года каждый день употреблял. И ничего, как видите. Потом в Питер перевёлся, там где взять? Одни «химики» вокруг. Редко когда товарищи по оружию подкинут презент с Чуйской долины или из Бенилюкса. А теперь

представьте себе печень, сердце и почки человека, три года ежедневно выпивающего водку. Я уже не говорю про его мозги. А наутро? Что несёт нам алкоголь?.. Синяки под глазами, вонь изо рта, головную боль и красные опухшие рожи по утрам. Именно — рожи, я не могу назвать это лицами. Ранняя смерть, цирроз печени, дети — сироты и нищета. Что несёт нам алкоголь? Я думаю, ни одна русская семья не миновала этой участи. У каждого есть что вспомнить о себе или своих родных, близких, друзьях. До каких пор на нас будут наживаться производители водки и пива, куда стремится молодёжь «бегом за «Клинским»? Доколе, я вас спрашиваю, лоббисты во властных кабинетах будут протаскивать законы, практически поощряющие пьянство? А ставшее бизнесом искусство восхвалять это якобы национальное свойство русской души? Ведь, это фальсификация Истории, саботаж того созидательного, поступательного движения, благодаря которому Россия пришла к Гегемонии в Мире и будет её удерживать во веки веков, несмотря на происки как извне, так и наймитов внутренних. Вот почему после долгих лет раздумий и экспериментов, методом проб и ошибок, лучшие умы нашей Родины пришли к единому мнению о необходимости некоей Идеи, Объединяющего Национального Продукта, который в будущем, и я в этом не сомневаюсь, станет гордостью, символом Возрождённой России. России без Зелёного Змия, России, населённой здоровыми, жизнерадостными и вечно весёлыми гражданами. Такой продукт найден, и мы не изобретали велосипед. Достаточно посмотреть вглубь Национальной Истории, истинной Истории, Истории с большой буквы, а не той, удобной, сотни раз пропечатанной в книгах. Ещё наши древние предки познали радость общения с этой великой, данной нам Богом сельскохозяйственной культурой. Славяне испокон веков растили Коноплю. Первые упоминания о ней в нашей Истории датируются задолго до христианской эпохи. А само название — вдумайтесь: КОНО-ПЛЯ! Что

такое Коны, Каноны, объяснять не надо, — это то же, что и Веды в великих Восточных Учениях. А Законы — это то, что придумали люди, Законы находятся ЗА КОНАМИ, вдумайтесь на досуге. Именно по КОНАМ существует мир, вернее должен существовать, но по ряду причин... мы с вами только на пути к этому МИРУ. Так вот, именно КОНЫ или КАНОНЫ мироздания, базирующиеся на ЛЮБВИ, вплетает в наше сознание это Растение. Существует мнение, что оно было занесено к нам с Востока. Последние исследования учёных доказали обратное. Татаро-монгольские завоеватели приходили на Славянские земли исключительно за Коноплём. Вкусив однажды привезённую с Запада Траву, они отложили походы на юг и восток и направили все свои усилия на земли Русичей и Русинов, испокон веков возделывающих это Растение и относящихся к нему как к Священному. И дань, которой они обложили города русские, была не золото и серебро, как писали потом в учебниках. Это были Анаша и Гашиш. И именно Великие Моголы принесли Её семена к берегам Ганга и горным долинам Тибета. Так почему же исконно Русский Продукт культивируется где угодно, но не на своей исторической Родине? Не пора ли нам вернуть обратно наше Историческое Наследие? Загляните на голландские сайты: наряду с такими сортами Канабиса, как Индика, Сканг, Вайт Видоу, вы увидите такие сорта, как АК-47, Т-34, МИГ-29. О чём это говорит? Селекционеры всего Мира отдают дань уважения к Истории и называют наиболее сильные сорта русскими именами. Всё возвращается на круги своя. И если Пётр Первый, чью роль царя-реформатора никто не отрицает, привёз из той же Голландии-Европы пьянство, разврат, табак, неудобную одежду и эти блохосборники на голову, то теперь движение пошло обратно. Они заимствуют у нас. И к тому же вас не терзают смутные сомнения: а так ли уж полезны и правильны были эти реформы и столь угодническое преклонение перед Западом? Давайте глянем на факты, абстрагируясь

от всех уловок промоушена и пиаркампаний. Что могла вообще дать Миру Европа, перманентно корчащаяся от чумы, холеры, тифа, раздираемая междоусобицами, войнами и погружённая во мрак средневекового пьянства, что могла взять от неё Россия? И что она в конце концов получила? Так ли уж уместно было тотальное, рожденное воображением хмельного Царя уничтожение Национальных традиций и подсадка народа на чуждую ему «дурь»? Ведь в допетровские времена Россия не пила ничего крепче медовухи, всё только натуральное, самобродное. Помните классику: «...фу, вонища-то какая... бояре кофий пьют...». Алкоголь, табак, далее соса-сола, жвачка, гамбургер — вот откуда берутся истоки бед Русского народа! Вспомните французскую кухню — это же помойка с пожиранием лягушек, улиток и прочей гадости. От хорошей жизни человек потянет это в рот? Я уже не говорю про сыр, который суть стухшее молоко. Голод заставил их. А потом, чтобы не позориться перед всем Миром, они внушили наивным, что это очень изысканно, а кто не понимает, тот «ле кон» и «табарнак». Прошу прощения за ругательства. Вот и едим... «А король-то голый...»

Президент сделал паузу, чтобы глянуть в шпаргалки на трибуне, попил водички из пластиковой бутылки и саркастически улыбнулся, показав камерам этикетку. — Вот, пожалуйста, «Перье», в России воды не хватает. Да у нас такой «перье» в каждом дворе!.. Ну, не будем отвлекаться по мелочам. Мы ведь сейчас заняты строительством Нашего Дома: Счастливой и Беспохмельной России. Раз уж затронули тему, продолжим о Культуре. Посмотрите на наше наследие, разве увидели бы свет такие произведения, как «Евгений Онегин», «Война и Мир», «Сибирский цирюльник», наконец, не дружи авторы их с Канабисом. А возьмите творчество Корнея Ивановича Чуковского. Всё, начиная от псевдонима. Кто не знает, его настоящее имя Николай Васильевич Корнейчуков, — свидетельствует о творческом союзе чело-

века с Природой посредством Чудо-Травы. Перечитайте «Тараканище», «Котауси и Мауси», «Муха-Цокотуха». А его переводы Уитмена «Листья Травы»?.. А вот мои любимые с детства строки: «А лисички взяли спички, к морю синему пошли, море синее зажгли... Море синее горит, выбежал из моря кит...», или вот: «Долго-долго крокодил море синее тушил пирогами, и блинами, и солёными Грибами...» Всё кончилось хорошо, концепция ясна. Так вот, скажите теперь, мог ли человек, не прикоснувшийся к мудрости «Травы», так тонко и аллегорично показать процесс победы Добра над Злом? Никогда!!! И сколько поколений остались бы обделёнными в духовном плане. И что бы выросло из них? Я могу с уверенностью сказать, что это были бы «потерянные поколения». — Он опять заглянул в текст, но воду пить не стал. — Теперь, от пищи духовной, от возвышенного, разрешите перейти к более земному и материальному. Что значит Конопля в макроэкономическом аспекте? Отвечаю: целлюлоза, ленка, волокна, экологически чистая одежда. Это лекарственные препараты, технические масла, альтернативное топливо, куда менее вредное с точки зрения экологии. К тому же легко восполняемое, в отличие от ископаемых углеводов. Давайте подумаем, что будет лучше нашим внукам заливать в баки своих транспортных средств? Обратите внимание, как это сочетается с концепцией Энергетической Безопасности и Мировой Гегемонии. И кто бы там ни корчился в истерических припадках, это уже свершившийся факт — Россия есть и будет Экономическим и Энергетическим Гигантом. При наших лощадях, освободившихся от сибирской тайги, наших учёных, способных вывести самый высокоширотный сорт, способный расти даже на наших территориях в Антарктиде, которые уже тоже освободились ото льда и готовы под распашку, мы можем выращивать такие урожаи, которые дадут нам возможность полностью взять в свои руки Энергетические ресурсы Земли. Понятно, что это означает. Это полное управ-

ление всей Экономикой Земли! Это полное хозяйствование на мировых рынках и биржах. Полное регулирование мировых Цен. Вот что даст нам Канабис, но я бы посоветовал называть этот дар Божий родным русским словом «Травушка»... Как богат наш язык, какое красивое слово — «Травушка». — Владимир Владимирович снова сделал паузу, с сомнением посмотрел на бутылку минералки и опять удержался от импортной воды. — Я бы мог говорить о НЕЙ часами, но регламент прямого эфира обязывает... мне подсказывают, что в девять часов прямая трансляция матча по шахматам... поэтому разрешите перейти ко второму, не менее важному для будущего России вопросу. Вопросу о преемственности Власти. Вы знаете, сколько раз я вступал в Должность, знаете, сколько сроков я отработал в общей сложности на Посту Номер Один. Теперь я решил уйти... уйти из большой политики навсегда... ну, если только, непредвиденные обстоятельства не заставят... Но я сомневаюсь в таком повороте событий... Россия набрала крейсерскую скорость в своём поступательном движении и развитии, я могу и отдохнуть. Но меня, как Главного Администратора Страны с большим стажем, не может не волновать вопрос, какие руки подхватят бразды правления, куда поведёт рулевой *Страну, а фактически и всю планету, то бишь, считай — Систему. Всю Солнечную Систему. Вы понимаете космический масштаб Должности под названием Президент России! Вы представляете сопоставимость масштаба Должности и Личности, способной прийти мне на смену? Я хочу вас заверить, что мною подготовлен достойный Преемник. Это молодой, энергичный, известный, одних книг, вон, две сотни написал, знающий и тонко чувствующий человеческую душу... я бы сказал, Психотерапевт от Бога... Доктор Андрей Владимирович Курпатов! — Президент похлопал в ладоши, ободряя стеснительно переминающегося возле ближайшего к трибуне чайного столика эскулапа. — Проходи, проходи, Андрей, то, что ты

Доктор, это только плюс в нашей работе. Нечего стесняться. Ты наш, петербуржец, будут проблемы, на первых порах поможем. Команда наша сплочённая. Ну, неловко так сразу, за трибуну... могу тебя понять. Давай, я к тебе, за стол... так оно даже уютней выйдет. Шок у него, ребята, от неожиданности, пусть успокоится, у него должно быстро получиться, он ведь — психиатр.

Президент вышел из-за трибуны, прошёл к столику Курпатова, пожал Преемнику руку и усадил на стул. Сам сел напротив, и, налив чай, выпил чашку одним глотком.

— Сушит что-то, — прокомментировал он. — Настроение чемоданное... все мы люди...

Он налил вторую чашку.

— Вы даже не представляете себе моё изумление... — начал Доктор.

— Расслабьтесь, вы же без пяти минут Президент, я не думаю, что у кого-то возникнут вопросы на Выборах. Люди меня уважают, с моим мнением считаются, правильно я говорю? — Он обратился к окружающим, которые дружно закивали головами в знак согласия, а из динамиков зазвучали «звуковые консервы». — Эх, хорошо здесь у вас, за чаем... по-домашнему... прям как в сериале снимаешься про любимую няню...

— А чем займётся, э... после?..

— Да ничем. — Президент мечтательно улыбнулся. — Сначала в горы поеду, и кататься, кататься... А по вечерам сидеть у камина, смотреть на огонь, курить кальян, читать стихи Корнея Ивановича... И так целый месяц. А вам советую первым же указом учредить Суточный Еженедельный Телемарафон в поддержку РНП. Я назвал бы его «ПОСЕВ». Привлеките Эрнста, пусть и «Русское Радио» подключится, а то им бы только Кремль засирать своими «Граммфонами», чего в них русского? Пусть делом займутся... И над рубриками подумайте. Предлагаю: «Вести с полей» для старшего поколения, для среднего возраста —

«Рулёз», для юнцов как-то типа «Шняга», «Бутор гнать». Вы помоложе будете, сами всё знаете, вам и карты в руки... Ответственными поставьте Пашу Воля — у него фамилия подходящая, или Бульдога — у него тоже неплохое погоняло, они люди авторитетные... А может, этих Новых Бабок Русских, патриотичней, и они явно «в теме». Да и по авторитету, ещё не знаю, кто главнее...

Владимир Владимирович встал, по привычке попытался одёрнуть китель, который уже много лет пылился в сундуке, проложенный нафталином... спохватился, улыбнулся своей загадочной улыбкой, значение которой вот уже двадцать лет является предметом обсуждения во всём мире.

— Ну, бывайте... Не провожайте, тут недалеко... дойду... — сказал ОН. И, напевая себе под нос «Ах, мой милый Августин...», пошёл вдоль Кремлёвской стены по направлению к Спасской башне.

Первое правило Боза — никому не говори, что ты Боз

1

Бывший капитан ГАИ из Бутово, а ныне кочевой гоан из Арамболя Андрей Ивушкин приехал в Кандолим с женой на такси. Ольга сидеть на байке уже не могла. Да и такси пришлось взять — микроавтобусик «Марути», который был шире мягкого и комфортабельного судзуки «Воган». Ольге надо было как-то разместить горящую огнём от боли ногу, каждое касание к которой вызывало потемнение в глазах. По схеме, довольно доходчиво изображённой ему авторитетным гоаном Тимуром Мамаевым, к моменту её рисования употребившим уже шестой в этот день чалом, он сразу

沒頭沒腦在幹什

一隻鳥兒飛飛飛

沒是沒非翅膀飛

人人都有手和脚

腦裡觀念不自由

沒事喜歡找煩惱

看燕兒，觀鳥兒，

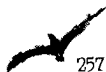
那樣的自在…

你也有

нашёл дом. Дом, прилегающий к нему ресторан под названием «Ку Ку Гарден», а также прочие владения загадочного китайца приютились в тихом, вальяжном по гоанским понятиям районе, облюбованном иностранцами с достатком. Преобладающее народонаселение этих мест — приезжающая на сезон обуржуазившаяся некогда хипповская тусовка, теперь разбогатевшая, раздобревшая, обрюзгшая от повысившегося качества жизни и оставшихся с молодости привычек. В своё время вкусившая вольницы и химической составляющей психоделического движения молодёжь, пионерившая на западном берегу Индостана, частично вернулась в социум. Поокончала Кембриджи с Оксфордами, позаводила бизнесы, набомбила различными методами различных эквивалентов человеческого труда. А когда всё уже стало впадлу и обрыдло по самые «ого-го», со всеми этими еврами, бушами, акциями, саркозиями и дельпонтами, вспомнила ветер молодости, носившийся в голове, и вернулась к истокам. Но ветер ослаб и не может надуть паруса. А тело — у кого отяжелело и плохо держится на воде, у кого плохо выводит продукты жизнедеятельности и поэтому не тонет во время дайвинга, нацепи ты на него хоть двадцатикилограммовый грузовой пояс. Завязывать обувь становится всё тяжелее из-за одышки и живота, непонятно откуда начинающегося и не видать чем заканчивающегося. И это тоже один из пунктов «за», перевесивший чашу весов в сторону решения поменять климат на тот, который позволяет обходиться без носков и ботинок на шнуровке. Подружка, некогда закрывавшая собой надпись на его спине: «Чувак, если ты это читаешь, значит, моя тёлка вылетела на последнем ухабе», уже не помещается на заднем сиденье скутера. А утрамбовавшись, задирает переднее колесо и увеличивает парусность, закрывая обзор попутным автомобилям. Бездумная гонка по колдобинам в молодости сделала из её позвоночника подобие коленчатого вала. Поэтому, если Магомет будет сидеть

и ждать, когда эти горы придут к нему, к горам прибежит другой Магомет, коих немало в Гоа. А это будет совсем не по-китайски, ибо китаец, не занятый делом днём и ночью, — это мёртвый китаец. Даже если он китаец, который знает человеческое тело так, что читать ему его легче, чем аспиранту-филологу букварь.

Доктор Ку Ку, как он сам себя называет, или Мастер Зен, как называют его ученики, или просто Мастер, арендовал в Кандолиме участок, построил дом, посадил сад, который назвал «Ку Ку Гарден», и стал принимать страждущих.

Гоа — место бойкое. Кроме бывшей хиппни, замиксованной на друзьях благородных кровей, также жаждущих глотка воздуха свободы с гашишным дымом, люд сюда заносит разношёрстный. От темпераментных в известной области финнов, к концу отпуска опухающих до состояния борцов сумо, до поджарых немцев с плаката группы «Скутер», пугающих чинную публику рёвом своих фриковских байков с пробитыми глушителями. А где фрики, финны, байки, водка, пиво и слоны, между ног которых финны на фриковских байках пытаются проскочить, попивши пива с водкой, там конечно же травмы, переломы, ссадины. А если к тому же слон оказался мальчиком, а финн был без шлема и не успел пригнуться, то контузии, сотрясение остатка мозга, у кого он есть, и переломы позвоночника. Вот на такую благодатную почву и посеял семена своего таланта восточного врача и виртуоза акупунктуры Мастер Зен, некогда признавший себя Ку Ку. Десятки людей по всему миру, просыпаясь по утрам и опуская ноги с постели, вспоминают ещё одно имя доктора, давшего возможность их ногам ощущать прохладу пола, — Боль. Именно он дал этим людям возможность находиться вертикально к поверхности земли. Да просто жить и думать о чём-нибудь ещё, кроме того, как облегчить страдания своим близким, ухаживающим за парализованным. Доктор знает о Боли всё. Доктор любит Боль. Доктор лечит Болью. Болью, которая калечит тело и души, он лечит душу

и тело. Он смакует Боль, заглядывая в глаза приговорённому, он радуется, если увидит в ваших глазах Боль, и расстраивается, как ребёнок, если Боли нет. Боль — орудие его лечения. Если иглы, которыми он орудует в вашем теле, — движитель, то Боль — двигатель борьбы с болезнью. И когда игла, удачно воткнутая в бесчувственную конечность, как в масло, прошивает плоть, наконец-то пробуждая энергию, да так, что выскакивает под напором этой энергии, и консилиум учеников восхищённо взрывается: «Чи!!!», улыбающийся китаец с добрыми и сумасшедшими глазами устало подтверждает больному: «Чи, Чи пошла...» Энергия Чи пробилась через омертвевшие нервы, порванные артерии, сломанные кости в атрофированную конечность. Она будет при вас, ваша только сейчас осознанная свобода материалистического бытия, и пальцы на руках смогут самостоятельно чиркать зажигалкой, и пальцы на ногах не будут казаться бесполезным анахронизмом прошлой жизни. Теперь доктор может покурить. Он отыскивает в китайских штанах золотой китайский портсигар, достаёт из него цветную сигарету «Собрание», чиркает сапфировой кнопкой тяжёлого платинового «Ронсона», и взгляд его уносится в бесконечность за тонкой струйкой благородного дыма, может быть на Тайвань, туда, где его дом? Ученики молча стоят рядом. Они ждут. Они никогда не тревожат Мастера в такие минуты. Китаец любит дорогие хорошие вещи, китаец заслужил комфорт. Как это? Как может врач, видящий насквозь человеческое тело, знающий о последствиях курения и даже запрещающий своим клиентам употребление сахара, курить? Врач не может, но он не врач, он Доктор, Доктор Ку Ку или «куку Доктор». И ему можно. Если другим нельзя, то ему можно всё. Ибо он Доктор Боль, а значит, Доктор Жизнь. Ведь Боль начинает Жизнь, и Боль поддерживает её, и Боль ведёт нас по Жизни, напоминая телу, что оно существует. Ну а саморегулирование, присущее Жизни, к тому же китайской национальности, никогда не позволит Доктору лишнего.

Когда Андрей буквально на себе втаскивал жену на второй этаж, где принимал Ку Ку, подросли ученики. Взяв Ольгу на руки, они принесли её и уложили на кушетку, застеленную поиндийски чистой простынёй. Лежать она могла на спине, только подложив под голень подушку, но и с ней лицо её искажала гримаса, и от неё веяло Большой Болью. Доктор безразлично посмотрел на ещё одного рутинного пациента. Ну, больно, он почувствовал силу её Боли, так это же хорошо, значит, ещё жива, подправим в порядке очереди, обозначенной на талончике, снятом её мужем с ржавого гвоздя у входа. А пока надо немцу астму убрать, пятнадцать лет мучается, бедолага. Ку Ку одноразовым приспособлением, похожим на шариковую ручку, в которую вместо стержня зарядили шило, наковырял у немецкого гренадёра, распластанного на соседней с россиянкой кушетке, около сотни дырок в спине. Ученики приложили к этим местам вакуумные чаши, являющиеся правнуками «банок», которые ставили в детстве нам бабушки и мамы, исполняя при этом магический ритуал огнепоклонников, засовывая горящие спиртовые факела в волшебные стеклянные колбы. Здесь ничего этого не понадобилось. Приложенный к встроенному в макушку чаши ниппелю маленький насос в виде пистолета, без запомнившегося с детства волшебства отсосал из неё весь воздух, втянув в себя часть кожи на спине бундеса. Большая чаша, установленная между лопаток с напиханной в неё туалетной бумагой для впитывания немецкой крови, запотела изнутри, а маленькая, присосанная под ней, стала быстро наполняться кровью неестественно тёмного цвета.

— Вот, — показал Доктор пальцем на большую «банку». — Излисьняя Янь, аж пар посёл.

Ученики склонились над фрицем, защёлкали фотоаппараты и мобильники, запечатляя таинственное явление, вряд ли разпишимое на снимке.

— А вот тут, — он с хлопком оторвал маленькую «баночку», из которой шмякнулись на тело окровавленные туалетные бумажки, — она и притаилась, сейчас мы её будем убивать, убивать!!! — Он подмигнул окружающим весёлым, сумасшедшим глазом. Ученики вытерли кровь, принесли другую чашу, побрызгали на стойкое немецкое туловище из цветочной брызгалки с надписью «Алкоголь», отчего в воздухе разлился сладковато-противный запах местного самогона фени, гонимого из гнилых «груш» ореха кешью и употребляемого лишь местными «синяками» и российскими туристами. Последним его аромат напоминает деревенский «первачок», «зело, ладно шедший» во время рыбалки где-нибудь под Калязином или на Ахтубе. Ку Ку применил дырокол повторно и с ещё большей яростью. Немец подёргался было, но маленький китаец железным пальцем ткнул его куда-то под ребро. Тот дёрнулся сильнее и затих. Доктор несколько раз отрывал «банку», ковырял новые дырки, присосанной сферой что-то выжимал из кровоточащих, проделанных им в пациенте отверстий, приговаривая: «Нет, резать нельзя... резать плохо... резать — каналы повредятся, энергетические... мы её и так высосем... мы её нежно, поцелуями убьём...» Пот выступил на лице увлечённого китайца. Из присоски то и дело выгребались куски окровавленной бумаги с какой-то белой густой субстанцией, которой набралось уже грамм сто.

— Стоп, — поднял вдруг руку Доктор Боль. — А вот и она сама, её величество. Лейте спирт.

Это уже напоминало фильм «Чужие» в самых любимых подростками эпизодах, когда из человеческого тела нарождаются милые членистые и кольчатые существа. На вымытой самогоном спине из рваной ранки выглядывал отросток, не напоминающий какую-либо часть человеческого тела. Мастер взял пинцет, ухватился им за торчащий кончик и ещё минуты три аккуратно выуживал из тела вредоносный объект, обливаясь потом. Наконец

он с улыбкой поднял на уровень глаз «червячка», побрызгал на него и показал на чёрный кончик.

— Корень, корень, фак его! — удовлетворённо констатирован он. — Если бы порвался, опять вырастет. — Допуская прощительные китайцу ошибки в английском языке, улыбнулся он. Из дальнейшего рассказа стала вырисовываться туманная картина. То ли инфекция, то ли опухоль, то ли ещё какая-то инородная хреновина — Доктор не различал понятий, или окружающие чего-то не догоняли. Он обозначал всё единым английским словом «инфекшен». А может, так он произносил слово «инфламейшен», что означает «воспаление». Случилось эта беда у ганса лет пятнадцать назад. И с тех пор «оно» росло и перекрывало суррогатному инкубатору энергетические или ещё какие-то каналы, в результате чего его всё время и мучила астма. Теперь эта «шпыня» отправится на помойку, а Ку Ку устал и хочет покурить. Он бросил кусок «нечто», общёлканного фотоаппаратами, в урну с красными бумажками, улыбка сошла с его губ, пациент стал ему не интересен. Доктор сел на кушетку в ногах притихшей русской и закурил. Несколько минут он пристально её рассматривал. Взгляд медленно прошёлся по телу, остановившись на рваной, по последней гоанской моде, майке, более вольной, нежели те, в которых принято ездить в метро в жаркий июльский день. Заглянул в глаза так, что маленькие иголки вдруг кольнули девушку в затылок. Потом хлопнул по левому бедру, показывая, чтобы та перевернулась.

— Носька болит? — по-английски, но всё же достаточно по-китайски спросил он, затягиваясь и кладя ладонь на правую ногу женщины.

— Ес. — Выдавила из себя вампирскую улыбку Ольга.

— Красивая... — Вдруг сказал он по-русски: — Осень коросё... Натася?

От возмущения Боль утихла в ноге.

— Оольгаа, — выдохнула она.

— Русских много красивых, русских много Натась, — невозмутимо продолжал Ку Ку. — Ты не Натася, осень коросё, ты Ольга.

Тем временем он скатывал и стаскивал с неё трикотажные шорты вместе с трусами. Оголив половину попы, он ткнул пальцем в поясницу.

— А почему болит носька? А потому что вот тут весь «с-сит», по-русски — «говно». — Последнее слово было произнесено безукоризненно правильно и с выражением.

— Да, да, тут болит, тут биг проблем, много лет уже. Защемило где-то тут... — простонала девушка. — Последние два месяца терпела... а как совсем невмоготу стало, ой...

— Ой! — передразнил её Мастер. — Совсем плоко, что долго терпела... масына плоко ездит, к меканику быстро идёс? А когда тело плоко, кодит к Ку Ку, только дурак не идёт...

Он потянул с неё штанишки, до конца сняв с попы. Пальцем тыча между ягодиц, гуру вещал ученикам, наклонившимся с фотоаппаратами:

— В пояснице сдвинулись позвонки. Чи не идёт. Чи не может идти, потому что позвонки, когда смещаются, проходящие внутри них проводочки и трубочки перекрываются. Поэтому носька болит и не сгибается. А тут геморрой, потому как Чи не идёт. Потому что тут, в пояснице, если долго терпеть, может появиться инфламейшен... а когда в пояснице инфламейшен, то Чи утихает?.. Пока Ку Ку не знает, что случилось... и никто не знает, потому что Ку Ку не знает... А раз Ку Ку не знает, значит, точно никто не знает. Но Ку Ку узнает, потому что Ку Ку надо узнать... А раз Ку Ку надо узнать, то Ку Ку обязательно узнает...

Это могло продолжаться ещё долго, потому что во время назидательных причитаний он руками исследовал тело девушки, ощупывая попу, просовывая пальцы куда-то в пах, между ног, массируя большим пальцем геморроидальную шишку... Но в

это время захрипел немец. Выгибаясь, он закатывал обалделые глаза, пытаясь что-то сказать. Присосанная между его лопаток огромная «банка» втянула в себя столько кожи, что лоб его стал гораздо выше, улыбка шире, глаза напоминали докторские, а уши — уродливую ночную бабочку, севшую на шею. Он пытался что-то произнести, но бабочка-вампир так вцепилась в его горло, что у него перехватывало дыхание. Ученики обычно старались не нарушать плавное течение размышлений Учителя. Но в данном случае как-то вяло всё-таки взяли на себя смелость обратить внимание Великого на попытки тевтонского туловища привлечь внимание. Доктор нетерпеливо отмахнулся, мол, потом, и скинул вьетнамки.

— Сейчас механик отремонтирует твою ноську, красивая. — Китаец бесцеремонно вскочил на девушку, упёрся коленом в её крестец и закричал мужу: — Поднимай!.. Только тико, тико... — уже шёпотом добавил он, указывая на левую ногу. И придавил таз пациентки к кровати. Ольга вскрикнула, что-то хрустнуло в её теле, бритва Боли полоснула по сознанию, развалив его на две части. Одна половина пространства скрутилась в рулон, оставив вместо себя черноту. Во второй осталось только где-то в самом углу подсознания перевёрнутое китайское лицо с вопрошающими глазами: «Коросё? Осень коросё?»

Потом сознание медленно, кусками, как картинка спутникового телевидения во время грозы, восстановилось. Лицо резво спрыгнуло с кровати и предстало улыбающимся Ку Ку, с руками, ногами и хитрыми сумасшедшими глазами, в поклоне, указывающем на установленную в углу веранды палатку из противомоскитной сетки.

— Стенд ап, красивая, в чиллаут, плиз, — на русско-английском с китайским акцентом пригласил её тайванец.

В шатре на расстеленных в два ряда матрасах лежало несколько человек и оттопыривалось заунывной китайской музыкой. Сама же оттопырка являлась саундтреком к профильной,

наилюбимейшей и главной процедуре Жизни Мастера Ку Ку Зена, Доктора Боль. А именно — акупунктуре. Блаженствующие на матрасах люди, некоторые из которых лежали на животе, а какие-то на спине, выглядели по-разному. Кто-то неважно. Кто-то совсем «никаким». Кто-то, как в армии — «выздоровливающим». А кто-то напоминал дикобраза в брачный период, когда он распушает свои иголки. С той только разницей, что дикобразы приплясывают, привлекая самку, а эти только кряхтят, пердят и стонут, не в состоянии напрячь мускулы. Даже мысль о напряжении мышц сейчас повергает их в тихий трепет. Ибо тело вспоминает Боль предыдущих попыток, когда, по неопытности забыв выключить мобильник в кармане, рука автоматически дёрнулась к нему. И единственная мысль бьётся в мозгу: когда же прекратится эта китайская извращённая экзекуция китайскими иголками под китайскую пыточную музыку. Так думают новички. «Выздоровливающие» со стажем благодаря опыту расслабляются и даже получают садо-мазное удовольствие, предвкушая возвращающееся здоровье. Процедура эта длится у всех по-разному, на усмотрение Доктора. Кто-то после «банок» оттягивается час. Кому-то он не ставит «банки» вообще, а сразу — «к станку», и держит их двадцать минут. Кому-то прописывает порошок, и его милая, классической китайской наружности помощница Сэма мурлыкающим китайским говорком объясняет пациенту, сколько, куда и как часто его надо принимать.

Откидывая противомоскитные полы, чтобы пропустить даму, галантный Доктор мимоходом оглядел веранду. На глаза ему попался синеющий немец.

— Пардон, мадам, устраивайтесь на матрасе, я не заставлю вас долго ждать, — чисто, без акцента, с почти оксфордским произношением вдруг проговорил он.

Вернувшись к кушеткам, Мастер потыкал мраморного оттенка тело пальцем и задумчиво спросил у учеников:

— Я не пойму, он что, синий или меня от жары заглощило? Разве к нам приходил сегодня Кришна на приём? Нет... мы сами все во власти Божьей... Это он вызывает на приём, он же — Абсолют, как утверждают кришнаиты. А раз синий и не Кришна, значит, этому человеку плохо, он замёрз! А как можно замёрзнуть в такую погоду?.. Только если в теле нет Энергии. Тело без энергии мертво, оно мёрзнет и синеет. — Он поднял палец вверх и закончил в голливудском стиле: — Мы теряем его!!!

Ку Ку открутил клапан ниппеля, впустив воздух в сферу и вернув органы слуха и скальп «жмурика» к «заводским настройкам». Легонько, но звучно треснул немца под основание черепа, примерно в то место, откуда только что отъехали уши. Тело дёрнулось, захрипело, открыло налившиеся кровью глаза, надрывно и часто задышало, приобретая совместимый с жизнью цвет.

— И заберите, наконец, эту факинг «банку»! Где вы её взяли, кто просил бегать ко мне домой и шарить по полке с наградами? Я сказал — самую большую, имея в виду из тех, что находятся в приёмной. Эту подарили мне студенты, таких вообще не применяют, это же сувенирная, размером XXXL... Как ты, солдат? Да помойте же ему, наконец, спину спиртом, здесь леди, а у вас крови, как в японском кино! Вставай потихоньку, тебе теперь туда. — Он похлопал возвращенца по щеке и указал на шатёр.— От Ку Ку ещё никто мёртвым не уходил... Коросё!!! Располагайся рядом с красивой.

Он повернулся к ассистентам. Состав их был настолько разновозрастным и интернациональным, что не все понимали друг друга. Ему помогали и «специально обученные люди» из непальцев, и друзья-китайцы, и влюбившиеся пациенты различных полов, в порыве благодарности решившие посвятить себя служению Доктору Жизнь, своему здоровью и избавлению людей от страданий, приникнув к источнику знаний и Энергии, исходящей от Мастера. Китаец взял в руки тяжёлую трость, подкинул её в

руке, с загадочной улыбкой глянув на них. Потом повернулся к манекену золотого цвета, всему испещрённому татуировкой схемы расположения основных нервных точек человека. Откинул палкой, проверив, всё ли на месте, ленточку из индийского флага, прикрывающую гениталии. Пинком развернул манекен и ткнул палкой в середину его спины.

— Здесь была «она», мы её убивали, Энергия Жизни питала и её, она сильно сопротивлялась, я отключил Энергию вот тут. — Он ткнул в левый бок. — И он умер, но и она умерла. Оставалось только включить его и всё... А вы «банку» никак снять не могли. Человек так совсем обидеться может. Сколько раз я показывал, как дыхательный центр включать, ерунды какой-то доверить нельзя. Всё Ку Ку, всё Ку Ку один делать должен, обо всём помнить должен... Что мы консулу скажем, если у нас гражданин Германии умрёт с «банкой» на спине? Помните, мёртвый пациент уже не может считаться таковым, он сразу переходит в категорию клиентов, сильно теряя во всех своих качествах. В том числе, и в платёжеспособности. И это полбеды. Он становится не нашим клиентом, а их. — Он показал в сторону Калангута, где, дымя по ночам, чтобы не портить аппетит постояльцам близлежащих отелей, располагался центральный крематорий провинции Бартез.

2

В «оттопырочной» восточный «садист» украсил девушку иголками разной длины, заставляя слушать «романтическую» музыку и обучив специальному дыханию, когда вдыхаешь Энергию и выдыхаешь Боль. Она лежала на раздавленном Боль матрасе, прислушиваясь к новым, незнакомым ощущениям. Воткнутые умелой рукой Мастера одноразовые антенны как будто бы воспринимали на себя звуки, льющиеся из дешёвого проигрыва-

теля, и распространяли их по телу. Иглы, вогнанные на разную длину, как латинский духовой инструмент, состоящий из разно-размерных флейт, заиграли в плоти здравицу Боли. Или реквием Болезни?

По окончании «плюка с гвоздями» девушка вышла из «инквизиторской» улыбающейся и помоподевшей. Слезы катились по её щекам. В порыве она обняла Ку Ку, поцеловала, как положено, три раза по-русски и ещё несколько минут причитала у него на плече восторженную мантру на международном языке. Китайский мужчина возрастом где-то от сорока до семидесяти оторопело похлопывал её по плечу, тоже шелча на ухо. Он привык к проявлению эмоций. А может, какая-то другая Энергетическая струнка дрогнула в его душе, задетая камертоном пробуждающейся в женщине Чи? А может, просто сравнивал темпераменты женщин мира. Сколько их обнимали его? Наконец они оторвались друг от друга, он развернул её за плечи и, легонько толкнув в сторону наблюдающего мужа, сказал:

— У вас, наверное, секса не было дня три-четыре? — Он сделал паузу, состроив хитрые азиатские глаза, ожидая ответной реплики от Андрея, пока тот, путаясь в мыслях и кустарном английском, строил умное лицо. — Так чего стоишь, бери её, вези домой и фак, фак как следует, ей сейчас этого надо, и побольше... только тико, тико...

Ольга вышла от Доктора на своих ногах. Сама довольно бодро дошла до машины. Смело села на сиденье... и взвыла от Боли.

— Давай обратно... это трендец какой-то... по-моему, ещё хуже стало, я думала, это всё... думала, он волшебник какой-то... за полчаса исправить то, что пятнадцать лет болело... Зря я села, надо было лёжа...

Россияне на трёх ногах поднялись обратно на веранду к китаюцу. Глаза его стали похожи на европейские, как только трёхногая парочка полалась ему на них.

— Ай-яй-яй... Ку Ку плохой механик, — причитал, цокая языком, Доктор. — Ку Ку плоко ноську смотрел, Ку Ку не рас-смотрел главный «с-сит», Ку Ку не увидел говно... Ай-яй-яй, а проблем-то больсе будет, чем Ку Ку увидел, потому что Ку Ку плоко глядел... потому что Ку Ку расслабился, курить стал... Ку Ку всегда знал, курить — плоко... а теперь понял, курить — сов-сем некоросё...

Он ещё какое-то время посамобичевал себя, свои дурные привычки и начинающуюся лысину. Потом что-то промяукал ассистенту китаёнку, тот пошурудил на столе и принёс ему лоток, с которым Доктор элегантно, не создавая ни малейшего шума, порхал между жертвами в шатре. Доктор нащупал точку в пояснице девушки, взял из лотка длинную иголку, приложил направляющую трубочку и воткнул жало. Игла, пробив кожу и часть жировой прослойки, вдруг изогнулась, наткнувшись на препятствие.

— Ай-яй-яй... вот он где, «с-сит», так, «с-сит», — приговаривал Мастер, как шомполом орудуя вдоль позвоночника. — Сколько лет у тебя это, красивая?

— Примерно пятнадцать... А что это? Мне в Москве врачи говорили, диски выскакивают... их вправлять надо...

Он что-то объяснил, опять применив загадочное слово, обозначающее то ли воспаление, то ли инфекцию. Смысл свёлся к тому, что по какой-то причине много лет назад эта хворь поразила хрящевые прокладки вокруг маленького позвонка. Они медленно разрушались и вот, похоже, разрушились, наконец. Позвонок, естественно, болел и смещался по мере прогрессирования болезни. А частые вправления ускорили процесс и усугубили результат. Не так давно у девушки был сильный эмоциональный всплеск, скорее всего, на сексуальной почве, и тот выброс энергии вкупе с механическим воздействием поставил окончательную точку, перекрыв энергетический канал. Пока

энергия пробивается, но каждое движение вызывает Боль. Скоро Боль прекратится, воспаление перекроет нерв. И тогда никакая энергия: ни Чи, ни не Чи, ни Прана, ни «фигана», в ногу не пойдут, а «носька» медленно отомрёт. В Европе ей могут сделать операцию, но когда режут тело, восстановить перерезанные пути жизненных сил тяжело. Люди после таких операций, которые стоят десятки тысяч евро, всё равно остаются инвалидами. Ведь операция на позвоночнике. А это главный кабель, к которому подключена вся нервная проводка, такая мелкая, что восстановлению не подлежит. И только сам организм способен справиться с этой задачей. Но его нужно правильно к тому подтолкнуть. И следует сказать спасибо тому явлению, что послужило толчком к выбросу упомянутой энергии, что спровоцировала кризис. Именно в тот момент, когда рядом оказался Ку Ку. Потому что ещё пара лет садомазохистских экспериментов над своей поясницей и стойкое перенесение Боли посадят её в коляску. Или, на худой конец (он махнул в сторону «указки»), эта палка будет её лучшей подругой. Сейчас он облегчит ей страдания, они поедут домой, сегодня и завтрашний день будут смотреть за состоянием «носьки», пить «волшебные» китайские порошки и «но факинг, этолл». Доктор взял из лотка свои тайваньские «приблуды», оказавшиеся острыми кнопками, вделанными в пластырь, той же конструкции чёрные металлические шарики, и густо декорировал этими болевыми дивайсами уши девушки. Несколько штук прилепил к её запястьям. Рукой художника добавив пару штрихов на щиколотки. До следующего визита, который состоится через день, снимать не велел. Так, выдав Боль «на вынос», он погладил девушку по волосам, проговорив:

— Болеть будет, но надо терпеть, попробуем раскатать твою Чи. Наблюдай за своими ощущениями, посмотри, какие чувства ты будешь испытывать к себе, мужу, жизни... Это важно. Ведь все болезни происходят вот отсюда. — Он постучал её китай-

ским пальцем по лбу. — Посмотри, как ты будешь меняться, Боль меняет людей. Боль заставляет человека внимательней смотреть на себя и окружающих. Тебе предстоит долгая дорога, Боль рождалась много лет. Ты, как раненая птица... я увидел её в тебе... а птица должна летать... Ты будешь летать, красивая... А теперь иди, Ку Ку думать будет, как лечить птичку. — Он почесал жидкую классическую китайскую бороду и добавил, обращаясь к Андрею, при этом глаза его были абсолютно серьёзны: — Помни, но факинг, только киссинг, тико... тико ...

3

На следующих нескольких сеансах китаец встречал русскую пару вопросительно-тревожным взглядом. Они не снимали с гвоздя пластиковый талончик с номером, согласно которому наступала очередь приёма, и Доктор определял, с какого наказания начинать. Он сразу клал девушку на кушетку, останавливая беседу с очередником. И применял придуманные ночью изощрения. То ли фантазия его была столь извращённой, то ли действительно в восточной медицине существуют подобные процедуры, но Ольга, ставшая с первого посещения главным объектом наведения оптики, почувствовала себя смесью телезвезды и подопытного кролика. Правда, в руках Мастера ей было даже приятно ощущать свою беспомощность и зависимость. Как раненой птице, волей случая попавшей к человеку и дрожащей в его руках, не доверяя до конца, но надеясь на спасение. Да и выхода у неё не было. Люди, сидящие вдоль стены и ожидающие приёма, также подходили к месту экзекуции и, впечатлённые, щёлкали мобильниками, предвкушая, как они будут показывать фотки своим друзьям и говорить: «Вот, вот, мне он ещё не такое делал. Я просто сам себя снимать не мог. С меня он ещё крови,

как с поросёнка, слил, аж нехорошо было!!!» Именно так, возбуждённо, рассказывал своим спутницам возрастной деятель российского шоу-бизнеса, неоригинально для этой категории людей прибывший на отдых с молодой любовницей и взрослой дочерью, подругой любовницы. У мужчин вообще с Болью менее терпимые взаимоотношения. А у этой категории «товарищей» они переходят в гордость за себя, перенёсшего «страшные мучения». Даже если результатом их явились три капли крови на туалетной бумаге, вывалившейся из «банки».

Ку Ку подходил к процессу, как истинный художник. Он лично грел злополучное место на пояснице девушки специальной «туркой» с дырявым дном, в которую вставлялась толстая китайская сигарета, набитая полынью вместо табака, угольком вниз. Накаливал в огне зажигалки иглы и раскалёнными погружал в русскую плоть. Они с лёгким шипением входили в тело, Доктор следил за реакцией испытуемой, но чувствительности пока не было. Он делал задумчивое лицо, что-то бормотал на разных языках мира, говорил, что попробует на ночь принять ЛСД, чтобы во время трипа увидеть проблему шире. Если и здесь он не нащупает пути вывода организма на нужный мобилизационный уровень и не сможет увеличить интенсивность разгона Энергии, то они вместе обратятся к Грибам. Для этого он позвонит Джеку Машруму, бывшему члену Ирландской Республиканской Армии, отсидевшему в общей сложности лет двадцать за терроризм, а ныне известному в Гоа гроверу, прославившемуся разведением и выращиванием псилоцибиновых Грибов. Джек — его лучший друг, Ку Ку вытащил его с того света, когда друзья привезли раненого английской пулей боевика на носилках и, положив в углу, сказали, что, если умрёт, он ничего не видел, нашёл его под дверью своего ольстерского кабинета. Пуля прошла Джеку навылет, повредив позвоночник и парализовав экстремиста. Китаец провозился с лежащим больным год, стараясь не расспрашивать

того о его биографии. Но Боль сближает, и со временем Доктор узнал из его уст всё. Китаец несколько лет жил в Великобритании и пользовался там огромной популярностью, но он не нашёл в ней гармонии и равновесия и обосновался в Гоа. Друзья и товарищи по взрывчатке забыли бывшего соратника или списали его со счетов, как инвалида. Ку Ку забрал его в Индию. Сейчас он живёт в Калангуте, а может, этот район относится уже к Баге. Способности и образование химика легко позволили ему переqualificироваться из подрывников в микологи. Он оборудовал лабораторию, специальные боксы для разведения мицелия, ультрафиолетовые лампы и прочие непонятные человеку, далекому от биохимии, прибамбасы. Купил на севере Индии в деревеньке себе за тысячу долларов молодую девчонку, женился на ней, выполнив данное родителям обещание. Приодел, умыл, обул, обучил английскому языку, купил ей тёмные очки «от Гуччи», полкило золота в уши и в прочие разрешённые индуизмом места. И сейчас, когда они во время вечернего променада чинно прокатываются вдоль деревенских улиц на великах, кажется, что дредастый, из бывших хиппи, папа прогуливает свою дочку, родившуюся от восточной мамы.

Грибы могут многое сказать человеку, надо только суметь их спросить. Для этого нужно выполнить ритуал. Неделю чисто вегетарианское питание, в последние три дня воздержание от секса, а в день сессии плотно позавтракать, опять же по-вегетариански, и больше не есть, а только пить воду. Потом за час до заката съесть чашку горького шоколада без сахара и принять совместно Грибы. Когда они вместе попадут в их мир, Ку Ку расскажет им о проблеме и попросит показать метод, которым нужно добиваться результата. Конечно, не факт, что Грибы откроются им, Ку Ку обращается к ним только в крайних случаях, чтобы не беспокоить. Но он всё равно придумает, как спасти «птичку», чтобы «носька» её была здоровой, а спинка прямой.

В дни, когда приёма не было, Ольга перемещалась с кровати на диван в гостиной, Андрей кормил её завтраком, обычно состоящим из поджаренного хлеба собственного производства с мёдом диких пчёл, которым снабжал их Игорь Ганди, привозивший экзотическое лакомство из предгорий Гималаев. Вернее, хлеб пекла автоматическая хлебопечка, специально купленная в Москве. Жена стоя завтракала, держась за спинку стула, она могла только лежать или стоять. Муж отвозил ребёнка в школу, готовил еду на семью, членом которой стала с недавних пор собака, вернее, щенок, бесцеремонно зашедший в гости и поселившийся на веранде. Выводил жену пописать в туалет, потом стелил ей матрас на веранде. И они с Чубайсом, прозванным так за рыжий цвет и горящие жаждой деятельности глаза, вместе лежали там полдня, занимаясь каждый своими делами. Ольга подкладывала под полумёртвую ногу подушку, на которую сверху клала ипликатор Кузнецова, волей Провидения попавшего в Москве в чемодан. Настраивала своё тело на «мелодию Боли». Представляла ее как бы изнутри. Она пробовала управлять этой мелодией. Вонзённые шипчики аппликатора первые секунды вызывали болезненные ощущения. Но болела израненная кожа, которая быстро привыкала. Перекрытые нервные окончания внутри конечности чувствовали лишь легкие покалывания и слабые, похожие на электрические токи. Так продолжалось недели две. Капля за каплей Боль возвращалась в холодную ногу. Она начала уже чувствовать этот холод, шевеление пальцами вызывало странное, болезненное натяжение по всей длине икры и задней стороне бедра. Ольга лежала сосредоточившись. Дышала, как учил Мастер, пытаясь перемещать Боль в разные участки тела. Она смещала таз относительно позвоночника, зарождая и вынашивая её. Когда та крепла, мысленно гнала её вниз к холодным пальцам. Разогнав оттуда по всей длине ноги, швыряла её себе в грудь под сердце. Пытаясь загнать в голову, потом выводил

из тела наружу через рот или нос. Играя ею и приручая её. Со временем это стало получаться. Доктор был прав, Болью можно управлять, её можно использовать себе во благо и даже получать удовольствие. Она, как утренняя затяжка, столь желанная и тошнотная, в первые мгновения приносит умиротворение и уничижающую радость впоследствии. Девушка стучалась своей Болью в бесчувственную половую губу, вызывая в ней покалывание и зуд. Из-под сердца с размаха загоняла в матку, распространяя тепло по онемевшему влагалищу. Боль просыпалась, Боль оживала, Боль начинала играть. Боли нравилось это, Ольге тоже. Они научились наблюдать друг за другом со стороны.

Ольга уже самостоятельно, вставая на ступеньку обеими ногами, медленно поднималась в приёмную к Ку Ку. Доктор встретил её удовлетворённо-удивлённой хитрецей в сумасшедших китайских глазах. И заговорщицки, нетерпеливо, как ребёнок, объяснил, что он придумал новый ход. В этот день они повеселили публику. Мастер положил на больное место два толстых среза имбиря и сквозь куски корнеплода вогнал в поясницу несколько игл. На их рукоятки он насадил похожие на модное японское кушанье кусочки полынных сигарет и зажёл их. По замыслу, имбирь, обладающий какими-то там Энергетическими свойствами, подействует на воспалённые косточки расслабляющее-благоотворно, сообщив эту энергию накаляющимся иголкам. Сталь передаст её в пронзённые нервы, те возбудятся, завибрируют, расширятся, разбухнут и будут отвоёвывать себе место в плоти. Место прогреется, расширится и пережатым нервам будет легче найти новое положение. Ведь всё в нашем теле пытается найти наиболее удобное положение. Натюрморт получился на славу. Повар Ку Ку даже обошёл вокруг кушетки, любуясь содеянным и вдыхая ароматный полынный дым, смешанный с эфирными маслами нагревающегося имбиря. Потом к этому запаху примешался сладковатый дух подвергшейся термообработке кожи.

Ольга слабо ощущала переходящее в жар тепло, но по запаху поняла, что поджаривается. Полностью доверяя Доктору, она лишь стиснула зубы и молча терпела. Ку Ку сам скоро понял, что имбирь не должен касаться тела, и, заряжая новые сушёные ролы на рукоятки игл, приподнял кусочки приправы над кожей. Процесс пошёл, прогресс не отставал от него как в положительных изменениях в теле девушки, так и в новых придумках изобретательного китайца.

На следующем сеансе он встретил русскую пару чёрным нейлоновым ремнём в несколько метров длиной. Силой, сквозь слёзы девушки, потому что самое болезненное было сгибаться в поясице, он усадил её на стул спинкой между ног и жёстко зафиксировал ноги и таз BSMDшным бандажем. По странному совпадению Ольга в этот день оделась в белые шорты с чёрно-красными геометрическими фигурами и белую рваную майку с чёрной окантовкой. Этюд получился на зависть шведским порносайтам. Количество воткнутых игл достигло тридцати. И втыкал он их красивым веером под разными углами в позвоночник девушки, имитируя гребень игуаны. Несколько штук в голове дополняли картину, напоминая рожки ящерицы. Чёрные ремни на руках и ногах контрастировали с серебряными рукоятками иглолок. От любопытствующих и сочувствующих не было отбоя. Два часа она, привязанная, с железками в теле, просидела на стуле. Все эти два часа Андрей не отходил от жены, отгоняя мух и стряхивая любопытных муравьёв. Ольга же, чтобы отвлечься от мыслей и Боли, переключала своё внимание на происходящее вокруг, пытаясь расслышать знакомые английские слова. Вот ветеран пластической хирургии и постоянный пациент, английская бабушка, поднимается по лестнице. Как всегда, она подойдёт поздороваться к помощнице Сэме. И та, сделав обрадованное лицо, как будто только ради неё вышла на работу, ласково промурлычет в ответ: «Вы уже завтракали сегодня, как ваш

«шитинг»? В том смысле, как ей сегодня казалось. «Ой, что вы, после вашего замечательного порошка просралась на удивление мужу, который также страдает запорами, но ещё не знает Доктора Ку Ку. Он уже созрел пойти на приём. В пятницу я обязательно его приведу!» В пятницу всё будет то же самое, за исключением того, что «зреть» он теперь будет до понедельника. Один из ближайших друзей китайца, армянин Артурчик, перевозивший к Ку Ку добрую половину армянской диаспоры Москвы, тащит очередных туристов с юга Гоа. Виталик, из «уралмашевских», получивший на «стрелке» пулю по касательной в висок, — с тех пор он уже год не спит — также из приведённых Артуром, сейчас ляжет на кушетку. Его охранник со лбом шириною «в три шнурка» подскочит, когда ассистент-непалец приладит тому на висок банку. А Доктор насосом, похожим на пистолет, начнёт откачивать воздух. Со стороны, возможно, это смотрится, как «контрольный в голову». Сейчас Ку Ку подойдёт к ней, Ольге и сделает очередную «гадость» — заменит на новые «сигареты» на иголках или опять будет изображать из себя Башмета, тонким стальным смычком играющего на её позвоночнике фуги Баха. Ой, а этот что здесь делает, неужто тоже занемог? Англичанин Абу, от слова «абориген». Или среди русских более известный как Лорд Кетаминич. Шестидесятилетний, некогда Пол. Какой-то там Набережнотемзовский. Он иногда демонстрировал грамоту, подписанную Её Величеством, о присвоении ему звания Лорда всея Великобритании. Лет десять назад решивший, ну что он, в задницу, за Лорд. Да пусть даже и Лорд. Но не в той «туманной заднице». А на более солнечном берегу. Да и дышится тут гораздо легче, хотя и в Лондоне практически полный «леголайз» на кетамин. Уж больно Лорд любил этот препарат, используемый в ветеринарии для наркоза жиеотным. На английские организмы он оказывает не менее чудотворное действие, вызывая двухчасовые полёты по уголкам подсознания.

Приёмные часы клонятся к закату. Доктор чаще выходит курить. Руки, утыканые антеннками иголок, затекают и кажутся чужими. Сейчас прозвучит финальный аккорд рапсодии Боли — извлечение металлических жал. Почему-то их надо вынимать, подкручивая, одним движением. Как бы ставя точку, а не запятую, мол, на сегодня хватит. Отдыхай. Растревоженные нервы ещё долго ноют и отзываются напряжением. Потом наступает лёгкость и покой. А к вечеру опять приходит обострение. Злое, рвущие на части, выдавливающее слезу и не дающее пописать. Иногда вызывающее отчаяние. И тогда мысли о коляске, костылях и припудренных пролежнях настырно лезут в гудящую голову, в которой колоколом бьётся дурацкое «лихо мне, лихо...». Приглушаемые тянущейся из бонга струйкой душистого дыма, они сливаются в единую с Болью вибрирующую жилу, открывая в Подсознании таинственные двери, в которые никогда бы не заглянул, не сложись воедино множество фактов и событий. И случиться они должны были здесь и сейчас. Вздорраженная иглами Чи мечется по телу... Ещё одна порция смеси гашиша с начинкой из аюрведических сигарок «Нирдош»... Последняя... Последняя и спать... Того, что в Непале растят на плантации... на плантации Гриши Тусвимова... Боль то утихает, то возвращается... А может, съесть на всякий случай обезболивающего «Найс», таблеточку...

Пачку морфина в таблетках путём минутного подмигивания и объяснения, что «ну очень надо», Андрей достал в знаменитой «стеклянной» аптеке. Но это если уж совсем настанет «жуть». Аптека эта давно стала знаменитой тем, что там с небольшим бакшишем можно было приобрести различные наркотики и препараты, запрещённые или строго контролируемые в мире. Тут, например, дальнобойщики и водители междугородних автобусов имеют в аптечке амфетамины. Большинство дальних перевозов планируются на ночь. Дневная жара делает передвижение

в дневное время экстремальным, а кондиционированный транспорт себе может позволить не каждый. Вот и ездит бедный люд на ночных «спальниках» с открытыми окнами и объевшимися «колёс» водилами за рулём. Чтобы не случилось, как в анекдоте про грузинского шофёра, который жил, как настоящий мужчина, и умер, как настоящий джигит, во сне, с улыбкой на лице, не то что те тридцать три обосравшихся пассажира его автобуса.

Смешно.

Боль отступает, как будто испугавшись. Ноги холодные даже в Андреевых носках. На термометре двадцать семь градусов. Токи бегают по ноге.

Сон

Сон придавливает всей жёсткостью бескомпромиссного непальского гашиша, не давая оторвать голову от подушки. Развевающаяся жидкая борода Ку Ку на фоне снежной вершины где-то в Гималаях. Может, это Тибет? Ку Ку смотрит прямо в глаза и смеётся, губы смеются, а в глазах смертельная тоска. Точно, это Тибет. Только это не Ку Ку. Вернее, ещё не Ку Ку. Отец троих детей. Один из руководителей триады. Жёсткий глава мафиозного клана — Сунь Вынь Вчай. Обладающий такой силой, что «на стрелках» конкуренты боялись подойти ближе пятнадцати метров. Их крючило от исходящей из него Энергии. К сожалению, не всегда Сила даётся в комплекте с разумом и открытым сердцем. Поэтому молодость часто использует данное тебе Богом, направляя эту Силу в негатив. Ведь трудно удержать Силу до созревания души. А когда приходит зрелость, Силы уже нет. В тридцать пять лет оглянувшийся назад, посмотревший по сторонам, ужаснувшийся грядущему, он бросает семью. Уезжает в Китай. Бродит по Тибету. Гималаям. Индии. Непалу. Один год и семь месяцев. И что? Ничего. Он не находит ответа на погнавшие его вопросы. Монастыри, в которых он бывал, не становятся его прибежищем на долгий срок.

Встречавшиеся люди не могли показать ему путь. С каждым найденным ответом количество вопросов только возрастало. Прошлое порвано, настоящее не склеивается, а будущего нет. Он решает вернуться на остров только затем, чтобы проститься с семьёй и покончить с собой. Не вышло. С семьёй простился. Убить себя не смог. ИСПУГАЛСЯ. Последний выход — уйти в монахи. Монастырь. Он сразу понял — это его Монастырь. Он даёт себе зарок. Год он не произнесёт ни слова. Молчание оказалось ещё тем золотом. Оно давалось с трудом. Мысли, откуда-то забившие фонтаном, он излагал на бумаге. За год он написал четыре тысячи стихов. Стихов-притч. Стихов-дум. Стихов-исканий. Количество нарисованных картин он не подсчитывал. Остальные обитатели монастыря считали его ненормальным. Настоятель присматривался. Когда год закончился, он вызвал к себе бывшего бандита. «Ты год молчал, ты год убивал в себе прошлое. Ты говорить-то не разучился? Как тебя зовут, помнишь?» Обросший немой не открывал рта. «Ты у нас, часом, не того, не куку?» — покрутил настоятель пальцем у виска.

«Точно, Ку Ку», — ответил тот и ушёл в келью. Так на тридцать восьмом году жизни скончался некогда преуспевающий бизнесмен, бандит, почётный якудза, впоследствии сошедший с ума Сунь Вынь Вчай. А в его теле родился художник Ку Ку, ставший впоследствии Доктором, Мастером Зеном. Мощнейшая практика годового молчания открыла в зрелом человеке неожиданные способности и возможности. Он стал видеть предметы изнутри. Некоторых людей он начинал «чувствовать» и тогда видел их недуги. Видел нарушения в организме. Он вернулся в свет. Прежние друзья восприняли его по-разному. Одни перестали с ним знаться. Другие помогли опубликовать книги и стали покупать его картины. Несколько месяцев он творил. Он буквально летал над землёй. Строил планы. Готовил выставку. Но прошлое догнало его. Не все смогли простить ему его бывшую Силу. Не

все смогли простить ему Сунь Вынь Вчая. Содеянное единожды не проходит бесследно. Память о наших поступках хранится в Памяти Мироздания. И на каждую Силу есть другая СИЛА. Его подкараулили, ударили по голове и сбросили с обрыва в море. Друзья нашли его на третий день. То, что от него осталось, жить вряд ли могло. Он прохрипел, чтобы его отвезли в Монастырь. Ведь это был Его Монастырь. И он должен был проститься с Настоятелем. Он хотел умереть в Своём Монастыре. Настоятель, когда увидел тело, улыбнулся и пробормотал что-то вроде: «Ну наконец-то, я уже заждался... что-то долго его не убивали... Я его уже три месяца вспоминаю...» — махнул монахам рукой и пошёл к себе. «Мешок с костями» отнесли в келью Настоятеля и оставили там наедине с хозяином. Что там происходило дальше, рассказавший эту историю ассистент Ку Ку, помогающий ему на приёмах в Кандолиме, не знал. Он просто не мог знать. Его в Монастырь не пустили бы. Вернее, он сам бы не пошёл. Он был одним из тех, кто подкарауливал его и бил огромным камнем по голове. И скидывал в море. Тогда ему было восемнадцать лет. Сейчас под пятьдесят. Последние двенадцать лет он любимый ученик Мастера. Через три месяца Ку Ку вышел из кельи, опираясь на ту самую палку, которую впоследствии использовал как указку. Кости черепа срослись. Лишь челюсть пришлось делать вставную. Настоятель научил его главному — как ЧЕЛОВЕКУ самому поднять себя из небытия. А если можешь вылечить себя, то с чужим телом разобраться будет гораздо легче. Настоятель обучил его иглоукалыванию. Вернее, объяснил, что такое существует. Остальное Ку Ку увидел сам. Где проходит какой нерв. Где Энергия пробивается наружу. Куда воткнуть. Где прижечь. Он научил его работе с Энергиями, отвечающими за Жизнь Тела. С Духом и той страшной и всеобъемлющей Силой, которую обозначают английским словом «маинд», было проще, ведь Ку Ку был очень Сильным Человеком.

Но
это
был
уже
другой
ЧЕЛОВЕК.

4

— Приезжайте ко мне вечером, в любой день, кроме субботы, — обнимая в конце рабочего дня русскую пару, сказал Мастер. — Тут вечером интересно, мои студенты, пациенты, да все кому не лень, здесь чудят. Мы Тай Чи занимаемся, джем-сейшны проводим, медитируем.

— Наверное, ещё недельку подождём, — ответил Андрей, кивая на Ольгу. — Она может только стоять или лежать, а стоять недолго и очень плохо. Да и слабая она, вон, сорок пять килограмм осталось.

— Ну, может, ты и прав, спешить не будем. На следующей неделе как раз наш китайский Новый год. Вы — почётные гости, я в Москву в июне еду, заодно и ПОГОВОРИМ...

ПОГОВОРИТЬ НЕ УДАЛОСЬ... Китайский Новый год пришёлся на седьмое февраля. Неожиданным было всё. От количества блюд, длинным рядом выстроившихся по центру открытой веранды, до их смысла. Ку Ку лично готовил самые экзотические. На столе даже присутствовало огромное блюдо с говяжьими полусырыми «кукустейками», кушаньем, весьма изысканным и оригинальным для индийской земли по причине святости в индуизме производителя сырья для его приготовления. В основном это были блюда китайской, тайваньской, тибетской кухни.

Огромные тазики с зеленью, травами и овощами, выращенными лично Ку Ку на собственной ферме. Так как всё, что там выращивается, предназначено исключительно для внутреннего пользования лично его и его ресторана. Агроном Зен не стал применять нанотехнологии, генную инженерию и семена американской фирмы «Монсанта», славящейся на весь мир этой гадостью. А попросту сказал своим непальским работникам собрать побольше бесхозного коровьего дерьма, прославившего Индию далеко за её пределами своим количеством и лёгкой доступностью, даже если вы живёте где-нибудь в центре мегаполиса типа Калькутты, Дели или Мумбая. И так, по старинке, на всём аюрведическом, он стал растить на своей «Органик фарм» экологически чистую продукцию. Страусиное яйцо с той же фермы, приготовленное каким-то тайваньским методом. Нанизанные на шпажки креветки по три штуки в килограмме, приготовленные на гриле. Так же приготовленные полукилограммовые лягушки, которых в Гоа принято подсаживать в водоёмы для фильтрации воды и которые шокируют туристов, заглядывающих в гостиничный колодец. Венцом этого кулинарного разврата являлся небольшой двухметровый, вместе с носом, Голубой Марлин, по-простому запечённый на противне. Пойманный на рассвете Рыбаком Зен лично.

Биографии же гостей, почтивших за честь принять приглашение Мастера, могут занять целую книгу. Народ был весьма уважаемый, от министра культуры и туризма штата Гоа и святых Бабу, также нуждающихся в участии Ку Ку в их здоровье, до бывших известных террористов, авторитетных гоанов, типа немца Инго, владельца найтмаркета, щеголяющего рубахой с вышитыми павлинами и выкрашенной в красный цвет косой по пояс на лысом черепе, пожизненно и бесплатно предоставившего Ресторатору Зену место на своём рынке для продажи суши и момо, лично состряпанными Поваром Зеном. Многие называли

Ку Ку — Сэнсэй, подразумевая «учитель». После этой ночи иногда среди близких друзей, а их бывало тогда в «Ку Ку Гарден» около трёхсот, стало употребляться неожиданное «Шитсэй» — «Какашечный Учитель». Так как гостей он встретил разукрашенный туалетной бумагой и со стульчаком на шее. Может, в другой компании и другому хозяину удивились бы. Но Клоуну Ку Ку можно. Ведь он же Ку Ку, а смысл слова «куку» известен всем. Когда Учитель хочет создать у аудитории настроение, он имеет право пользоваться теми методами, которые считает уместными. В данном случае туалетная атрибутика, возможно, символизировала очищение, оставление всего шлакового и отходного в уходящем году. Общение длилось до утра, прерываемое обезболивающим втыканием иголок разгулявшимся недолеченным гостям. С каждым хозяин ухитрялся выпить, перекинуться парой слов. Играли в какую-то китайскую карточную игру на раздевание и целование, в которую всегда выигрывал Шулер Ку Ку. Поэтому часть гостей в приглушённом свете отсвечивала синяками, следами от присосанных давеча «банок» на разных частях тела. А вечерние платья некоторых дам висели на руке золотого манекена с татушками Энергетических линий человека. Банкующий Ку Ку оставался замотанным в бумагу и с сиденьем от унитаза на шее. ПОГОВОРИТЬ НЕ УДАЛОСЬ...

5

С наступлением мансуна, в июне, Ку Ку поедет в Россию. Ку Ку уже четвёртый раз поедет в Россию. Ку Ку любит Россию. Его немного удивляет странное московское лето, напоминающее плохую гоанскую зиму. Но это даже возбуждает. У него там много друзей. Пока для него вся Россия — это Москва. До других городов он ещё не добрался. Про него даже показывали фильм

на «НТВ». Правда, это был сюжет об иностранных художниках, приехавших в Москву. Ведь у Ку Ку нет лицензии. Лицензии на работу иглоукальвателем в России. А так как он китаец, то все иммиграционные власти самонадеянно уверены, что скрытой его целью является остаться тут жить. У него вообще нет никакой лицензии. Лицензии Ку Ку не нужны. Уже хорошо, что у него есть паспорт. Сделал по случаю. В нём фотография китайца и озадачивающая консульства всего мира китайская фамилия. У его учителя, Настоятеля из Монастыря, такой ценной штуки нет и не было никогда. Да она ему, в принципе, не нужна. Он и

так путешествовал по всему миру. Кто хотел его видеть, присылали за ним самолёт и как-то договаривались с подчинёнными им пограничниками. И сейчас правительства многих стран хотели бы видеть его при дворе. Но учитель стал стар и больше не покидает святых стен. Шутка ли, сто сорок четыре года, двенадцать дюжин, столько, как он сам говорил, ему быть заключённым в этом теле. Скоро он

看你的眼色
 苏作一合也水
 七都在说在唐
 叫你吃在唐 翰在唐
 了 了 再 了
 而認清 湖身之
 瘋子 之 之 并

Уйдёт. Он даже звонил Ку Ку со спутникового телефона, предлагая занять его место после Ухода. Но с Ку ку разве договоришься?! Ведь кукушки, именно так переводится «куку» с английского, очень любят жизнь и ценят свободу. Они даже своё потомство подбрасывают в чужие гнёзда. По той же причине Ку Ку отверг предложение администрации из Вашингтона, через посредников зазывавшей Мастера в Америку и грозившейся сделать его миллионером. Но для Ку Ку миллионы — мелочь. Зачем они ему? Если понадобится, он и так их сможет достать. Да и само название этой страны в его голове звучит с машинально прибавленным спереди определением «факинг». Ку Ку — гражданин Тайваня, следовательно, китаец. Китаец, да ещё и Ку Ку. Ку Ку, едущий в московском метро. Хорошо, что без круга от унитаза на шее. Хотя в Москве трудно народ удивить, не заметят ведь. Уж больно занятые все. Замечали его лишь те, чьё благосостояние напрямую зависит от их бдительности. Блюстители. Как бы порядка. Милиционеры. Но он же всё-таки Ку Ку. Что он там говорил им, на каком языке, вроде, не дотрагивался ни до кого ничем, но они вдруг забывали, о чём хотели спросить Мастера. И отпускали с Богом и Улыбкой на форменном лице. Они на время тоже становились «ку ку», или «куку». А однажды остановившийся у тротуара патруль ППС подвинулся и, усадив усталого после осмотра столичных достопримечательностей китайца на заднее сиденье своего «москвича», подкинул в Бутово, где Мастер жил на квартире своего друга Игоря Ганди, также сбежавшего из Гоа на мансун в Рашу.

Ганди обычно мансунил в Гоа, июньская московская аллергия и иммунитет к ностальгии не срывали его с индийской земли. Игорь вырос в Индии. Его родители в конце шестидесятых — начале семидесятых работали в этой стране более четырёх лет. Отец был редактором журналов, издаваемых для Азии бескорыстным СССР. Журналы назывались «Совет Лайф» и «Совет

Ленд». И, согласно названию, рекламировали: один — преимущества коммунистического образа жизни, другой рассказывал, кому на Руси жить хорошо.

Как было принято в те времена, жить на Руси хорошо было всем. В чём семья убедилась, когда закончилась командировка отца. С тех пор Игорь много ездил по свету, старательно облетая Индию. Он как чувствовал: если судьба занесёт его туда на отдых, уикэнд может затянуться на годы. Примерно так оно в конце концов и случилось. Плюс ещё внешние обстоятельства. Наступил в жизни момент, когда он понял: нет, ему тут не жизнь. Не его он, город Москва, да и нет уже Москвы, которую он знал. Не пройдёшь уже по тем переулкам возле Калининского, где они шкодили со студентами Гнесинки Олегом, сыном цыганской джазовой певицы, и Филиппом, сыном болгарского певца. Олег уехал в Лондон, Филипп скатился к звёздам. А Калининского нет. Нет даже дворников, они теперь называются узбеки. И людей нет. Есть бизнесмены, рабочие, студенты, няни с детьми, гастарбайтеры, милиционеры, учёные, попса, Ксения Сорняк, Дима Билайн. Даже Марк Григорьевич Штрудельшницель — и тот нашёлся. Много чего есть. А людей нет. И его нет. Для них нет. И они друг другу не НУЖНЫ! Есть поликлиники, кафе, рестораны, театры, Останкинская Телебашня, ПИФы, шмифы, банки, бани. Всё для жизни. Есть даже нефтяные компании, а Жизни нет. Для него НЕТ. Здесь НЕТ. И люди здесь не Живут, город мёртв. Они здесь работают, трудятся, приезжают на заработки, слушают «Русское Радио», втридорога снимают жильё... и не живут. Здесь рождаются, делают карьеру, зарабатывают деньги, скупают недвижимость, копят, барыжат акции, работают работниками, убивают и... не живут.

Он бросил работу, сальный кусок в крупной компании, где служил придворным массовиком-затейником, устраивая корпоративки и организуя «мальчишники» «большим пацанам». Вер-

нее, работа его бросила или кто-то сумел подставить его перед «буграми». Место было очень тёплое и задов на него хватало. Его посетила странная мысль. Зачем всё это? Зачем триста сорок дней в году метаться по огромному, депрессивному, окружённому Московской Кольцевой автодорогой офису? Спать в бетонном пенале для человеческого материала, перемещаясь в дорогой вожделенной железной шкатулке на колёсиках в бетонный пенал для человеческого персонала. В котором работать, работать и работать, как завещал великий... стоп, флешка, это уже было. Ленин умер, цели уже не те. Уже другая «руководящая и направляющая».

Так бывает, когда первый раз попробуешь ЛСД. Когда действие его уже закончилось, через пару дней вдруг мимолётные виденья, как злой гений чистого ужаса, вдруг схватят когтистой лапой твой мозг, нежно поцелуют его, и ты вспомнишь всё. Даже чего и не было. И может, даже чего-то поймёшь. И Великого Ленина, и гроб с Брежневым под фонограмму заводских гудков, и обесточенные по этому поводу на пятнадцать минут пивные автоматы возле кинотеатра «Ашхабад». И ночи в «Табакерке» на Чаплыгина. И безумный секс с певицей из «Еврейского Камерного Театра» прямо на столе у его директора Юрия Борисовича Шерлинга в новогоднюю ночь. Какой же это был год? А перестройка? Тогда номер года не имел ЗНАЧЕНИЯ. МОЛОДОСТЬ. И начало НОВОЙ ЖИЗНИ. И танки в туннеле под Калининским. Нет, сначала были годы учёбы и дворницкая на Красина на двоих с Юркой-осетином. Вернее, сначала была его жена... и подсчёт мелочи у прилавка с рыбой, хватит на минтая или опять «шпроты» из кильки «по-табаковски»? Юрка теперь олигарх — стареем. Август № 91. Хмельной Президент с пьяным танкистом на броне. Тёплый октябрь № 93, с веером трассирующих пуль над Калининским и голливудским перезвоном сыпящихся гильз. Они всё-таки убили Калининский. Сейчас на его месте стоит Новый

Арбат, не менее пластмассовый, чем Старый, но более гламурный, чем Чертаново. А зачем? Зачем сносить храмы и строить на их месте БАССЕЙНЫ. Зачем сносить бассейны и строить на их месте подземные гаражи, увенчанные сверху ХРАМАМИ. Храмами с целлулоидными ликами. Наверное, это ИМ надо. Если кто-то «зажигает», значит это кому-то надо. Значит, они ещё не наелись. Ещё не заработали на будущее лечение в старости. Вот ещё немного заработают и потом начнут ЖИТЬ.

Так подумал Игорь и уехал в Гоа. ЖИТЬ. «Жировых запасов» хватило, чтобы открыть гостиничный бизнес в арендованном гестхаусе. Открыл. Через полгода закрыл. Прогорел. Через год понял: к Гоа нельзя подходить с нашим менталитетом «зарабатывания» денег и обеспечения тыла. Гоа — отдельная ПЕСНЯ. Деньги здесь сами появляются, когда они становятся «очень нужны». Не большие, не жирные. Но здесь таких и не надо. Не сказать, чтобы загадочным путём. Просто, когда вдруг предстояли траты, в то же время появлялись и возможности заработка. Или когда он в чём-то кому-то помогал совершенно без задней мысли, то вдруг обнаруживал, что люди, уезжая, в благодарность оставляли ему пару сотен долларов на тумбочке. А через некоторое время случались расходы, составляющие примерно свалившуюся сумму. Так что он понял алгоритм денег, оставалось только не париться, и тогда наступит Шанти. Пусть деньги сами парятся по его поводу. И находят его сами. И сами пусть уходят на их же усмотрение. Он решил разорвать порочный круговорот денег в природе, когда всё отпущенное до пенсии время человек пыжится заработать их всеми правдами и неправдами. Для того чтобы тратить потом на... зарабатывание денег. Так что о деньгах он думать перестал, он просто ЖИЛ.

И это была ЖИЗНЬ. Иногда он забывал ночью поспать, а утром поесть, и делал всё наоборот. Но это была ЖИЗНЬ. А однажды во время секса, когда наступил оргазм, он чуть не умер,

потому что забыл, что надо дышать. И это тоже была ЖИЗНЬ. Поэтому было бы удивительно, если на нашей крохотной планете не встретились два этих человека — Ганди и Ку Ку. Особенно в таком узком месте, как Гоа. Не сказать, чтобы женщины Ганди любили. Но он их понимал. Иногда они отвечали ему взаимностью. А две так даже благоволили. Одну звали Карма, индианка, другая — Судьба, славянка. Они обе догадывались о предстоящей встрече. И обе начали её готовить ещё давно. В восемьдесят первом. В Афганистане. Тогда Игорь служил в армии. На метеослужбе. В кабульском аэропорту, превращённом в военный аэродром. Их группу ПМС (передвижная метеостанция) прислали из Белоруссии взамен погибшего штата — ракета попала в окно. «Давал погоду» вылетающим бортам. А в свободное от дежурства время развлекался местным аттракционом — полётами на МИ-6 задним стрелком. В те годы у «Крокодилов» (МИ-24) на моторах стояли специальные экраны — «уши», блокирующие тепловое излучение, по которому на вертолёт наводился душманский «стингер». У «Мишек» таких «ушей» не было. И русская смекалка посадила в заднюю часть кабины человека с крупнокалиберным пулемётом. Пулемётная подвеска находилась прямо между двигателями. И это было дополнительным стимулом стрелку до головной боли вглядываться в проплывающий под брюхом «вертушки» горный рельеф. Чтобы на возможно большем расстоянии засечь отделяющийся от земли чёрный шарик с дымным хвостом, несущийся тебе в лоб. И тогда начиналось веселье, бьющее под сердце адреналином. На перезарядку времени не было — ставили сразу большую ленту. В течение нескольких секунд струя, состоящая из пятисот несущихся с сумасшедшей скоростью болванок, разносила в куски всё, встречающееся на своём пути. Главное, чтобы ей встретилась ракета. Если стрелок не был достаточно метким, он быстро узнавал об этом. Экипажу, сидящему спиной к шоу, обычно было уже всё равно. Игорь

неплохо поднаторел в стрельбе и на последнем для себя вылете даже сбил роковую третью «рыбку». Вот только подпустил очень близко. Ракета рванула в нескольких метрах от борта. Летуны посадили горящую вертушку. Игорь успел зарядить новую ленту в раскалённый «Печенег». Они даже повоевали ещё минут несколько, в бреду, на автопилоте. Потом была вспышка, — и темнота. «Духи» не добили раненого. Они оставили его в заминированном сарае. И сами расселись рядом. Как и ему, им нечего было терять. Кроме Жизни. Они были на своей земле. Они собирались отдать свои Жизни во имя их Бога, забрав с собой побольше неверных. Но непонятливые покинули этот район. Передислокация. Они не зачистили район боестолкновения. То ли не знали о нём, то ли забыли в неразберихе. Война. «Духи» опять не добили раненого. Игорь хорошо запомнил лицо одного из них, приносящего ему воды. Угловатый подросток с «бубликом» на голове и тяжёлой винтовкой «Бур» на плече — антикварным ружьём времён южно-африканской войны, с примотанным к нему изолентой треснувшим оптическим прицелом. Детский сад. Его звали просто, по-афгански — Сэм. Через двадцать четыре года в Гоа, в Вагаторе, наблюдая «сансет» с холма «Найнбара», они с Сэмом долго смеялись, вспоминая ту попуштунски тюнингованную «пищаль» и весьма удовлетворённые обстоятельством, четверть века назад не позволившим никому из них убить друг друга. Дядя Сэм с дредами, торчащими из лысого черепа, работал в этот день диджеем в «Найнбаре». «Духи» не добили раненого, потому что «предатель», или «посредник», — все называли этих людей по-разному, — стал договариваться об обмене пленного на патроны и сахар. Переговоры шли дня три. Все торговались. Потом ударили по рукам. За два ящика патронов и один мешок сахара Красной Армии был возвращён полумёртвый боец, а полкило гашиша в придачу — компенсация за техническое состояние тела бойца. Потом госпиталь, лечение от контузии.

Дембель. Госпиталь. Выключенные на пятнадцать минут пивные автоматы... Гоа. Остановка по требованию. Ку Ку. Поэтому, когда Мастер пригласил его с собой в июне в Москву, Ганди не смог ему в этом отказать. Алгоритм денег. Оказия. Средств на перелёт в Рашу у Ганди не было. А виза скоро заканчивалась.

У гоанов есть такое выражение — «отдупляться на контрастах». Выражение касается как сферы употребления наркотиков, имеется в виду чередование препаратов разнонаправленного действия, так и сферы духовной. Почитаешь, бывало, «Войну и мир», а потом сразу пособие Малахова по употреблению мочи с красивым названием «Уринотерапия». Или живёшь себе в гоанской деревне, жаришь себе ещё не остывшую от собственной Жизни курицу. Покупаешь в рыбном порту креветок со шхуны... штук девять в килограмме... торгуешься за десять рупий, ибо сезон пошёл, лох пошёл, и цены подскочили. Но ты же не лох, ты — гоан со стажем. Тебе дискаунт положен. Да и где это видано — килограмм креветок за сто пятьдесят рублей. Обнаглели. Петухи, твари Божьи, песни поют в три часа ночи. Попугаи — подонки, пальму всю ночь поделить не могут. Пьяные туристы за кокаином в Чапору едут и сигналият под окном. А ты спишь и думаешь во сне, чего людям не спится, чего их припёрло? А они едут и думают: «Вот русский придурок, живёт на курорте. Можно сказать, в Раю. И спит, балбес». Это они на курорт приехали. А гоан тут живёт не первый год. И ему абсолютно по барабану энтузиазм задолбанных цивилизацией соплеменников: «Где достать? Почём? А где можно... а где нельзя курить?». Он в море-то купался полтора месяца назад. А ведь точно, полтора месяца уже прошло. Во время летит! И когда это состояние достигает пика, начинаешь бояться большого скопления народа, очереди на регистрацию в аэропорту, восторженных глаз туристов... Нужно хотя бы немного мордой в грязь...

Первый год обходишься воспоминанием бодрой картины входящего в вестибюль станции метро народа часиков в восемь утра. Отлегло. Толерантность растёт... Потом подключишь Интернет. Мейл ру, Рамблер. Госдума — «Комеди клуб». Стоп. Это уже слишком. Перебор. Перевпечатлило. А толерантность растёт... и наконец, нужна инъекция помощней — прививка Москвой. Полное погружение. Наверное, Ку Ку тоже любит прививаться. Ехать из «своей Индии» в целлофановую Европу. Из музыки «Гоатранс» — в стиль «Минимал». Из вольного ветра, закатов, простора — в музыку заводов, конвейеров, светофоров, кокаинового похмелья. Чтобы поесть безвкусных пенопластовых овощей или пельменей «Дарья». Россия — тоже часть Европы. Вернее, Москва. Другую Россию Ку Ку не видел. Но он обязательно её посмотрит. Вот, может быть, в июне. Ганди обещал в этом году свозить его в Волгоград вице-губернатора подлечить.

6

Это был последний сеанс. Мастер сказал, три раза по семь, то есть двадцать один. Может, так подгадал, ведь сегодня и последний приём. Через пару дней он улетит на север, в Гималаи. Потом в Тайвань. Потом в Россию. И дальше по Европе. Потом в Канаду. До ноября. Пока в Гоа свирепствует мансун. Ку Ку не любит мансун и бурлящее море. Мансун напоминает Ку Ку о прошлой некуковской жизни. Он усадил Ольгу в привычную позу на стул.

— Сейчас я покажу тебе фокус, красивая.

Он почти не стал издеваться над ней. Лишь только поясница и щиколотки удостоились внимания иголок. Потом он достал длинную, помеченную красным треугольником иголку пятнадцати сантиметров. Побрызгал пальцы самогоном. И аккуратно стал вводить жало в шею девушки у основания черепа. Он под-

пихивал иглу куда-то вверх, в самую голову. Все её пятнадцать сантиметров скрылись внутри. Китаец постоянно вглядывался в зрачки испытуемой, ища ответную его действиям реакцию. Потом он улыбнулся и сказал:

— Ну вот, попал, сейчас ещё немного. — Он покрутил иглу тремя пальцами, утопив в тело по самую рукоятку. — Сейчас начнётся.

Неприятный зуд от металла сменился странным щелчком. Как будто игла попала куда-то в слуховой аппарат. А может, в среднее ухо? В мозгу загудело, заскрипело, как будто в него началась радиотрансляция. Ольга пошевелила головой, отгоняя наваждение. И услышала возбуждённый женский голос, быстро говоривший на хинди. Другой голос, мужской, ей заунывно отвечал. Она опять шевельнулась, краем глаза увидев ехидные глаза Ку Ку, наблюдающие за ней. Видать, её эмоции в достаточной степени отражались на лице. Мастер подмигнул сверкнувшим глазом и отвернулся к другому пациенту. В мозгу запиликали звуки тонального набора. Заспанный голос сказал по-русски: «Да, мама, да... долетели нормально... я звонила... роуминг не работает... ну тебе повезло, ты дозвонилась, а у меня роуминг не работает...» Вдруг прорвался простуженный голос возрастной собеседницы: «... ты там с Витюшей аккуратней... грязища там несусветная, я в «Караване истории» читала... руки мирамистином мойте... кушайте только в гостинице... фрукты кипятком обдавайте, я вам чайник электрический положила...»

«Боже, — подумала Ольга. — Это же телефонные разговоры! Куда же этот хитрый дьявол воткнул мне иглу? Боже мой, что ещё знает этот человек! А может, он и не человек вовсе? Или как раз он-то и есть ЧЕЛОВЕК. Как из него это вытащить, ведь он всегда косит под дурака, когда у него спрашиваешь серьёзные вещи. «А, — говорит, — я не знаю, я же куку». Его рассуждения вокруг этого чёртового «майнда». Как его понять? И барьер

языковой. Но ведь он-то сам себя собрал из кусочков. А теперь расплачивается тем, что лечит других? Сидеть, что ли, около него всё время. В рот смотреть, ждать, что скажет? Может, сюда поближе переехать? Или пойти посуду мыть к нему в ресторан? Он же возится со мной больше, чем с другими. А это ведь чего-то значит. Может, он разглядел во мне что-то. Но хочет, чтобы я сама до всего дошла, своим умом, или чувствами, или сердцем? Как же это сделать? Ведь ему-то помогли». Мысли путались с обрывками английских фраз из телефонных разговоров, индийских напевов из УКВ диапазона, команд диспетчера из аэропорта Даболим. Полчаса пролетели незаметно. Ку Ку вынул иголку и заглянул в ошалелые глаза россиянки.

— Ну как, музыку послушала?

— Что это было? — шёпотом спросила та.

— О... я тебе потом расскажу. В июне в Москве. Ты говорила, у вас там квартира большая. Я у вас поживу недельку. Иголки каждый день ставить буду. Времени много будет. Я тебе много чего расскажу. Ты только напомни. Я старый, курю много. Память совсем плохая стала.

Он похлопал её по спине.

— Человек многое может. Мы-многое в себе убили. Много изобрели всего, что убивает наши чувства. Человек хочет больше получать, меньше затрачивая. Лень — двигатель прогресса. Лень заставляет не вспоминать переданное нам прошлыми поколениями, а изобретать пути, как обмануть природу. Как, не напрягая себя, просто снять трубку и позвонить. Ведь раньше умели общаться без мобильных телефонов. Сила мысли. Где мысль — там энергия. Пока больше ничего не скажу, птичка. Болезни в тебе нет. Запомни это. Я наладил твоё здоровье. Дальше всё зависит от тебя. Если будут Боли, наблюдай за ними. Помни, ты здорова. Смотри, откуда пришла Боль. Пойми её первопричину. У тебя должно получиться. Пройди по Боли к её исто-

кам. Посмотри, как она зародилась. И полюби её в её зародыше. Потом выдохни, или она сама выйдет из тебя со спазмом. Так было и со мной... Так бывает с любой Болью... Я дам вам иглы и полынные сигары. Если будет невмоготу, точки ты знаешь. Пусть муж отрежет кусок имбиря толщиной в четверть дюйма, насадит на иголку, а сверху подожжёт сигару. И никаких таблеток, даже аспирина выкинуть из дома. Помни — но шугар, но кока-кола, но Макдональдс анд фак Америка. И будете здоровы.

7

По традиции, китаец дал обед в честь закрытия сезона. Ольга с Андреем ещё пару раз приехали помочь Ку Ку упаковать вещи на мансун, пообедать у него на халяву и потрендеть за жизнь. Таких, кроме россиян, хватало. Все его завсегда таи собирались часам к одиннадцати. Сидели, показывали друг другу упражнения, хвастались приведёнными детьми. Ку Ку что-то рисовал на листах папируса, подписывал и дарил окружающим. Потом народ выстраивался в очередь к принесённым непальцами блюдам, чинно обедал, обсуждая, из чего же приготовлены кушанья. Выискивали в тарелке стручки акации, растущей тут же в саду. Оказывается, их тоже можно есть. Пили печёночный чай из трав, собранных китайцем на холме, компот из плодов кактуса опунция, растущего в Баге возле моря, потом желали друг другу приятной сиесты и разъезжались кто куда. Кто по делам, кто действительно поспать, переживая самое жаркое время дня, кто на пляж — поджариться под конец сезона.

Потом Ку Ку уехал. Ольга осталась без страховки. Когда он был в Гоа, казалось, ничто ей не угрожает. За ним она, как за каменной стеной. Теперь он оставил её наедине с её Болью. Впрочем, рядом был Андрей. Если бы не он, она вряд ли всё это

вынесла. Разные мысли посещали её. Но сейчас она была абсолютно другой ЧЕЛОВЕК. От неё только имя осталось. Даже двадцатилетние девчонки из русских туристок оборачивались на её подростковую фигуру. Что уж говорить о бигмачных англичанах. И потерянных пятнадцати килограммов было совсем не жалко, такая лёгкость чувствовалась во всём теле. Но страх остаться без спасительной соломинки в виде Ку Ку даже на месяц серым червячком заползал в мозг. Когда подступала Боль, Ольга успокаивалась, начинала дышать, как учил Мастер, ложилась на диван. И приступала к работе с ней. Через несколько минут она забывалась в странном полусознании. Оказывается, тело помнит всё: в нём начинались спазмы, которые вызывали в памяти те воспоминания, с которыми были связаны породившие их Боли. Она вспоминала картины полученных десятилетия назад травм.

Однажды в памяти ярко всплыл эпизод. Они жили в одной комнате в районе метро «Автозаводская». В народе их район назывался Бухенвальд. Публика там жила соответствующая — набранные по лимиту рабочие с завода ЗИЛ. Детишки «весёлого ужина». Мужики, забивающие «козла» во дворе. Серое депрессушное детство. В комнате две кровати. На одной — они с сестрой, на другой — отец с матерью. Ночью она проснулась от стонов, доносящихся с родительской постели. Отец что-то делал с матерью, а она стонала. Сейчас-то Ольга понимает, чем они там занимались. Девчушка в слезах подбежала к кровати.

— Мама, мамочка, что случилось, что он сделал с тобой?..

Отец что-то буркнул, типа: «Ну ты, Маша, сегодня разошлась...» И отвернулся к стене.

А утром старшая сестра сказала с надменной улыбкой сведущего человека:

— Что же ты, дура, предкам кайф обломала... — И рассказала, откуда берутся дети. Несложные сопоставления в детском мозгу вывели чёткое отношение у будущей женщины к сексу. Та-

кое приятное и зачаровывающее сознание занятие, на практике отождествлялось с чем-то унижительным. Ведь она не понимала тогда, что удовольствие тоже рождает звуки, схожие со стонами страдания. Значит, к удовольствию надо идти через унижения? Через Боль. Через страдания. Но девичье эго отвергало это. И такая манящая близость противоположного пола в просыпающейся женщине смешивалась с чувством выполнения некой повинности, обязанности. А обязанность предполагает необходимость исполнения. А если голова болит? А если шеф на работе облаял? И с этим живут миллионы женщин по всему миру. Господи...

Она упорно лезла в эту запечатлённую с детства в подсознании сцену. Проживала её снова и снова. Пыталась вспомнить детали, цвет обоев в комнате. Предыдущие и следовавшие за этим эпизодом события. Где мысль, там энергия. Энергия её мысли пробегала через резервные участки мозга, зажигая и оживляя законсервированные в подсознании файлы. Вскрывая тайные ЗИП папки памяти. Как восстановленная киноплёнка из семейного архива, со скрипом, рапидами и повторами, всплыл в перегретом разуме эпизод.

Голубоглазая девочка, причём камера показывала плёнку, снятую её глазами. Но при этом она видела себя и со стороны, как бы с другой камеры, висящей рядом. Можайское шоссе, восемьдесят четвёртый километр, побитый камнями деревенской шпаны и непогодой дорожный указатель «Петрищево — полтора километра...». Деревня Дорохово. Дачные участки «Динамо». Роща на краю поля, превращённая в свалку бытовых отходов. Девочка играла у края участков и решила пойти пописать в кустики подальше от кучи песка. Скоро прибегут соседские мальчишки-близнецы. Она перепрыгивает болотистую лужу, обдав грязью белое платье. Почему белое? Странно для дачи. Здесь всегда носили то, что нельзя уже было надеть в городе. Драное, сраное. Ах, да. Сегодня Девятое мая. Из приёмника на участке Пятросов,

соседи за глаза зовут их Цитрусами, звучит трансляция с Красной площади. Бравые духовые марши... «Руководители партии и правительства...». Отец надел пиджак, нацепил ордена, хлопнул рюмочку и теперь сидит возле крылечка вполне довольный: «Сегодня, Маруся, у меня праздник, пошли девчонок в сельпо... скажут, что отцу берут... праздник всё-таки, а?.. За что я, Маруся, кровь под Будапештом пролил?.. э-эх... А Берлин взял?..» — «Не взял, а брал, сколько раз тебе говорить. Его много кто ещё брал... заначена у меня чекушка тебе на праздник». Девочка присаживается возле лужи, пытается очистить грязь, но она только размазывается. Одновременно переполненный мочевой пузырь расслабляет мышцы, неровная струйка журчит между ног, вызывая в половых губках ощущение щекотки. Щекотка всколыхивает смутные переживания в подсознании. Почему-то всплывает в памяти материн стон, рассказ сестры об испорченной родителям ночи с описанием подробностей процесса. Тут девочка затаила дыхание. Через кусты перелез незнакомый мужик в трениках, с пузырями на коленях и по пояс голый. Наверное, из деревенских. Когда первый испуг прошёл, она хотела встать и сказать дяде, чтобы он не ходил голым в лес. Мама всегда пугала комарами. Но дядя остановился, не заметив девочку, и спустил штаны. Оттуда вывалилось что-то большое, невиданное ею раньше. И она поняла, что это — «оно». То самое, что сестра называла колючим словом, состоящим из трёх букв. Именно этим отец мучил мать. И ей предстоит то же самое. И у неё будет, как у всех. Но она не хочет этого. Она будет этому противостоять. Она уже тогда была сильной девочкой. Она ломает порочные традиции. Мужик некоторое время вертел эту штуку в руках, пыхтел, закрывал глаза. Потом он замычал, открыл их. И взгляды их встретились. Она никогда не видела у человека такого взгляда. Это были не глаза человека. Человек смотрел глазами зверя. Этот взгляд вызвал у неё озноб, спазмы сдавили горло. Внизу живота заны-

ло. Она перестала чувствовать свои ноги. Как бывает во сне, в страшном сне. Тебе надо бежать, спастись, но тело не слушается тебя. Оно живёт по своим законам. И ужас поглощает тебя всю. Потом подсознание включает аварийную систему. Адреналин впрыскивается в кровь. Дыхание учащается. Селезёнка выдает неприкосновенный запас крови, обогащенной кислородом, добавляя его в кровеносную систему. Бежать. Открывается второе дыхание... Девочка в ужасе выскочила из кустов. Едва касаясь земли, она неслась к участкам. Поближе к людям. Спазмы давили горло. Камера бокового наблюдения показывала в её глазах весь ужас, творящийся в душе. Боже мой, какое же «оно» большое и страшное...

Ох, Ку Ку. Что же ты со мной сделал? Что же ты открыл во мне, какие Энергии активировал? Или, наоборот, закрыл чего-то. Уж не знаю, благодарить тебя за это или нет. Съездили к Доктору, полечили «ноську». А он мне все мозги перевернул. Или, наоборот, на место поставил? Несколько дней по несколько раз она переживала эти эпизоды из детства. Вот откуда её отношение к оральному сексу. Конечно, атрибут любой нормальной женщины, минет, входил в репертуар её половой жизни. И партнёры даже делали ей комплименты. Но то была техника, а «души» не было. Просто исполнение обязанностей, как у всех. И чувство унижения. Подсознание включало флэшки стонов матери и страх, связанный с мужским членом, увиденным первый раз в жизни. СПАЗМЫ ДАВИЛИ ГОРЛО. Но она же любит Андрея. Любит каждый сантиметр его тела. Спускаясь по спиральям памяти к истокам, сейчас, во взрослом состоянии, с высоты своего жизненного и женского опыта она увидела изменения в своём отношении ко многим вещам. Она поняла, почему перехватывало горло, когда мужчины начинали ей грубить. Агрессия ассоциировалась с силой, мужской силой, мужской силой агрессии. Звериная сила полового инстинкта в глазах онаниста,

его огромное извергающееся «достоинство»...и спазм горла, наступивший в тот момент. Это были ещё цветочки..., память повела её дальше. Вернее, ближе, если считать годы. Седьмой класс. Хромая учительница пения. Всегда в чёрных сапогах. По прозвищу «ножка от рояля». Какой идиот придумал уроки пения для семиклассников? Их всегда делали заключительными. Очень хочется есть. Голод. Иностранное слово «гастрит»...

Ольга вскочила с дивана. Желудок нестерпимо болел. С их системой питания с тех пор, как живут в Гоа, она ни разу не озадачивалась такой проблемой. Она, как в школе, распахнула окно, чтобы глотнуть холодного воздуха и выпустить скопившийся в желудке. Влажная тропическая духота обдала её горячей струей. Пардон, за окном была Индия. И год на дворе две тысячи...

Дверь отворилась.

— Привет.

И в дом вошёл по пояс голый, пыльный и потный Андрей. Прямо с порога он начал стаскивать с себя шорты, под которые в такую жару ничего не надевал. И бросив их посреди комнаты, побыстрее побежал в душ под тёплые струи нагретой солнцем воды. Ох, Ку Ку. Что же ты со мной сделал? Спазм сдавил горло и, спустя некоторое время, вышел через макушку. Горло расслабилось, дышать стало легко и свободно. В голове появилась небывалая уже многие годы ясность. И озорная мысль шевельнулась в ней. Ох, Ку Ку. Что же ты со мной сделал? По-моему, пора, муженёк уже помылся. И, напевая вслух «...что ты не мой лопушок, а я не твой Андрейка, что у любви у нашей...аккумулятор... зарядился...», она пошла в ванную. Ощупывая шариком пирсинга в языке нёбо и собирая волосы в пучок.

До встречи в июне, Ку Ку.

Продолжение будет.

Русско-гоанский разговорник, словарь специальных терминов и сленговых выражений

Амфетамин — энергетик, наркотик, тонизирующее средство, частое применение приводит к износу организма, снижению или потере иммунитета и прочим отрицательным для здоровья последствиям. Во многих странах, в том числе в России, запрещён. В Индии разрешён к применению, по рецептам.

Антач — неприкасаемый.

Аптека — наркотические или психоделические препараты, которые можно купить в аптеке.

Ача (*ударение на последнем слоге*) — слово, означающее согласие, понимание того, что тебе говорят, выражение восторга. Одно из самых важных слов в лексиконе любого человека, находящегося на территории Индии.

Баба (*ударение на последнем слоге*) — уважаемый человек, святой.

Бабу (*ударение на последнем слоге*) — ребёнок.

Байк — мотоцикл.

Бакшиш — милостыня, финансовая награда, поощрение, премия.

Баньян — дерево, святое в индуизме.

Барыжить — продавать наркотики.

Белый — кокаин.

Бетель — орех пальмы, стимулятор, схожий по воздействию с амфетамином, кратковременного действия. В Индии легален, культивируется и свободно продаётся. Считается «легальным наркотиком».

Биди – самые дешёвые сигаретки, состоящие из табака, завернутого в лист дерева.

Бодяжить – разбавлять, разводить.

Бонг – приспособление для курения, кальян.

Бошечки – самая дорогая разновидность марихуаны, соцветия конопли, богатые смолами и алкалоидами.

Бошкалом – приспособление для измельчения бошечек.

Бульбулятор – простейшее приспособление для курения гашиша из пластиковой бутылки для воды.

Буратино – оксибутерат натрия, наркотическое вещество, катализатор, усиливающий действие других веществ, афродизиак, в больших дозах – снотворное.

Быстрый – общее название бодрящих наркотиков: амфетамин, кокаин и т.д.

Взрывать – первому раскуривать приспособления для курения.

Воз, возок – курьер, доставляющий наркотик.

Врупиться – поменять валюту на индийские рупии.

Втыкает – относится к проявлению наркотического действия или – заинтересовывает.

Выхлоп – запах перегара.

Гаджа (*ганжа, ганджа*) – марихуана.

Галюны – галлюцинации.

Гашиш – лёгкий наркотик, основным действующим веществом которого является тетрагидроканнабинол (ТГК), содержащийся в растениях вида каннабис (конопля).

Герашки – эффект зуда, почёсывание, одно из проявлений воздействия опиатов.

Героин – тяжёлый наркотик группы опиатов.

Герыч – героин.

Гестик, гестхаус – дешёвая гостиница, комнаты внаём.

Ги – топлёное коровье масло.

Глюки – галлюцинации, видения.

Гнать – говорить чушь, ерунду.

Гоан – иностранец, житель Гоа.

Гоапипл – гоанское сообщество. Иностранцы, населяющие Гоа.

Гоатранс – направление в трансовой музыке.

Гонево – неправда, вымысел, бред. Разговор, рассказ под действием наркотика.

Грибной ритуал – ритуал, предшествующий приёму псилоцибиновых Грибов и сопровождающий его.

Гровер – специалист по выращиванию психоактивных растений и Грибов.

Грузить – портить настроение, озадачивать своими проблемами.

Данивар – спасибо.

Дербан – делёжка, распределение.

Джа – Бог растаманов.

Джойнт (джоинт) – сигарета, содержащая конопляную составляющую.

Джусик, Джус центр – буфет в посёлке Чапора, торгующий свежавыжатыми соками. Это, скорее, клуб для гоанов и экзотическая достопримечательность для туристов. Сюда приходят покурить, узнать вести с родин, поделиться новостями, а заодно и попить сока. Гиды устраивают сюда экскурсии.

Дилер – продавец наркотиков.

«Димыч» (МДМА) – психоделик, в больших дозах – галлюциноген, главное составляющее, кроме амфетамина, таблеток «экстази».

Дискаунт – скидка с цены. Самое главное слово во время торговли.

ДМТ – очень сильный галлюциноген.

Догонять – понимать.

Догоняться – принимать дополнительную порцию наркотика.

Долбить – употреблять наркотики.

Дреды – вид причёски из собственных или искусственных (нарощенных) волос, сбитых в букли, напоминающие косички. Атрибут растаманов. Модный аксессуар в Гоа.

Дудники – любители дунуть.

Дунуть – покурить конопляных производных.

Ёжитья – заниматься йогой.

Зависать (*висеть*) – посещать вечеринки, пати, продолжающиеся по несколько дней, употребляя наркотики.

Загон – состояние испуга от ощущений во время приёма наркотиков.

Закинуться – покушать, съесть чего-нибудь, употребить наркотик, принимаемый перорально.

Залипать – отключаться, выпадать из действительности, находясь под действием наркотиков.

Зачапоречье – местность в Северном Гоа, находящаяся за рекой Чапора от центральной части.

Золотой укол – последняя инъекция, повлёкшая за собой смерть наркомана.

Игра в стаканчики – метод курения гашиша.

Измена – состояние изменённого сознания. Мрачные мысли при наркотическом похмелье.

Ингибиторы МАО – вещества, блокирующие выработку в организме фермента моноаминоксигеназа, нейтрализующего токсины, содержащиеся в пище и принимаемых препаратах.

Инду – исповедующий индуизм.

Индус – то же самое, что Инду.

Кабаб – шашлык.

Капли (*капли в глаз*) – раствор ЛСД.

Каток – таблетка наркотика.

Кетамин – препарат, применяемый для наркоза в ветеринарии. Галлюциноген, в России запрещён. Любимый наркотик англичан.

Кёрд – кисломолочный продукт, густая простокваша.

Кислота – ЛСД.

Кокаин – тяжёлый наркотик, производимый из листьев растения кока, иногда с добавлением эфедры.

Кокос – кокаин.

Колесо – таблетка наркотика.

Колесить – употреблять наркотики в таблетках.

Комис – вознаграждение гиду за привод в твой ресторан, гестхаус, магазин клиентов из числа туристов или распространение среди них твоей продукции.

Конкани – язык штата Гоа.

Косяк – сигарета, содержащая конопляную составляющую.

Косячить – делать глупости по укурке.

Крэк – производное кокаина, сильнейший и коварнейший наркотик.

Кристаллы Шульгиных – психоделические вещества, синтезированные семьёй великих русских хими-

ков, более ста шестидесяти наименований, в том числе и знаменитый МДМА.

Кропаль — маленький кусочек гашиша.

Кропалить — нарывать гашиш на мелкие кусочки, удобные для приготовления курительной смеси.

Крыть — действие наркотика.

Кукис — пирожное, печенье с гашишем.

Курить бамбук — простаивать без дела, наслаждаться бездельем, отдыхать.

Курьер — перевозчик наркотиков.

Лемон сода — газировка с выжатым в неё лимоном. По умолчанию, подается с сахаром и солью.

Лечить — объяснять простые, всем известные истины.

Лири Тимоти — ученый-психолог, психиатр, увидевший в психоделических препаратах ключ к пониманию и решению многих проблем человеческой психики, ставший главным пропагандистом и популяризатором ЛСД. Применял его для обучения семинаристов в духовной академии. После запрещения препарата в США уехал в Европу. Далее на Восток — в Индию и т.д. Подвергался преследованиям и даже отсидел в американской тюрьме. По его словам, совершил за свою жизнь четыреста семьдесят один ЛСД трип. В конце жизни разочаровался в психоделиках и увлёкся виртуальным миром. Умер на семьдесят пятом году жизни. Через год после смерти друзьям пришли письма с его интернет-ящика, в котором говорилось, что «здесь всё совсем не так, как вы представляете себе, но тоже неплохо...».

Лох – богатый турист, из дорогого отеля, не считающий деньги, покупающий стафф по завышенным ценам. Термин гоанов, занимающихся бизнесом в сфере обслуживания туристов, и гидов. Слово заимствовано из лексикона дальневосточных рыбаков. У них означает отметавшую икру самку лососевых. Рыба наименее ценная и годная лишь для продажи несведущему человеку.

Локал – местный житель, индиец.

ЛСД – психоделик, галлюциноген.

Мансун – муссон, период дождей, наступающий в июне и заканчивающийся в октябре.

Мариванна – марихуана.

Марихуана (*дурь, трава, шмаль, грас...*) – листья и соцветия конопли, порезанные и высушенные для курения. Лёгкий наркотик, основным действующим веществом которого является алкалоид тетрагидроканнабинол (ТГК), содержащийся в растениях вида каннабис (конопля).

Маркет – рынок, базар.

Маркс Говард – самый великий контрабандист наркотиков. Легенда и классик в своём деле. Его называют Баффеттом наркобизнеса. Написал книгу мемуаров под названием «Мистер Найс», в русском издании – «Господин Ганджубас». Неофициально снабжал наркотиками правительства разных стран, не исключая и супердержавы.

Масала – дословно переводится как смесь, так называется любая смесь специй. Название это пошло от базовой составляющей – листа коричневого дерева. Чаще упоминается в отношении индийского нацио-

нального чайного напитка с молоком. В чай «масала» обязательно входит лист коричневого дерева, гвоздика, чёрный перец, кардамон и т.д.

Меджик кейк (меджик) – пирожное, печенье с гашишем.

Медленный – транквилизатор, наркотик успокаивающего действия, опиат, героин.

Мескалик – мескалин. Галлюциноген, содержащийся в кактусах семейства лофофора. Шаманское название кактуса – пиёт.

Миксбол – чашечка для приготовления смеси гашиша и табака. Очень важный атрибут дудника. Самые распространённые МБ делаются из скорлупы кокосового ореха. Есть даже авторские экземпляры, с инкрустацией и отделанные золотом.

Муслим – мусульманство, мусульманин.

Намастэ – приветствие как при встрече, так и при прощании.

Накрыло – начал действовать наркотик.

Нан – хлеб, лепёшка, бывает с наполнителями, тогда спереди прибавляется название наполнителя.

Напас – затяжка, относится к конопляным составляющим.

Наркоман – по гоанской градации человек, употребляющий тяжёлые наркотики опиатной и кокаиновой группы.

Нахлобучило – неожиданное и очень сильное действие наркотика.

Нервняки – депрессия, связанная с последствиями употребления наркотиков.

«Нирдош» – аюрведические травяные сигареты.

Номер первый (один) – кокаин.

Норма – количество перевозимого через границу Непала и Индии гашиша, при обнаружении которого полицией можно откупиться. По непроверенным данным, составляет четыре килограмма. Не принимать как инструкцию к действию!!!

Обдолбыш (обдолбанец) – человек, употребляющий тяжёлые наркотики.

Ом – в Индуизме культовый знак, символизирующий создание мира. «Сначала был звук...», именно со звука Ом началось сотворение мира.

Опен эйр – дискотека на открытом воздухе.

Опий (опиум) – высушенный млечный сок коробочек мака, сырьё для производства героина. В чистом виде является курительным наркотиком. Может употребляться в пищу в тех же целях.

Отдупляться на контрастах – чередовать разнозначное, разнонаправленное, например, снотворное с кофе, энергетик с транквилизатором, героин с кокаином. Или, если жизнь прекрасна, устраивать себе трудности для освежения восприятия хорошего.

Отходняк – состояние, наступающее после окончания фазы эйфории во время действия наркотика.

Панир – пресный творожный сыр.

Панчяат (панчият) – районный или сельский совет.

Панчакарма – аюрведические очистительные процедуры.

Парашёк – кокаин.

Пати (парти) – вечеринка, дискотека.

Пердос – эффект метеоризма и расстройства желудка вследствие частого употребления кокаина.

Петролка – бензозаправочная станция.

Печенька – печенье, на которое накапана доза ЛСД.

Плющит – очень сильное действие наркотика.

Подлечить – посплюявленным пальцем притушить ту часть косяка (*джоинта*), которая больше истлела, с целью равномерного его горения.

Покара – курортный посёлок в Непале. Гималайская «Швейцария». Любимое место проведения сезона дождей психоделической тусовки Гоа.

Полан – гашиш, получаемый путём «пробивки» срезаемых растений конопли через капрон с добавлением масла этого же растения, наиболее крепкие, дающие сонный эффект сорта.

Попуститься – временно прекратить употреблять наркотики, сделать перерыв.

Приколоться по синьке – выпить алкогольного напитка.

Прикид – одежда.

Приколачивать – готовить приспособление для курения к использованию или скручивать джойнт.

Пролечивать – читать нотации, подсовывать некондицию, выдавая за товар лучшего качества.

Псилики – псилоцибиносодержащие Грибы, галлюциногены.

Пыхнуть – покурить конопляных производных.

Пьяная улица – участок улицы в Чапоре от Джус центра в сторону Рыбного порта. Здесь располагаются питейные, курительные и прочие заведения, принадлежащие фрикам. В том числе кафе и магазин ветерана,

более четверти века прожившего здесь ташкентского грека Тео. Известного и в России как диджей, играющий жёсткую музыку в стиле «Дарк».

Райта — овощной салат, залитый кёрдом. Окрошка по-индийски.

Растаманство — культовое полурелигиозное движение, образ мыслей и жизни. Главный Бог — Джа. Обычно изображается состоящим из листьев конопли. В растаманском движении популярен фетишизм. Он может выражаться в поклонении портрету Боба Марли, или статуе Ленина, или окурку Джона Леннона, значения не имеет. Атрибутика растаманства — дреды, вязаные большие береты, в которые можно спрятать дреды, изображение пятилистников конопли, употребление конопли, пацифизм, пофигизм. Считаются самыми беззаботными и счастливыми людьми на свете, так как редко приходят в состояние отрезвления от воздействия марихуаны.

Расты (*Раста народ*) — растаманы, приверженцы движения Растаманства, поклонники Бога Джа.

Рублёвка — набережная в Моржиме, облюбованная русскими. В английских путеводителях — «Рашен мафия виладж».

Ресорт — большой гестхаус.

Ризла — бумажка для сворачивания джоинта.

Рикша — трёхколёсный мотоцикл пассажирской и грузовой модификации.

Розовые слюни — одно из прозвищ МДМА за его эффект любви ко всему человечеству.

• **Сабжи** — тушёные овощи.

Сальвия (*Сальвия Дивинорум, Шалфей Предсказателя*) — вид шалфея, произрастающего в Мексике, свя-

тое растение у индейцев. Используется шаманами для общения с духами. Легален во всём мире, кроме двух стран — Австралии и Финляндии. Галлюциноген очень сильного, но кратковременного действия.

Самосы — жареные пирожки с овощами.

Сансетить — наблюдать знаменитый гоанский закат.

Сафи — кусок тряпочки, марли или бинта, используемый в качестве фильтра, которым оборачивают прикладываемый к губам конец чалома.

Стафф — наркотик. Коммерческий термин, обозначающий любой наркотик, в том числе и алкоголь. Так, бутлегеры называли свой товар во время Сухого закона. Ныне больше применяется дилерами в отношении гашиша.

Сэр Панч — деревенский, поселковый староста (председатель Панчаята).

«**Сибирь**» (2СВ; 2СА) — галлюциноген, психоделик, «дамский ЛСД», творение фамилии Шульгиных.

Сиеста — время с половины второго до четырёх часов дня. Самое жаркое время, когда закрываются магазины. Время обеда и послеобеденного сна.

Синдерелки — популярная в Гоа обувь, напоминающая башмачки Золушки, сделанная из полиуретана, очень лёгкая и удобная.

«**Синяк**» — человек, употребляющий алкоголь.

Синячить — употреблять алкоголь.

Снежок — кокаин.

Спальник — междугородний автобус, курсирующий по ночам, оборудованный спальными полками вместо сидений. Самое популярное и дешёвое средство перемещения по Индии.

Спид (спиды) – общее название бодрящих, тонизирующих наркотиков.

Табуретка – скутер, мотороллер.

Тагильское пати – дискотека в известных клубах для туристов («Титос», «Кабана»), в которых большой популярностью пользуются алкогольные напитки вместо лёгких наркотиков, а исполняемая музыка тяготеет к стилю R&B.

Тайчить – заниматься гимнастикой Тай Чи.

Тандури чикен – курица в специях, запечённая в тандуре, индийской печке. Обычно необычного красного цвета.

Точить – есть, кушать.

Транс – направление в современном искусстве, наибольшей популярностью пользуется музыкальная составляющая.

Трип – психоделическое путешествие под воздействием наркотических веществ.

Тоди – сок кокосовой пальмы с большим содержанием сахаров.

Тола – мера веса, которой измеряется гашиш, составляет одиннадцать и шесть десятых грамма (русская тола – десять граммов).

Торкать – момент начала воздействия наркотика.

Тормозить – забывать суть во время разговора, путаться в мыслях вследствие употребления наркотиков.

Торчать – находиться под воздействием наркотиков.

Торч – состояние опьянения.

Торчок – любитель поторчать.

Точка – место, где продают наркотики.

Убраться — попасть в аварию, побиться. Чаще употребляется в отношении ездоков на двухколёсном транспорте.

Укурок — любитель часто и плотно курить коноплю.

Упихаться — передозироваться наркотиками.

Файф минут — дословно переводится, как «пять минут». В Гоа — неопределённый промежуток времени продолжительностью от пятнадцати минут до нескольких суток.

Фак — международное ругательство на грани приличия, обозначающее половой акт, дозволенное в обществе.

«**Факер мелон**» — лейбл фриковской одежды, основанный англичанином, живущим в Гоа. Недешёвый, штучный и очень редкий бренд. Переводится как «Мозготрах».

Фейерверк Шульгиных — смесь «Сибири» (2СВ) и «Димыча» (МДМА).

Феня — самогон.

Флешка — кратковременно нахлынувшее состояние наркотического опьянения, происходящее через некоторое время после окончания действия наркотика. Сопровождает многократное или чрезмерное употребление препаратов.

Флип — временное помешательство.

Фреш чикен — белый турист в первые дни приезда.

Фрик — продолжатель дела хиппи, свободный человек.

Фрик Чапорский — самая отвязная и отмороженная категория фриков.

Хампи — затерянный в джунглях древний город на территории штата Махараштра. Место паломничества гоанов.

Хаус бот – плавучая гостиница, корабль-дом. Вид экзотического жилья, более распространённый в штате Керала. В Гоа это частные объекты. Из известных автору оба принадлежат русским.

Хеш – гашиш.

Хибры – евреи.

Хомячить – есть, кушать.

Хофманн Альберт – отец ЛСД. Официальной датой открытия считается 1943 год, хотя впервые вещество было получено в 1934 году, но его психоделические свойства до случайного соприкосновения с кожей учёного не были известны. Полусинтетический препарат лизергиновой кислоты, содержащейся в грибах рода спорынья, паразитирующих на злаковых растениях. Ранее легальный препарат, ныне запрещён во многих странах мира. Выступая на конгрессе, посвящённом собственному столетию, в Брюсселе, Хофманн упомянул о том, что человечество ещё до конца не поняло, с чем же оно столкнулось на самом деле и что за этим препаратом огромное будущее.

Христиан – христианин.

Чалом (чиллом) – приспособление для курения гашиша сорта чарс, смешанного с табаком.

Чапалы – лёгкая обувь.

Чапати – лепёшка.

Чарс (чартс) – гашиш из смолы, собранной с живых растений методом «мацания», по приданию, только его курит Шива.

Чемодан – турист, приехавший по путёвке тур-агентства.

Чёрный – самый дешёвый, неочищенный героин.

Чилаут — помещение для отдыха. Относительно уединённое место в ресторане для курения конопли.

«Чилаут планет» — название дорогого лейбла клубной, трансовой и психоделической одежды, производимой в Санкт-Петербурге, очень популярной в гоанской тусовке, как среди русской её части, так и среди других иностранцев.

Шалфей Предсказателя — см. Сальвия.

Шанти — состояние умиротворения, спокойствия, всеобщей любви, свойственное гоанам.

Шариться — искать наркотики.

Шек — береговой ресторанчик.

Шит — приличное ругательство, обозначающее экскременты.

Шпыня — «лежачий полицейский».

Штырить — проявление воздействия наркотика.

Шубратри — спокойной ночи.

Шугаркан джус — сок из стеблей сахарного тростника. Выжимается на улице прямо при вас на передвижных лотках, гремящим, вонючим устройством, работающим от односвечёвого двигателя внутреннего сгорания.

Шуттинг — съёмки в массовке, видеоклипе или кинофильме. Популярный метод заработка в среде фриков и иностранных жителей Гоа.

Щёлкать — употреблять наркотики.

Экстази — галлюциноген (в больших количествах), психоделик, состоит из МДМА и амфетаминов.

Эфедрa — растение, содержащее одноимённый алколоид, во многих странах признанный наркотиком.

Эта книга заряжена позитивной энергией автора и описанных в ней героев. Однако страница, на которую вы смотрите, — самая важная. На ней особым образом при помощи нанотехнологий запечатлена главная мысль произведения, которую по ряду причин, невозможно писать открытым текстом. Может быть, настанет время и во второй книге — продолжении «Хроник» — она будет раскрыта, так же на последней странице. Метод, которым можно прочитать запись, держится в строжайшем секрете... Но известны случаи самопроявления текста, когда книга находилась между северным тропиком и экватором, примерно семьдесят пять градусов к востоку от Гринвича, в районе... от посёлка Вагатор до местечка Моржим... именно там наиболее благоприятные условия (влажность, давление, температура воздуха, определённые химические вещества...)

Оглавление

Типа предисловие	5
Гоа: официальное вступление, некогда вывешенное в Интернете	10
Пролог	13
Адвокат Удой	14
Сиеста. Моржим. Час сурка	23
Вася, который Самрастит	28
Размышления	
«Фреш чикен»	34
Барабан	36
«Чало» – слово сакраментальное	39
Просветлённые	41
Сжигатели оранжевого бензина	43
Гомеопатия и аюрведа	45
От индусов до индийцев, и немного о нравах	53
Гармония трёх «Д» (Дураки, Дороги, Духи)	67
Мансун всё смоеет	75
Манго	79
Хануман и Ковбой	89
Практические советы	
Часть первая. Житейская	101
Часть вторая. Аюрведическая	105
Часть третья. Дорожная песня (дороги Гоа – это песня...)	111
Мансун	114
Чёрно-серое кино	121
География	
Коктебель XXI века: Моржим, или Руббллёбка, сэр! .	133
Дерево Битлз	139
Джус центр в Чапоре	143
Ночной рынок	149

Калангут	151
«Зачапоречье» и другие местечки административно-народного деления Северного Гоа	153
Флимаркет в Анжуне	158
Сладкое озеро	161
«Катюша»	163
Немного о животных	174
Первый сон Веры Павловны	190
Сон первый (пацифистский).....	192
Второй сон Веры Павловны	199
Сон второй (спортивно-патриотический)	200
Третий сон Веры Павловны	207
Сон третий (политико-миротворческий).....	207
Четвёртый сон Веры Павловны	227
Сон четвёртый (патриотический, политико-футуристический)	231
Первое правило Бога — никому не говори, что ты Бог	255
Русско-гоанский разговорник, словарь специальных терминов и сленговых выражений	301

Игорь Станович
ГОАНСКИЕ ХРОНИКИ

Редактор *Е. Соколова*
Корректор *Н. Антонова*
Компьютерная верстка и дизайн *Е. Сотникова*
Дизайн обложка *Е. Блинов*

ООО «Лоцман РА»
e-mail: *info@lotsman.org*
info@goahroniki.ru

Подписано в печать 09.12.08
Бумага офсетная. Формат 70х100 1/32
Гарнитура «HeliosCond». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16.9. Тираж 3000 экз. Заказ № 8228.